

БЫКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

В

АНГЛИИ

1764 ~ 1836

из
соцэкиз
1934

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Г. БЫКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ
В АНГЛИИ

(1764—1836)

550982

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МОСКВА 1934 ЛЕНИНГРАД

Книга Г. Филкова описывает социальное движение в Англии в конце XV II и первой трети XIX в. — в бурную эпоху аграрного и промышленного переворота. Голодные бунты, солдатские волнения, восстание во флоте, движение фермеров и батраков, стачки и разрушения машин, борьба рабочих за профессиональные организации, борьба за политические реформы — против правительства, голода, реакции и войны, — таково содержание книги. Она показывает что историческое развитие Англии, даже после двух революций XVII в., далеко не всегда протекало так мирно, как это до сих пор рисуют иные буржуазные историки, писатели и политики. Изучение хода борьбы за демократию в Англии в конце XVIII и начале XIX в. дает ключ к пониманию ее дальнейшей истории, вскрывает корни и избирательной реформы 1832 г. и чартистского движения. Книга представляет собой сводку фактов, уже установленных в научной литературе, но русскому читателю в большей части неизвестных и дополненных рядом новых данных, основанных на проработке таких первоисточников, как брошюра и памфлет эпохи, газеты, судебные отчеты и т. п.

Книга рассчитана на читателя, имеющего общее представление о ходе исторического развития Англии в новое время.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Промышленный переворот, создавший в Англии крупную промышленность нового, фабричного типа и совпавший с последним (строго говоря — предпоследним) этапом аграрного переворота, сопровождался бурными движениями народных масс, протестовавших против небывалого усиления эксплуатации, против политики голода, реакции и войны. Обезземление крестьянства, разорение и пауперизация ремесленников, каторжное фабричное законодательство, жестокое законодательство о бедных, тяжесть налогов, наконец, затянувшаяся война (с революционной, а затем наполеоновской Францией) и вызванная ею дороговизна, — все это приводило низы населения на грань нищеты и отчаяния. Голодными бунтами, разрушением машин, поджогами фабрик и поместий, стачками, революционными восстаниями в городе и деревне, в армии и во флоте отвечали массы на резкое ухудшение своего материального положения, на невыносимые бедствия, обрушившиеся на них в эту эпоху. Это была борьба не только против экономического угнетения, но и против политического бесправия, а в Ирландии и Шотландии еще и против национального и религиозного гнета. Массы боролись и против лэндлордизма и против остатков церковного феодализма и против капиталистических фермеров и против капиталов новой, фабричной промышленности. Они боролись и против государственной власти — против аристократической конституции, против правящего блока «аристократии земли» и «аристократии золота», за демократическое преобразование страны. Особенный размах движение низов приобрело в 90-х годах — под влиянием французской революции и контрреволюционной политики Питта-войны. Демократические идеи делали в это время большие успехи в Англии. В стране, казалось, нарастали предпосылки народной революции. Ее гегемоном не могла быть буржуазия, которая со времени «славной рево-

люции» 1686 г. превратилась — в своих решающих звеньях — в консервативную силу, склонную к гнилому компромиссу с аристократией. Это не помешало буржуазии использовать движение низов, чтобы завоевать себе потом, в 1832 г., место в парламент, т. е. долю власти. Не мог возглавить назревавшую революцию и пролетариат, еще находившийся в процессе формирования, еще не ставший классом для себя. Незрелость пролетариата была обусловлена тем, что капитализм еще только начинал свое триумфальное шествие. Удельный вес промежуточных социальных групп — городской мелкой буржуазии, ремесленников, мелких фермеров — был еще довольно высок, их идеологическое влияние на молодой рабочий класс — весьма велико. Отсюда — антикапиталистические и антифеодальные идеи и настроения, красной нитью проходящие через всю эту эпоху и явно преобладающие над идеями собственно социалистическими.

Отсюда — та умеренность, тот «лойализм», которые отличают большинство руководителей демократического движения в Англии этой эпохи.

Отсутствие действительного руководства обусловило неизбежность поражения демократического движения, развернувшегося в Англии в конце XVIII и первой трети XIX в.

В исторической литературе интересующие нас движения изучены сравнительно мало. Буржуазные историки долго замалчивали либо фальсифицировали социальную историю аграрного и промышленного переворота, на что указывали в свое время Маркс и Энгельс. Между тем, без изучения хода борьбы за демократию в Англии в конце XVIII и в начале XIX века, без анализа рабочего движения этой эпохи нельзя выяснить происхождение избирательной реформы 1832 г., нельзя также вскрыть корни чартизма, который был, по выражению Энгельса, «детисцем демократической партии XVIII столетия». Детальное изучение всех этих движений дочартистского периода началось, в сущности, лишь недавно, с работ Гаммондов, пустивших в оборот весьма значительный фактический материал, добытый из первоисточников. Фабианская идеология авторов сильно снижает, конечно, научную ценность этих работ. Материал о профессиональном движении эпохи можно найти у Веббов, близких по своему духу к Гаммондам: тот же «объективизм», тот же прагматический характер изложения, то же плохо скрытое отвращение к революционным методам борьбы. Восстание во флоте достаточно полно освещает монография Джилля; мы не говорим о выводах этого консервативного автора, не скрывающего своего удовлетворения по поводу благополучного для правительства исхода восстания 1797 г. Корреспондентские общества — эти

ячейки «демократической партии XVIII ст.» — и их деятельность в подробностях не изучены до сих пор. Некоторый материал по данному вопросу дает книга Бера, историка, в свое время несомненно испытавшего на себе известное влияние марксизма. Он же исследовал идеологию и деятельность таких видных деятелей демократического лагеря того времени, как Спенс, Коббет, Карлайль, Гент и др., не прошел и мимо агитатора всеобщей стачки Бенбу. Из буржуазных историков, занимавшихся этой темой — демократическим движением в Англии в конце XVIII в., — назовем Броуна («Англия и французская революция»), Смита («Английский якобинизм»), Голля («Британский радикализм 1792—1797 гг.»), Джефсона («Платформа»). В своей совокупности эти работы дают большой фактический материал, но страдают большей или меньшей недооценкой роли рабочего класса. Разрушителям машин посвящена содержательная работа советского историка В. Васютинского. Наконец, интересные замечания (историографического порядка) об «английском рабочем в эпоху промышленного переворота» содержит статья проф. Косминского, опубликованная в 1927 г.

Не претендую здесь на сколько-нибудь полный обзор того, что написано по интересующему нас вопросу, мы должны констатировать отсутствие в нашей литературе специальной работы, которая давала бы сводку основных фактов, относящихся к данной теме. Задача настоящих очерков — дать сжатый обзор истории социальных движений в Англии с 60-х годов XVIII века до середины 30-х годов XIX, обзор, основанный на данных, уже имеющихся в научной литературе, а также на материалах, впервые извлеченных из первоисточников (газет, политических брошюр и памфлетов, судебных отчетов и пр.). Само собой разумеется, что главное внимание автор уделяет рабочему движению, всем тогдашним формам его, — от разрушения машин до борьбы за профессиональную организацию и политические права. Не претендуя на законченное научное исследование всех относящихся к данной теме процессов, предлагаемый очерк принесет известную пользу советскому читателю, который даже в марксистских работах, посвященных эпохе промышленного переворота, не находил по большей части сколько-нибудь полной картины длительной и временами весьма бурной борьбы народных масс, развернувшейся в Англии в тот знаменательный, почти 80-летний, критический период ее национальной истории.

Ленинград, октябрь 1934 г.

Глава первая

ГОЛОДНЫЕ БУНТЫ 1795 — 1818 гг.

Историческая тенденция аграрного переворота заключалась в расчистке путей для развития капитализма и в создании огромной резервной армии промышленного и сельскохозяйственного пролетариата.

В середине XVIII в. реальная заработная плата в Англии падала все ниже и ниже. Натаниель Кент, писавший в 1761 г., говорит, что за последние 40—50 лет цена продуктов поднялась до 60%, а заработная плата — только до 20%. По вычислениям профессора Леви, заработная плата между 1760—1813 гг. поднялась на 60%, а цены на пшеницу — на 130%. Автор «Истории движения сельскохозяйственных рабочих в Англии» Хасбух сообщает, что в Кумберленде около 1735 г. заработная плата поденщика составляла от 1 шилл. 6 пенсов до 2 шилл. в неделю с харчами. Зимой платили 3 пенса в день, кроме харчей, летом — 4 пенса плюс харчи. В Нортумберленде в 1795 году платили 10 шилл. в неделю плюс помещение и бесплатное топливо, но без харчей. В XVIII в., после упорной борьбы рабочих против платы натурой, последняя постепенно отмирает и заменяется денежной. Одним из методов понижения заработной платы являлось насаждение полуфермеров — рабочих, получавших от лэндлорда дом и участок земли, за что они работали ниже обычной нормы заработной платы. Весь «доход» деревенского рабочего и его семьи состоял из 8 шилл. 6 пенсов в неделю. Из них 5 шилл. 3 пенса уходило на хлеб, так что на все другие потребности оставалось всего 3 шилл. 3 пенса.

В Ланкашире дневной бюджет сельского рабочего составлял от 9 до 12 пенсов без харчей или от 4 до 6 пенсов плюс хлеб. Рабочий класс города и деревни не знал, что такое мясо, масло, сахар. Эти продукты были для него недоступной ро-

скопью, так же как и пшеничный хлеб. Цены на хлеб росли с каждым пятилетием. По данным Портера, в 1780 г. цена хлеба (в квартерах) равнялась 43 шилл. $1\frac{1}{4}$ пенса, в 1795 г. — 81 шилл., 6 пенсам, в 1800 г. — 127 шиллингам. Таковы были результаты политики аграрного протекционизма. За три хундервейта мяса в 1787 г. платили 76 шилл. (хундервейт = сто фунтам), а в 1797 г. — 110 шилл. За хундервейт масла в 1787 г. платили 47 шилл., а в 1797 г. — 85 шилл. Цена на сахар поднялась с 24 шилл. за хундервейт в 1787 г. до 52 шилл. в 1797 г. Рабочему классу оставалось кормиться овсянной крупой и мукой. Положение сельского рабочего, батрака, поденщика было ужасно. Война с революционной и наполеоновской Францией вела к расстройству экономической жизни Англии. Хлебные цены вздувались. По всей Англии проходит грозная волна стихийных голодных бунтов. Требование установления твердых цен на продовольственные продукты, требование регулирования заработной платы (установления ее минимума) становятся боевыми требованиями поднимающегося деревенского и городского пролетариата.

В тревожную и бурную эпоху голодных бунтов 1795 г. почти по всей Англии стихийно возникают «лиги потребителей», играющие роль руководящих центров движения. Характерной особенностью этих бунтов был блок сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты с городской мелкой буржуазией и городскими рабочими, остро страдавшими от высоких хлебных цен. В голодных бунтах 1795 г. часто во главе движения стояли женщины. «Мятежники» отличались редкой дисциплинированностью и, как правило, не громили лавок. Там, где им удавалось стать хозяевами положения, они ограничивались тем, что устанавливали твердые цены на продукты. Захваченное у спекулянтов или припрятанное ими продовольствие продавалось по твердому максимуму, а вырученные суммы вручались собственникам реквизированных продуктов. В Эльсбери в марте 1795 г. многочисленная толпа, состоявшая преимущественно из женщин, захватила всю пшеницу, поступившую на рынок, и принудила фермеров согласиться на новые, более низкие цены. В Девоншире «бунтовщицы» бросились в деревни около Чудлифа и разрушили там две мельницы. В Карлейле толпа женщин, сопровождаемая мальчишками, демонстрировала по улицам, заглядывала в дома и лавки, отбирая зерно и складывая его в зале городского самоуправления. Был образован комитет по установлению продажных цен. В Фординг-Бридже некая Сарра Роджерс вместе с другими женщинами повела кампанию за дешевое масло. Сарра отобрала масло у торговки Ганны Даусон, с намерением продать его по пониженной

цене. В виду молодости Сарры, Винчестерская судебная сессия приговорила ее «только» к трем месяцам каторжных работ. В Бате женщины захватили стоявшее на реке судно с грузом пшеничного зерна и муки и отказались его выпустить. В ответ на чтение акта о мятеже женщины заявили, что они не бунтовщицы, и в доказательство спели: «Боже, храни короля». Несмотря на присягу собственников этого груза, что зерно и мука предназначены для Бристоля, женщины этому не поверили. Зерно и мука были разгружены и ссыпаны в склад.

В некоторых местах солдаты, вместо подавления бунта, помогали мятежному населению. В Сифорде солдаты захватили и распродали мясо и муку. В Гильфорде они возглавили движение за снижение цен на мясо до 4-х пенсов за фунт, после чего были высланы из города местными властями. Серьезные беспорядки вспыхнули в Вильтшире, Суффолке и Норфолке. В Деддингтоне голодающее население захватило баржу, груженную мукой, но вернуло ее после обещания владельца мельницы продавать муку по пониженной цене. Перед лицом хлебных бунтов консервативный парламент занялся преподанием советов голодающим мешать хлеб с перловой крупой, а рожь — с пшеницей. Овсянка стала общей пищей на севере. Почему бы ее не распространить и на юг? Нельзя ли сократить потребление овса лошадьми и использовать его для прокормления голодающих жителей? В своих парламентских заседаниях лэндлорды глубокомысленно решили, что «овса было бы достаточно для бедных, если бы не давать его лошадям за исключением почтовых и, может быть, кавалерийских». Действительно, «лошадиный корм» играл в это время важную роль в бюджете английского пролетария. Так в Кэмберленде рабочий с женой и семьей в 5 человек тратил на овсянку 7 фун. ст. 8 шилл. в год, ткач из Кендале с 8 членами семьи — 12 фун. ст. 9 шиллингов. Рабочий Шропшайра с 4 членами семьи тратил в год 10 фун. ст. 8 шилл. на смешанный хлеб из пшеницы с рожью. Сельскохозяйственный рабочий в Ветералле (Кэмберленд) с семьей из 5 человек тратил в год 7 фун. ст. 6 шилл. 9 пенсов на крупу.

Одновременно с регулированием хлебных цен сельские рабочие разворачивают кампанию митингов за минимум заработной платы. Массовые волнения принудили английский парламент приступить к обсуждению вопроса о минимуме заработной платы, но при вторичном чтении билля он был похоронен. Вместо минимума заработной платы, парламент встал на путь прикрепления бедных по приходам и насаждения рабочих домов. Закон запрещал свободу передвижения рабочего в поисках работы, прикрепляя его к определенной местности и принуждая работать по любой цене, диктуемой лэнд-

лордами и фабрикантами. В то же время, в целях создания кадра зависимых рабочих и понижения заработной платы, возникает так называемое «аллотментское» движение — по наделению бедняков карликовыми участками земли и «коровкой».

Голодные бунты 1795 г. привели к некоторому повышению заработной платы — не в порядке парламентского вмешательства, а в процессе революционного нажима рабочих на своих хозяев. В Спингамлэнде рабочие добились минимума заработной платы, и «гражданский мир» был восстановлен. Эта одержанная снизу победа была закреплена соответствующим парламентским актом («Спингамлэндский акт»). Рабочие сельскохозяйственных округов начинают борьбу за распространение и на них принципов этого акта. Впрочем, в руках мировых судей — ставленников лэндлордов — таксация минимума заработной платы очень скоро превращается в орудие не улучшения, а ухудшения материального положения рабочих. В связи с окончанием наполеоновских войн и холерным летом 1815 г., двумя обстоятельствами, которые привели к новому подъему цен на все продукты, в мае 1816 г. в Норфольке, Суффольке, Гэтингтоне, Кэмбридже вспыхивают новые восстания деревенской бедноты. После ночных митингов красный петух и «угрожающие письма» (т. е. прокламации) были пущены по усадьбам лэндлордов и торговцев продовольственными припасами. Шериф Суффолька и Виллет, банкир из Брандона (близ Бэри) обратились в Лондон за помощью. Виллет уверял, что «бунтовщики из Суффолька и Бэри вооружены тяжелыми палками, с приделанными к ним остроконечными железными клиньями». Через несколько дней в Норвиче и Бэри произошла стычка восставшей толпы с полицией и драгунами. Несколько «мятежников» были захвачены войсками и заключены под стражу.

Как и в 1795 г., главным требованием голодающих масс было требование снижения цен на хлеб и мясо, установления максимума цен на оба продукта. «Бунтовщики», численностью в 1500 чел., разбиты на несколько самостоятельных отрядов, действовавших нередко под руководством демобилизованных солдат или безработных.

В районе Дунгэма, несмотря на то, что восстание было подавлено, судьи согласились на некоторое увеличение заработной платы и освободили арестованных участников движения. Не везде деревенская беднота терпела поражение. В некоторых районах восставшие своей решительностью и сплоченностью выигрывали поле битвы. Самым серьезным сражением была битва в Литльпорте на острове Или, где, по выражению историков Гаммонд, «старый боевой дух людей болот, казалось, воскрес в мятежниках». Восстание началось с из-

гнания церковного магистрата (судебного чиновника) Вэчеля из его дома. После этого повстанцы атаковали еще несколько домов. Два дня спустя в битве под Литльпортом, где двое повстанцев было убито и 75 взято в плен, движение было подавлено. Суд приговорил 5 человек к повешению, 5 к пожизненной ссылке на каторжные работы в колонии, одного к 15-летней каторге, троих к семилетней каторге и 10 к 12-месячному заключению в тюрьме. Главный судья Кристиан в своем резюме цинично заявил: «бунтовщики получали большую плату и всякое изменение цен на продовольствие могло бы только увеличить те излишки, которые они слишком часто растрачивают в пьянстве».

Голодные бунты дополнялись такой формой борьбы, как браконьерство. Голодающая деревенская беднота подкармливалась охотой на дичь в лесах и парках, на рыбу в реках и озерах, прудах и болотах, принадлежащих лэндлордам и короне. Парламент издает ряд суровых законов против браконьерства. Актом 1770 г. запрещалось убивать дичь всех сортов от захода до восхода солнца. Населению запрещалось иметь ружье, сети, силки, петли, капканы и другие охотничьи принадлежности, а также охотничьих собак. Что касается рыбы, — то ловить ее могли только собственники озер и прудов, а также земель, по которым протекают реки. В 1800 г., в связи с революционным брожением, этот акт в духе феодализма был возобновлен и даже усилен обещанием расправляться с браконьерами, как с разбойниками и бандитами. За охоту на барскую дичь, — «жирную, как лондонские ольдермены» (Маркс), еще в начале XIX в. в передовой, цивилизованной Англии грозила смертная казнь через повешение или, в лучшем случае, ссылка на пожизненную каторгу. Ответом на варварский акт 1800 г. было образование многочисленных банд «лесных братьев», оказывавших отчаянное сопротивление войскам аристократического правительства. «Лесные братья» (иначе — ночные братья, ибо они могли действовать только по ночам) нередко вступали в форменные сражения с королевской армией. «По ночам — пишут Гаммонды — леса, зловеще освещенные факелами, оживали и оглашались сплошными залпами перестрелки, стонами раненых и умирающих».

Голодные бунты 1795—1816 гг., стихийные, разрозненные, неорганизованные, были подавлены твердой рукой торийского правительства, свою победу над внешним врагом — наполеоновской Францией — дополнившему усмирением народных движений в Англии. Но и после 1816 г. вспыхивавшие там и сям стоги сена сигнализировали время от времени, что огонь еще не погас, что под горячей золой тлеют искры нового социального пожара.

Глава вторая

СОЛДАТСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В 1795 — 1816 гг.

Революционное движение низов города и деревни в Англии в конце XVIII и начале XIX в. дополнялось брожением в армии и восстаниями во флоте, отражавшими настроения, которые господствовали в этот период среди народных масс. Рекрутировавшиеся из ремесленников, из городской и сельской бедноты и отчасти из рабочих, расположенные в промышленных центрах, в гуще рабочего населения, волонтеры и милиционеры часто оказывались ненадежными. Не отличался надежностью и наемный солдат регулярных частей, вчерашний ручной ткач, продавший себя, чтобы спастись от голода и безработицы, в рабство кучке офицеров-аристократов. Грошовое жалованье месяцами задерживалось офицерами-растратчиками. Солдат с прекращением войны немедленно выбрасывался из армии прямо на мостовую, пополняя резервную армию безработных. Солдат, чьи отец, мать, братья, сестры, жены и дети голодали на фабрике или на клочке земли, был, конечно, легко восприимчив к революционной пропаганде.

Эпоха 1795—1832 гг. богата мятежами солдат, милиции, волонтеров, матросов, мятежами, смыкавшимися с выступлениями народных масс. Среди выславшихся карательных войск велась активная пропаганда. Члены «Корреспондентских обществ» — о них подробнее ниже — вели пропаганду против войны с революционной Францией. Армия заражалась революционными настроениями, что замедляло и затрудняло ликвидацию восстаний. Особенно легко воспламеняющимся материалом являлись матросы военного флота. Во время длительной войны с Францией моряки года по три не видели родного берега, по полтора года не получали жалованья, по милости воров-интендантов питались скверной пищей, жили

в условиях каторжного режима, предусмотренного морским уставом. Недаром, в 1797 г., в дни грандиозного восстания трех флотов Англии, восставшие матросы жаловались, что с ними обращаются хуже, чем с собаками на улицах Лондона. Матросы были совершенно бесправны. Они не имели права жаловаться на своих извергов начальников, помимо их же самих.

Окончание наполеоновских войн и замена мало надежных волонтеров постоянной армией с казарменным строем выбросили на рынок труда десятки тысяч бывших солдат. В движении сельскохозяйственного пролетариата, в движении луддитов, а позднее чартистов мы встречаем и бывших солдат и бывших матросов. Ни одно серьезное народное движение этой эпохи не проходило без того, чтобы не оказать известного революционизирующего влияния на армию буржуазного правительства, состоящую в основном из рабочих и крестьян. Разложение армии и особенно флота в бурные годы конца XVIII в. заходило в Англии иногда довольно далеко. В годы французской революции и ирландского восстания английское правительство осознало необходимость держать армию изолированной от народа, — в казармах, не разбрасывая ее по стране. Посланный инспектировать армию в 1792 г. полковник Де-Ланси в своем отчете подчеркивал, как опасно «содержание войска в фабричных городах в их настоящем распыленном виде, а не в казармах». Доклад наблюдательного офицера обусловил переход к системе специальных военных казарм в фабричных округах.

Как мало было уверено тогда в благонадежности своей армии правительство, видно из того, что в 1792 г. полковник Байэ, командующий войсками восточных графств, не решился сделать Норвич своей штабквартирой: он опасался революционного движения рабочих мануфактурных округов, руководимых «Корреспондентским обществом» Норвича. В 1793 г. один из корреспондентов министерства внутренних дел просит как можно скорее убрать из Нортумберленда и Дэргема милицию, ввиду ее явной неблагонадежности.

Упомянутый выше полковник Де-Ланси предлагал убрать из Манчестера шотландских драгун («серых»), мотивируя свое предложение тем, что они посещают пресвитерианскую капеллу, в которой местные члены «Корреспондентских обществ» ведут революционную агитацию. В одном из обращений «Корреспондентских обществ» этого периода палочная дисциплина в английской наемной армии сравнивается с порядками, установившимися во французской революционной армии, и выражается восхищение последнею. Обращение при-

звало английских солдат, «не гасить факел свободы всего человечества, зажегшийся по ту сторону Ламанша». Плимутский корреспондент министерства внутренних дел сообщает в 1795 г., что солдаты уступали свой паек «бунтовщикам». Милиция была еще менее надежной, чем корпус волонтеров и частенько брала сторону «мятежников». В апреле 1795 г. в Сессексе милиция захватила и распродала муку по пониженной цене. В Сиффорде вместе с гражданским населением взбунтовалась и милиция. «Порядок» был восстановлен полком солдат из Ланкашира; при этом сержант полка был убит взбунтовавшимися милиционерами. Военно-полевой суд расстрелял двух милиционеров, трое получили по 300 ударов плетью. По постановлению судебной сессии двое были повешены за кражу (читай — реквизицию) муки. В Честере милиция открыла двери тюрьмы и освободила группу рабочих, посаженных туда за принуждение одного фермера продавать зерно по установленной ими твердой цене. Приблизительно около того же времени сэр Джон Картер из Портсмута писал, что люди из Глостерского полка милиции принудили торговцев снизить цены на мясо.

Все виды оружия отдали свою дань участию в революционном движении 1792—1797 гг.

Беспорядки в армии продолжались до 1816 г. В 1800 г. в Оксфордшире «блюс» (синие), т. е. военные моряки, отказались подавлять «мятежников» Ноттингэма. В 1812 г. были сделаны серьезные попытки взбунтовать войска в Йоркшире. В 1816 г. в харчевне Раули один солдат рассказывал своим приятелям, что он получил от своего безработного, много-семейного и голодавшего отца письмо, в котором тот советовал сыну: «употребь ружье в дело, в случае какого-либо бунта в этой стране не для причинения вреда кому-нибудь, но если принудят стрелять, то или стреляй через их головы (т. е. мимо бунтовщиков, — Г. Б.) или застрели тигра, отдающего такой приказ, и убеждай всех своих товарищей поступить так же». Подобные письма получались без сомнения и другими солдатами. Так боролись за армию низы.

Судебные процессы первой трети XIX в. пестрят обвинениями в революционной агитации в армии. В июне 1809 г. в своем «Политикаль Реджистр» Вильям Коббет, друг гудящегося бесправного народа, идеолог гибнущего крестьянства, поместил статью, клеймившую правительство за использование эскадрона кавалерии из немецкого легиона для усмирения мятежа милиции в Или, поводом к которому послужило повышение цен на ранцы (пять милиционеров получили по 500 плетей каждый). Коббет энергично протестует против подавления мятежа и применения плетей. 5 июня 1810 г. он по-

лучает два года тюрьмы плюс 3 000 фун. ст. штрафа и разоренный уходит в тюрьму. 22 февраля 1811 г. в журнале другого революционного демократа, Ричарда Карлайля, появляется пламенная протестующая статья «Тысяча ударов». Речь шла о капрале Куртисе, который за пустяковый проступок был приговорен к 1000 ударов плетью (редко кто выдерживал 500 ударов). Под давлением общественного негодования наказание было значительно смягчено.

В 1812 г. одна только кэмберлэндская милиция, ранее бывшая на подозрении, «вела себя хорошо», т. е. умиряла голодные беспорядки и рабочие волнения. И все же один из кэмберлэндских милиционеров отказался стрелять в луддитов, напавших на фабрику Картрайта. Безымянный корреспондент министерства внутренних дел спешит сообщить, что «чудовище заключено под стражу». В Чешире и в ряде других мест милицию не решались употреблять для подавления народных восстаний. В Чэкфильде отмечается тесная связь местной милиции с волнующимися низами.

В 1817 г. лорд Энгльси, сообщая министерству внутренних дел, что местная милиция была бесполезна, замечает: «конечно это (т. е. участие в подавлении мятежей — Г. Б.) действует очень возбуждающе на чувства некоторых людей, призванных к нападению на своего же соседа и возможно на своего же родственника». Правительство оказалось вынуждено распустить корпус волонтеров, так как из большинства городов на севере Англии — из Шеффилда, Манчестера, Болтона, Бэри, Стаффорда, Бирмингама — власти сообщали об отказе волонтеров выступать против «бунтовщиков» и об отдельных случаях возмездных выступлений тех и других.

С 1813 г. английское правительство приступает к полной реорганизации своей армии, переводя ее на казарменное положение. С этих пор армия и флот надолго становятся надежной опорой правительства.

Крестьянское движение, голодные бунты, волнения в армии, мятежи во флоте подготавливали почву для политического движения, для борьбы за реформу государственного строя. На фоне этих стихийных движений низов и в связи с ними оформилась демократическая партия Англии конца XVIII в., так называемые «Корреспондентские общества».

Глава третья

ВОССТАНИЕ БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА В 1797 г. ВВЕДЕНИЕ

Эпоха промышленного переворота в Англии была в то же время эпохой интенсивного революционного брожения в низах населения. Если под давлением революционного движения 1792—1795 г. заколебались отдельные слои армии и милиции, то восстание во флоте в 1797 г. представляет собой по своему размаху одну из самых замечательных страниц в истории революционного движения в Англии в конце XVIII в.

Флот «бунтовал» и при Елизавете Тюдор, он перешел на сторону великой революции, но материальное и правовое положение моряков оставалось почти без изменений и было не лучше положения лондонского нищего. Ничтожное жалование не выдавалось иногда по полтора года. Воровство интендантов и командного состава еще более ухудшало положение матросской массы. Пища была скудная, нередко тухлая, гнилая, червивая. Продовольственное дело во флоте находилось в руках офицеров. Офицерский же корпус состоял из сыновей аристократии, ленивых, беспечных, развратных и жестоких. Неудивительно, что революционные настроения и идеи нашли хорошо удобренную почву среди мира отверженных и замурованных в трюмах военных кораблей, каковыми, по существу, являлись тогда британские моряки.

Республиканские идеи Томаса Пэна прокладывали себе путь сквозь наглухо завинченные люки, в темные и тесные кубрики военных кораблей. Демократическое движение того времени («Корреспондентские общества») имело своих представителей и во флоте. Достаточно было искры, чтобы вызвать взрыв. Предвестником надвигавшегося революционного

восстания во флоте был бунт, вспыхнувший в декабре 1794 г. на корабле «Кэлледон». Капитану корабля Бродбриджу удалось схватить главарей восстания. Восемь из них были приговорены к смерти, пятеро казнены (13 января 1795 г.) на борту «Кэлледона», трое сосланы на каторгу. Впоследствии, в 1797 г., в восстании флота в Спитхиде, корабль «Кэлледон» — будет среди восставших. Память о пяти повешенных на реях долго жила среди спитхидского флота. В 1794 г. на стоянке в Сан-Франциско взбунтовался «Виндзор-Кэстль». Причиной этих матросских бунтов было жестокое обращение, скверное питание и задержка выплаты жалованья.

Восстание 1797 г. прошло три периода. Первый период — это восстание флота Английского канала в Спитхид-Портсмуте. Второй период — восстание флота в Норе, в устье рек Мидвейя и Темзы. Третий период — восстание всего северного флота в Плимуте и Ярмуте, уход его и присоединение к восставшему флоту в Норе.

Основную массу матросов составляли выходцы из разоренного ирландского крестьянства и обнищавших слоев пролетаризованных ремесленников, попадавшие во флот путем вербовки. Брожение началось в феврале 1797 г. петиционной кампанией во флоте Английского канала. В адмиралтейство, на имя лорда Гоу, поступило 45 петиций, но лорд нашел петиции незаконными и антиконституционными (хотя морской устав разрешал подачу отдельных жалоб) и отказался их удовлетворить. В этих «неконституционных» петициях матросы просили лордов адмиралтейства о человеческом обращении, о своевременной выплате жалованья и об его увеличении, об увеличении пенсии инвалидам, находящимся в госпитале, об улучшении качества продовольствия и о разрешении сходить на берег. Петиционеры жаловались, что раненые в боях и ставшие вследствие этого непригодными к дальнейшей службе выбрасывались из флота без уплаты им хотя бы гроша.

3 марта 1797 г. флот Английского канала прибыл в Портсмут. 7—10 марта все петиции судовых команд с кораблей «Тезеус», «Беллерофон», «Минотавр» и других были собраны на «Королеве Шарлотте». Линейный корабль «Королева Шарлотта» становился руководящим центром движения.

I. ВОССТАНИЕ В СПИТХИДЕ

Подготовка к восстанию началась еще в 1796 г. в глубочайшей тайне, путем секретных сношений и переписки между судовыми командами отдельных кораблей. Все корабли Английского канала согласились подать петиции. Правда, один из них, «Лондон», приглашал матросов к «умеренности».

По иронии истории «умеренный Лондон» превратился, во время восстания, в арену кровавой бойни между матросами и офицерами. По возвращении флота на стоянку в Спитхид-Портсмут, 30 марта 1797 г. большинство офицеров со всех кораблей сошло на берег. Главнокомандующий флота Бриджпорт, лично пользовавшийся уважением матросов, также не был на борту. Этими обстоятельствами удачно воспользовался тайный матросский комитет для поднятия всеобщего восстания. Матросы начали открыто собираться на деке, на палубах кораблей для обсуждения программы действий.

Сигналом к восстанию должно было послужить поднятие «Юнион Джека» (национальный британский флаг) на «Королеве Шарлотте» и два пушечных выстрела с «Ройяль Джорджа». Центром восстания были намечены два линейных корабля — «Королева Шарлотта» и «Ройяль Соверейн». Почуввав неладное, адмиралтейство приказало Бриджпорту 16 апреля вывести флот в море, чтобы изолировать его от революционного берега, заражавшего флот духом «якобинизма». Флагманский «Ройяль Соверейн» отказался однако выполнить этот приказ. 17 апреля флот Английского канала находился уже в состоянии открытого восстания против правительства.

В эти дни были спущены шлюпки с матросами-агитаторами с «Королевы Шарлотты» и «Ройяль Джорджа» для объезда других кораблей. «Ройяль Соверейн» первым создал *судовой комитет восставших матросов*. К вечеру 18 апреля делегатское собрание восставшего флота в Спитхиде заседало уже в каюте адмирала, на борту «Королевы Шарлотты». Бриджпорт решил маневрировать и приказал капитанам судов принять жалобы матросов. Между тем восстание разрасталось. «Ромни» и «Венус» отказались конвоировать грузовые суда из Портсмута в Ньюфаундленд, снялись с якоря и двинулись на соединение с повстанцами Спитхида.

Делегатское собрание всех кораблей на «Королеве Шарлотте» предложило «Ромни» и «Венусу» немедленно выйти в море, так как их отказ от конвоирования *повредил бы торговле*. Этим актом повстанцы надеялись завоевать сочувствие оппозиционной буржуазии своему делу. Всем мелким судам, заявившим о своем присоединении к восстанию, делегатское собрание матросов предложило оставаться в своих портах. Так велика была уверенность в победоносном исходе восстания одних линейных кораблей.

К восставшим командам примкнули младшие офицеры, гардемарины, материальное положение которых также было далеко не завидно. Офицерам, которые не пользовались расположением матросов, было предложено немедленно оставить

корабли, и они тотчас же подчинились этому приказу. Флот был теперь всецело в руках делегатского собрания, избравшего из своей среды *Центральный комитет* по делам внутреннего распорядка и *Комитет 12-ти* по делам военного командования. На всех кораблях, где капитаны были смещены и отправлены на берег, делегатское собрание назначило капитанов из числа восставших матросов. Адмиралтейство принуждено было послать уполномоченных для переговоров с повстанцами, уведшими тем временем весь флот из Портсмута в Сант-Геленс (это было сделано, чтобы избежать бомбардировки со стороны крепостной артиллерии). В течение двух дней делегаты адмиралтейства пытались деморализовать повстанцев путем сепаратных переговоров с отдельными кораблями, но матросы ждали приказа от своего делегатского собрания и его Центрального комитета. Не без основания делегаты матросов говорили, что адмиралы и правительственные уполномоченные хотят обмануть их, и напоминали о судьбе повстанцев 1794 г., повешенных вопреки обещаниям помилования. Делегаты «Ройяль Джорджа» Джойс и Морис отказались от участия в дальнейших переговорах с представителями правительства, пока не будет издан указ об амнистии. Делегатское собрание требовало 28 шиллингов в месяц для матросов, одинакового жалованья младшему офицерскому составу как на море, так и на берегу, устранения нежелательных офицеров, человеческого обращения, права матросам сходить на берег и королевской амнистии. 21 апреля переговоры были прерваны в виду отказа правительства удовлетворить требованиям «мятежников». В тот же день восставший флот поднял *красный флаг на всех кораблях*. Восстание стало фактом.

После разрыва переговоров с уполномоченными правительства матросские делегаты рассыпались по своим кораблям. «Ройяль Джордж», офицеры которого были вынуждены спустить адмиральский флаг, первый поднял *красный флаг*. На этом же корабле было устроено военное совещание с участием всех делегатов. Все орудия восставших судов были приведены в боевую готовность. Бриджпорт был приглашен принять командование повстанческим флотом. Верный сын своего класса, он, конечно, отказался от чести стать первым «красным адмиралом». Такая роль была не по нутру английскому аристократу, он предпочел стать на путь маневрирования. 22 апреля Бриджпорт просит Лондон — в целях немедленного прекращения восстания — о королевской амнистии и о парламентском акте об увеличении жалованья флоту. Восставший флот благодарит Бриджпорта за обещание увеличить жалованье, но матросы категорически отказываются подчи-

ниться и поднять якоря для выхода в море, пока адмиралтейство не увеличит пенсий инвалидам, не прекратит выдачу муки (видимо, вместо печеного хлеба), не начнет снабжения овощами, — словом, пока не будут удовлетворены все частичные жалобы различных кораблей. В заключение моряки требовали королевской амнистии и парламентского постановления. Таков был ответ повстанцев на правительственные посулы и подачки. Письмами, обещавшими прощение, адмиралтейство пыталось разложить единую матросскую массу. Матросы, зная цену подобным обещаниям, настойчиво требовали всеобщей амнистии за личной подписью короля. После совещания лордов адмиралтейства, совета министров и королевского совета, король согласился подписать амнистию; 27 апреля она была уже на руках у адмирала Паркера в Портсмуте. Бриджпорт зачитал ее на борту «Ройяль Джорджа». Матросы приветствовали амнистию. Канаты-петли, повешенные на реях для устрашения офицеров, были теперь сняты. Между тем еще 22 апреля адмиралтейство известило «мятежников», что оно не в состоянии более снабжать их свежим мясом и овощами, пока суда находятся в порту; оно отказалось также увеличить пенсии инвалидам. В то же время было объявлено, что в будущем никакие жалобы матросов на действия офицеров рассматриваться не будут. В самом адмиралтействе и в королевском совете шла внутренняя борьба по вопросу о методах ликвидации восстания. Крайние реакционеры, своей политикой спровоцировавшие это восстание, стояли за расправу. Побеждала однако партия, стоявшая за амнистию. Трудно было рассчитывать на усмирение флота с суши, а на разложение рядов восставших надеяться не приходилось: отчаянное положение матросов отшибло охоту к измене даже у самых робких.

На «Королеве Шарлотте» декрет об амнистии был встречен более сдержанно, чем на «Ройяль Джордже». Королевская прокламация, зачитанная адмиралом Полем, не произвела достаточного впечатления на экипаж «Шарлотты». Заседавшее на этом корабле делегатское собрание потребовало оригинал прокламации и удовлетворилось лишь по предъявлении такового.

На этом первый этап восстания флота в Спитхиде закончился. Все символы восстания (веревки-петли и красные флаги) были сняты с мачт, и офицеры вступили в исполнение своих обязанностей. Остается добавить, что в течение всей недели восстания на восставших судах царствовал образцовый порядок, образцовая дисциплина. Употребление спиртных напитков было запрещено. На «Помпее» один матрос по-

лучил 12 ударов «кошкой» и три раза был погружен в море за пронос спирта на борт революционного корабля. Делегаты восставших ввели цензуру и не пропускали писем на берег.

Восстание окончилось, но организации матросов не распускались. Ждали обещанного парламентского акта и в море не выходили, т. е. фактически пребывали в состоянии пассивного неповиновения. 5 — 6 мая волнения возобновились. Второй этап восстания флота в Спитхиде оказался более грозным, чем первый.

Реакционный журнал «Тру Бритон» в номере от 9 мая приписывал волнения во флоте проискам английских якобинцев, в частности газете левых вигов «Лодонский курьер», о которой секретный комитет палаты общин упоминал как об органе печати, способствующем возбуждению мятежа.

По словам «Лондон ивнинг пост», в начале мая среди моряков велась пропаганда и распространялись листовки, в которых говорилось, что билль об удовлетворении требований матросов провален в палате лордов. Что билль был близок к провалу, в этом листовки не ошибались. Только страх и сознание того, что флот находится накануне всеобщего восстания, заставили обе палаты согласиться на требования спитхидских «мятежников». Между тем часть судов из Спитхид-Портсмута перешла на стоянку в Сент-Геленс и в Лизард. 3 мая помощник врача на «Марсе» заявил капитану о предстоящем якобы отплытии флота под французским республиканским флагом в Брест, в случае если матросские требования не будут удовлетворены парламентом (попытки уйти в Брест действительно имели место на «Помпее», но большинство экипажа высказалось против этого). 5 — 6 мая шлюпки с матросами с «Марса» причалили к борту «Королевы Шарлотты», сбросили туда, через нижние люки пачку газет и предупредили экипаж этого судна, что парламент намеревается отказать в выполнении обещанных уступок. Центром нового восстания становится «Помпея». Оживленная переписка матросов «Помпей», «Ройяль Джорджа», «Рамиллиса» свидетельствовала о недоверии матросов к парламенту. Новый революционный взрыв наступил внезапно. Бриджпорт предполагал увести утром 7-го мая внешне смирившийся флот в море, но матросская масса расстроила план адмирала, действовавшего согласно инструкциям из Лондона. В 9 час. утра экипажи большинства судов в Сент-Геленсе были на ногах и толпились на носу своих кораблей. Между кораблями шныряли шлюпки с «Помпей», поддерживая взаимную связь. На реях вновь были вывешены канаты-петли в качестве символов восстания. Каждый корабль выделил делегатов на шлюпки

«Помпеи». Две команды не хотели было принимать участия в восстании, но их пристыдили и уговорили.

К полудню 7 мая флот в Сент-Геленсе был в состоянии открытого восстания. Все офицеры были отстранены от командования. С каждого корабля был спущен вельбот с делегатами. Длинная процессия вельботов восставших матросов двинулась в Спитхид, где стояли «Мальборо», «Нимфа», «Монарх», «Лондон», а также несколько фрегатов и мелких судов.

Делегаты из Сент-Геленса явились на «Мальборо», приглашая экипаж сместить неугодных офицеров, после чего двинулись на «Лондон». По приказу адмиралтейства «Лондон» был изолирован от других судов и ничего не знал о новом восстании. Командный состав «Лондона» имел поручение следить за другими судами и оказывать решительное сопротивление попыткам восстания. Капитан «Лондона» приготовился к стрельбе по судам, готовым примкнуть к восстанию.

Когда делегаты флота из Сент-Геленса начали взбираться по веревочной лестнице на «Лондон», офицеры приказали стрелять. Команда отказалась исполнить приказ, и офицеры сами открыли стрельбу по делегатам. С возгласом «кровь за кровь!» матросы взялись за мушкеты. Восстание началось. В результате боя на «Лондоне» было убито 18 матросов и ранено четверо, со стороны офицеров — ранено 10 человек. Первый лейтенант Петер Бовер был брошен разъяренной командой в гущу повстанцев. Его собирались уже повесить, когда врач заявил, что этот офицер стрелял по приказу капитана. С своей стороны, капитан заявил, что он и его офицеры действовали согласно секретному приказу адмиралтейства. Матросы заставили капитана принести этот приказ. Капитан и его племянник были арестованы. Три дня арестованные офицеры ждали повешения. За Бовера вступились его друзья, оказавшиеся среди делегатов, и он был освобожден. Капитана и его племянника от повешения на рее спасло принятие 14 мая королем и парламентом условий восставших. Жертвы на «Лондоне» оказались не напрасными. Правительство уступило, но лишь под давлением открытого вооруженного восстания.

С момента присоединения «Лондона» к восстанию он стал пловучей тюрьмой для арестованных офицеров, которых свозили сюда со всех других восставших судов. Часть офицеров была впрочем отпущена на берег, но с берега не допускался ни один офицер. «Террибль» изгнал своего капитана и всех офицеров, за исключением одного младшего лейтенанта. Не без основания подозревая, что офицеры готовят кровавую бойню вроде той, которая разыгралась на «Лондоне», экипаж

«Марса» арестовал всех своих офицеров и высадил их на берег. То же проделали «Хинд» и «Мальборо». Единственным экипажем, не участвовавшим в восстании, был экипаж корабля «Ройаль Вильям», набранный незадолго перед тем из политически отсталых слоев деревни.

Генерал Гросби, комендант Портсмутской крепости (гарнизон ее насчитывал 10 000 солдат), опасаясь осады, поднял подъемные мосты и направил орудия на стоявшие в рейде корабли. Чтобы избежать обстрела береговой артиллерии, 8 мая из Спитхида ушли в Сент-Геленс следующие корабли: «Лондон», «Мальборо», «Нимфа», «Монарх», «Виргиния», «Мельпомена», «Маргарита-Санта», «Хинд», и «Евридика». Все это были линейные корабли, от 50 до 74 пушек на каждом. Что касается фрегатов и мелких судов, то они были возвращены из Спитхида по распоряжению совета делегатов, решившего провести восстание силами одних линейных кораблей. Кроме перечисленных выше кораблей, в восстании участвовали: «Помпея», «Террибль», «Королева Шарлотта», «Глори», «Дюк», «Дифайнс», «Ромеллис», «Ройаль Джордж», «Ройаль Соверэйн», «Марс», «Рабэст», «Минотавр», «Инсидиэри», «Клермор», «Латона», «Фэтон».

Огромный размах восстания флота Английского канала послужил толчком к восстанию всего Северного флота в Норе и Плимуте. Перспектива открытой войны против флота не улыбалась правительству, находившемуся в это самое время в состоянии войны с революционной Францией. Вот почему на этот раз обе палаты единодушно, без проволочек, приняли требования восставших. Лорд Гоу уже не говорил о неконституционности претензий моряков, а лично явился 13 мая во флот для переговоров о письменном соглашении с матросскими делегатами (его предполагалось отпечатать и раздать для прочтения по кораблям). Адмирал привез с собой текст королевской амнистии. Делегаты матросов обсуждали каждое слово этого документа, отмечая каждую двусмысленную формулировку, дававшую адмиралтейству повод наказать вожаков движения. Соглашение чуть не было сорвано прибытием в Спитхид новой эскадры под командой сэра Роджера Кертиса в составе восьми боевых единиц, эскадры, охваченной восстанием и прибывшей под красным флагом. Правительство торопилось, и 14 мая 1797 г. соглашение было подписано. 15-го состоялась процессия вельботов, за нею парадный обед. А крепость, еще недавно готовившаяся взорвать на воздух «флот его величества», отдала положенный салют.

Так, к великой радости всей буржуазно-помещичьей Англии, закончилось грозное восстание флота Английского канала. Велико было ликование господствующих

классов, когда петли-канаты и красные флаги были убраны с мачт всех кораблей, и над бунтовавшим флотом вновь зареял флаг «Юнион Джек» — флаг Соединенного королевства.

Хотя восстание в Спитхиде и Сент-Геленсе окончилось, но волнения еще продолжались. Из-за права выхода на берег, из-за вопроса об уплате жалованья продолжались волнения на «Кумберленде», «Амфирайте», «Стэйсе», «Интерниде», «Герцоге Кларенс». Один матрос с «Флоры» был даже осужден военно-морским судом. Все же сотни неугодных команде офицеров пришлось убрать на берег и заменить другими.

Политических мотивов в восстании 17 апреля — 14 мая 1797 г. как будто бы и не видно, но, что оно вело к политическим последствиям, это очень хорошо понимали и лорды и палата общин. Буржуазные историки пытаются умалить значение спитхидского восстания, а между тем оно дало толчок восстанию с явно политическими мотивами, разразившемуся в Норе и Плимуте.

II. ВОССТАНИЕ ФЛОТА В НОРЕ

Северный флот стоял в Плимуте и Ярмуте. 26 апреля 1797 г. в Плимуте четыре военных судна проявляли все признаки недовольства, — они требовали увеличения жалованья и улучшения пищи. 30 апреля волнение, охватившее флагманский корабль «Венераль» в Ярмуте, было ликвидировано обещанием реформ, которое дал капитан. Волнения на «Нассау» были усмирены контр-адмиралом Онсло. 6 мая по всем кораблям в Норе был распространен циркуляр матросов об избрании делегатов на «Сэндвич». «Сэндвич» играет в Норе ту же роль, что «Королева Шарлотта» в Спитхиде. 12 мая, в момент заседания военно-морского суда на корабле «Инфлексибль», матросы «Сэндвича» троекратным хлопаньем в ладоши подали сигнал к всеобщему восстанию и вывесили на реях канаты-петли, как символ устранения офицерского состава от командования. В восстании приняли участие «Сэндвич», «Репульз», «Прозерпина», «Дайректор», «Суон», «Инфлексибль», «Чемпион», «Сан-Флоренцо», «Бриллиант», «Клайд», «Еспион», «Фирм», «Наджер» и другие.

Впоследствии, среди бумаг «Репульза», игравшего видную роль в восстании и бывшего центром революционной пропаганды, были найдены следующие правила, выработанные восставшими матросами: «1) Единодушие есть единственное средство достигнуть цели. 2) Строжайшая дисциплина должна

всемерно поддерживаться. Спиртные напитки не допускаются. 3) Уважение к высшим офицерам. Служебные обязанности должны исполняться, как и раньше. 4) Скорейшее установление связи между делегатами для быстрого и благополучного окончания дела. 5) Ни один мастер или пилот не будет допущен сойти на берег. 6) Все неподходящие офицеры должны быть отосланы на берег, как это было в Спитхиде.

Восставшие избрали Центральный комитет матросских делегатов под председательством Роберта Паркера. Он же был назначен красным адмиралом восставшего флота. Кроме ЦК делегатов, этого высшего органа восставших, действовал еще и другой орган — Комитет 12 судов. Один матрос был избран капитаном. Каждый день восставшие моряки устраивали большие демонстрации — с музыкой и знаменами — по улицам портового городка Ширнесс. Знаменосец Маккан, один из руководящих деятелей восстания, был серьезно болен, но отказывался ложиться в госпиталь, пока восстание не будет закончено. В городе демонстрирующие матросы братались с солдатами гарнизона, вливались в ряды милиции, парадировали по улицам. По распоряжению ЦК делегатов, арестованные капитаны получали гардемаринский, а не капитанский паек. Когда судовой врач приходил с рапортом в судовой комитет, он должен был снимать шляпу. Судя по бумагам «Репульза», последний был своеобразным «агитпропом» восставших, распространявшим письма, циркуляры, листовки и революционные песни. В одной из таких песен поэт-матрос, намекая на спитхидское восстание, говорит устами бога морей Нептуна: «Все ваши братья твердо решились изгнать тиранов, которые так долго держались своего намерения — бичевать вас, когда это им вздумается. Вы должны немедленно поразить банду подлых волков». Другая песня также воспевает восстание и подчеркивает преемственную связь восстания в Норе с восстанием в Спитхиде: «Тогда в Норе смело поднялись львы (т. е. матросы). Они защищают своих братьев в Спитхиде. Каждый поклялся в верности королю, но он и все тираны должны быть побеждены. Их (матросов) храбрые сердца разбили цепи рабства — не для бунта, а для того, чтобы избежать ярма».

Сквозь путанные представления о верности королю пробивается мысль о необходимости победы над всеми угнетателями. Революционное сознание матросов в Норе было неизмеримо выше уровня сознания их товарищей из Спитхида.

14 мая флот в Норе посылает четырех делегатов в Портсмут-Спитхид. Это были Мак-Картти, выборный капитан «Паллады», Аткинсон, красный капитан «Сэндвича», Хинд с «Клайда» и

Холмистер с «Дайректора»; последний был членом экспедиции в Ярмуте, посланной туда для привлечения к восстанию эскадры адмирала Северного флота Дункана. Дорогой делегаты были узнаны и задержаны как дезертиры, но им удалось бежать, и они прибыли в Спитхид, где были встречены Валентином Джойсом, одним из активных участников местного восстания. Делегаты из Норы прибыли слишком поздно, 15 мая, в день соглашения спитхидской эскадры с лордом Гоу. Последний имел разговор с прибывшими делегатами, и они пообещали ему передать восставшему флоту в Норе о мерах, принятых правительством в отношении флота в Спитхиде. На обратном пути Хинд, и ранее бывший против восстания, бежал.

С момента возвращения своих делегатов норская эскадра вступает в переговоры с адмиралтейством. Матросы требовали амнистии, права посещения берега, выплаты всем кораблям недоплаченных денег за 6 месяцев. Ни один офицер, снятый с корабля «мятежниками», не должен быть возвращен без согласия команды. Восставшие требовали двухмесячной выплаты авансов, помилования добровольно возвратившихся дезертиров, организации военного суда из матросов и гардемарин, смягчения морского устава, справедливого распределения призовых денег и немедленной выдачи премий за захваченные суда (из расчета десять пенсов в день гардемаринам, $\frac{3}{5}$ призовых денег младшим офицерам и $\frac{2}{5}$ высшему офицерству). Переговоры в Ширнессе не привели ни к чему. Правительство решило не идти ни на какое соглашение с норскими «якобинцами». Решено было деморализовать флот, взорвав единый фронт восстания изнутри и двинув против него эскадру Дункана. Но адмиралтейство жестоко обманулось на счет благонадежности флота Дункана, стоявшего в Плимуте и Ярмуте. Последний, как увидим дальше, восстал весь целиком и ушел в Нору, открыв этим актом новый, третий период в истории восстания во флоте.

20 — 21 мая, после разрыва переговоров, делегаты норского флота уже ездили на берег в сопровождении 8 канонерок, дававших выстрелы в знак того, что отныне флот объявляет себя открытым врагом правительства. 22 мая «Сэндвич» спустил адмиральский флаг и поднял красный флаг восстания. Теперь флот был в состоянии открытой войны с правительством. «Красным капитаном» «Сэндвича» Центральный Комитет судовых делегатов назначил Девиса. Обе стороны открыто готовились к боевым действиям. 21 мая в Ширнесс прибыло два полка милиции из Кэнтербери. Делегатское собрание матросов восставшего флота наметало план блокады устья рек Мидвея и Темзы, т. е. *план блокады Лондона*. На

Темзу восставшими были отправлены вооруженные шлюпки в Граверенд. Правительство повсюду выставило посты и мобилизовало бывших морских офицеров для шпионажа за матросскими делегатами.

Население местечка Граверенд, распропагандированное агентами правительства, враждебно встретило делегатов флота и арестовало их, но им удалось бежать. Делегаты пытались бойти в контакт с флотом реки Темзы, стоявшим на Лонг-Риге, под Лондоном, — с «Ланкастером», «Нептуном», «Наядой», «Аджикортом» и другими. «Наяда» отказалась присоединиться к восстанию. Батареи форта Тильбери обстреляли делегатскую шлюпку. Двух делегатов удалось арестовать, их немедленно отправили в Чатам, где они были тотчас же преданы военно-полевому суду. Но все же делегаты свою миссию выполнили, хотя и не полностью. «Ланкастер», канонерки из Граверенда, продовольственный транспорт «Сералис», «Комета», «Паллада», «Дисковери» и «Прозерпина» снялись с якорей и ушли в Нору, на соединение с восставшими. Это событие подействовало, видимо, на правительство. Кабинет решил послать в Ширнесс делегатов от адмиралтейства, но не для переговоров о соглашении, как это было в Спитхиде, а для обработки «общественного мнения» Чатама и Ширнесса, т. е. для организации расправы с восставшим флотом. Центральный комитет судовых делегатов просил уполномоченных правительства, приехавших в Ширнесс, прибыть для переговоров на «Сэндвич» и принять матросских представителей. Правительственные делегаты отказались однако от свидания с делегатами ЦК, а равно и от переговоров — до тех пор, пока делегаты не сделают заявления о сдаче и не попросят о помиловании. Одновременно с этим правительственные делегаты повели во флоте секретную пропаганду, готовя через посредство оставшейся на судах части офицерства контрреволюционное восстание.

Услышав, что правительство требует безоговорочной капитуляции, делегация восставших матросов, во главе с красным адмиралом Ричардом Паркером, немедленно вернулась на корабли. Делегатское собрание постановило провести голосование по вопросу о сдаче флота на милость лордов адмиралтейства. Большинство восставших команд высказалось за продолжение восстания. После этого Ричард Паркер вместе с судовыми делегатами снова посетил уполномоченных правительства (кстати сказать, это были те самые лица, которые подписали соглашение с флотом в Спитхиде). На этот раз впереди красного адмирала восставшего флота несли красный флаг, как символ продолжения борьбы. Переговоры были прерваны. Вслед за тем в Ширнесс прибыли сами лорды адми-

ралтейства для организации подавления восстания всеми способами. Основная ставка была сделана на деморализацию и дезорганизацию восставших путем внесения раскола в их ряды.

Во флоте началась внутренняя борьба. Под давлением королевской прокламации и пропаганды со стороны части оставшихся офицеров среди восставших начались колебания. Центром реакции стали «Сен-Флоренцо» и «Клайд». На «Сен-Флоренцо», «Бриллианте», «Ирисе», «Палладе», «Фирме», «Эспione» были сделаны первые попытки сорвать красные флаги и незаметно отделиться от восставших. Но ЦК делегатов зорко следил за контрреволюционными поползновениями «лойялистов». Развернувшаяся на «Бриллианте», «Ирисе», «Гремрисе» борьба закончилась победой партии восстания, и красный флаг был снова поднят на этих судах. На «Клайде» и «Сен-Флоренцо» «лойялисты» оказались в большинстве и подняли белый флаг, но под угрозой обстрела со стороны революционного «Инфлексибля» принуждены были спустить его. Таким образом, вместо вооруженной борьбы с правительством, Центральному комитету делегатов приходилось думать о гражданской войне внутри восставшего флота. Единый революционный фронт был взорван отпадением «Сен-Флоренцо» и «Клайда». Потерпев поражение в открытом контрвосстании, «Сен-Флоренцо», «Клайд» и «Дайректор» тайно готовились к дезертирству. 29 мая ночью, подняв якоря, «Клайд» и «Сен-Флоренцо» бежали. Последний был обстрелян и ушел с повреждениями. Центрами реакции стали теперь транспорт «Серапис» и тендер «Лэйт», заявившие, что они были принуждены якобы примкнуть к восстанию.

29 мая революционный флот в Норе, как целое, был разложен, деморализован. Состоявшееся в этот день голосование на «Сэндвиче» показало, что большинство судов стоит за сдачу. Берег молчал, не оказывая поддержки флоту. казалось, восстанию пришел конец. В действительности, это было не так.

29 мая «Сен-Флоренцо», уходя из Норы, наткнулся в устье Темзы на эскадру Северного флота под командой адмирала Дункана; она шла под *красным флагом* на соединение с революционным флотом в Норе, ничего не зная о трагедии, только-что разыгравшейся в нем. Эскадра Дункана пропустила «Сен-Флоренцо», не задержав его: убегая под прикрытием красного флага, ему удалось обмануть встреченные суда. С момента появления флота Северного моря в Норе погибшее, казалось, восстание вспыхивает новым революционным пламенем. Начиналась третья и последняя глава в истории восстания британского военного флота в 1797 г.

III. ВОССТАНИЕ ФЛОТА СЕВЕРНОГО МОРЯ И ЕГО ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ФЛОТУ В НОРЕ

Правительство предполагало использовать флот Северного моря для подавления восстания матросов в Норе. Но лордов адмиралтейства ждало жестокое разочарование. Флот адмирала Дункана в Ярмуте и Плимуте готовился к выходу в море для блокады голландского порта Тексиль; он состоял из 13 линейных кораблей, двух фрегатов и двух корветов. Адмиральский приказ выполнен не был: флот отказался от выхода в море и поднял восстание. Только два корабля остались верны правительству — «Адамант» и «Венерабль». Команда последнего взбунтовалась было 27 мая, но, поверив словам адмирала, обещавшего своевременно выплатить жалованье, подчинилась. Восстали и ушли в Нору с развевающимися красными флагами следующие суда: «Репульз» (центр революционной пропаганды в эскадре Дункана), «Монтегю», «Монмаут», «Агамемнон», «Ардент», «Беликю», «Лайон», «Рандифиер», «Нассау», «Стандарт», «Изис», «Леопард», «Глаттон», «Весталь», «Хаунд», «Инспектор». Восстание началось 27 мая с корабля «Нассау», матросы которого не получили жалованья 19 месяцев. 28 мая взбунтовался экипаж «Белликю», вслед за чем восстали остальные корабли. Но в последнюю минуту «Глаттон» дезертировал и вернулся к Дункану, на помощь которому адмиралтейство выслало два лояльных корабля: «Санс-Парэйль» и «Россель». По просьбе английского правительства и с согласия русского посла в Лондоне графа Воронцова, в помощь Дункану, оставшемуся почти без флота, была намечена русская эскадра Макарова в составе пяти кораблей. Русский адмирал был рад стараться: ведь дело шло о борьбе с «крамолой», о восстановлении «порядка».

Северный флот восстал под влиянием матросских делегатов флота в Норе, пробравшихся в Ярмут (часть из них была арестована, но троем удалось бежать). Восстание носило всеобщий и довольно организованный характер. К 6 июня все восставшие корабли Северного моря прибыли в Нору, дав могучий толчок движению в этом пункте.

С соединением двух флотов в Норе объединенный Центральный комитет матросских делегатов решил начать блокаду Темзы. В то же время были разосланы агитаторы к эскадрам в Гулле, Нортшильде и Лейтсе. Правительство и пресса объявили восставших «якобинцами и мятежниками». Их решили взять измором. Адмиралтейство отдало приказ прекратить доставку восставшим провизии и арестовывать каждого «мятежника», который появится на берегу. Скоро

восставшие почувствовали недостаток продовольствия — и это побудило их немедленно приступить к блокаде Темзы. «Стандарт», «Суон», «Инспектор», «Бриллиант» загородили устье Темзы. Правительство ответило на эту блокаду запрещением отправлять вниз по Темзе торговые и продовольственные суда. Всем продовольственным судам из Ирландии, направлявшимся в Лондон, было приказано переждать в порте Даун. Была прекращена также выплата жалованья экипажам восставших судов (впрочем, последнее и так получалось моряками крайне нерегулярно). Наконец, по распоряжению правительства, были сняты маяки, буи и все сигналы, дабы лишить восставших возможности маневрирования и продвижения по фарватеру. Ошибка восставших состояла в том, что они не переходили в наступление и не мешали действиям правительства: они забывали, что восстание, которое не переходит в наступление, обречено на гибель. Они допустили и другие ошибки — не двинулись на помощь ирландским революционерам, не напали на порт Даун и не захватили скопившихся там судов с продовольственными грузами. Блокада Темзы дала те результаты, что на рейде при входе в Темзу скопилось более 100 коммерческих судов, отведенных в Нору. Суда, продолжавшие прибывать, попадали в ловушку. Блокада становилась угрозой для самих блокирующих. Огромный торговый флот, задержанный восставшими, превосходил своей численностью их военный флот и мешал развертыванию стратегических линий на случай военных действий. Буржуазия завонила о тирании военного флота, остановившего торговлю Лондона. Виги, заигрывавшие как будто вначале с восставшими матросами, дружно поддержали теперь ториев в борьбе против красного флота Норы. 5 июня, по приказу красного адмирала Ричарда Паркера, блокада Темзы была частично снята. Всем коммерческим судам, за исключением кораблей с продовольствием, восставшие моряки разрешили вход и выход по реке. Продовольствие, найденное на задержанных транспортах, было реквизировано. Транспорты «Серapis», «Гарпиус» и «Мэри» превратились таким образом в продовольственную базу восставших.

29 мая один из восставших кораблей, «Везувий», зашел в портовый док для производства починки. Над ним красовался *синий* национальный флаг. По требованию находившихся на судне делегатов он был однако сорван и заменен красным. Портовые рабочие, сагитированные агентами правительства, сорвали с «Везувия» красный флаг и вновь подняли синий. Такое поведение берега не сулило ничего хорошего. Между тем правительство категорически отказалось удовлетворить даже минимальные требования восставших. Королевской

прокламацией 20 кораблей были объявлены в состоянии мятежа, т. е. вне закона.

Бездеятельность Центрального комитета делегатов, воздерживавшегося от наступательной тактики, способствовала разложению и ослаблению революционной энергии матросских масс. Дезертирство усилилось. Один за другим ушли от восставших «Сералис», «Дисковери», «Фирм», «Кенгуру» и даже «Репульз»; все они получили благодарность адмиралтейства.

Бегство пяти судов и сдача их на милость правительства окончательно подорвали почву для продолжения восстания. Стало ясно, что в новом восстании старый кризис разразился, притом с еще бóльшей силой. Дело явно шло к трагической развязке. Вожаки восстания начали готовиться к уходу флота в море. Одни из них предлагали идти во Францию, другие — в Голландию, третьи — в Америку или в колонии, четвертые — в Ирландию. Среди восставших имелось много пассивных элементов — «болото». Борьба группировок разгорелась с новой силой, подрывая волю к сопротивлению. 9 июня Ричард Паркер поднял сигнал к отплытию кораблей в море. Никто не поднял якорей. «Красному адмиралу» пришлось отправиться по кораблям агитировать за отплытие. Во время этого обхода судов Паркер зачитывал королевскую прокламацию и парламентский акт и говорил, что флоту во всем отказано, что, если кто хочет идти на берег, чтобы быть повешенным своими тиранами, тот может это сделать.

Два матроса с «Бриллианта» выразили желание сойти на берег и сдаться. Красный капитан «Сэндвича» Грегори немедленно приказал заковать их как изменников. Так вожди восстания пытались до конца сохранить во флоте революционную дисциплину, спасти его от позорной капитуляции и расправы военно-полевых судов. На «Дайректоре» сторонник партии восстания Хаустон не дал зачитать королевскую прокламацию и парламентский акт оставшемуся там лейтенанту, а зачитал их сам со своими критическими комментариями. На корвете «Хаунд» оставленный на своем посту капитан Вуд при чтении правительственных актов был прерван делегатом Аппльбардом. Он был за это избит матросами и ушел, грозя потопить корвет с «Сэндвича». Холодно приняли Паркера матросы на «Арденте». Через два дня «Ардент» дезертировал.

9 июня было днем развала революционного флота. В этот день на «Леопарде» вспыхнул бунт лойялистов, и «Леопард», обстрелянный революционными кораблями, бежал от восставших. За ним последовал «Репульз». Бегство «Репульза», этого агитационного центра восстания, было для восставших самым чувствительным ударом. «Монмаунт» и «Дайректор»,

руководимые Грегори и Паркером, открыли огонь по предателю. Паркер лично руководил обстрелом дезертира, так как заколебавшийся экипаж «Дайректора» отказался идти на abordаж против беглеца. За «Репульзом» последовал вышеупомянутый «Ардент». Трагедия революционного флота, обессиленного внутренними разногласиями, быстро приближалась к своему драматическому концу. Правительство сумело организовать «взрыв изнутри». На оставшихся судах шла упорная вооруженная борьба революционеров с восставшими лоялистами. 10 и 11 июня красные флаги реяли на судах только на полмачте. 11 июня «Хаунд» пытался бежать, часть его экипажа была схвачена революционерами и переведена на «Сэндвич». 12 июня было днем последних судорог восстания. В начале этого дня над флотом реяло всего только два красных флага, на всех остальных кораблях были подняты синие флаги. В течение дня революционеры начали видимо одерживать победу. На ряде кораблей вновь взвились красные флаги. Но пять кораблей подняли синий флаг и дезертировали. 13 июня борьба на борту кораблей закончилась полной победой «лоялистов». Восставшие корабли стали сдаваться один за другим. Восстание кончилось полным поражением. Строго хронологически сдача восставших кораблей началась еще 29 мая. В этот день бежали и сдались правительству «Сен-Флоренцо», «Клайд» и несколько канонерок. 2 июня сдался «Фирм», 5 июня — «Сералис» и «Дисковери», 10-го — «Леопард» и «Репульз», 11-го — «Ардент», 13-го — «Агамемнон», «Нассау», «Стандарт» и «Весталь». 14 июня сдались «Ирис», «Сэндвич», «Монмаут», «Изис», «Бриллиант», «Прозерпина», «Чемпион», «Паллада», «Суон», «Комета», «Ранфиер», «Грамиус» и «Тайсирнон». 15 июня сдались «Инфлексибл» и «Дайректор». Неизвестно, когда сдались «Монтегю», «Беллику», «Лайон», «Инспектор», «Сатурн», «Терпсихора», «Бедфорд», «Феникс», «Бюлю» и «Калайпсо».

Ричард Паркер не бросил своего командного поста и сам привел «Сэндвич» для сдачи, согласно постановлению большинства экипажа. Он не хотел бежать от рук палачей. Паркер сдался, как сдается военнопленный победившему его противнику. Его предупреждения о лживости королевских прокламаций и парламентских актов сбылись немедленно. Начались массовые аресты сдавшихся матросов. 80 арестованных матросов были посажены на понтон «Эолу». Адмиралтейство должно было ходатайствовать об открытии дополнительной тюрьмы в Чатаме. Часть арестованных матросов была отправлена на пловучую тюрьму «Игл». Несколько матросов с «Монтегю» и «Инфлексибля» бежали во Францию и Германию. Председатель комитета делегатов на «Стандарте» Валлос по-

кончил с собой 15 июня, в тот момент, когда корабль шёл сдаваться. 22 — 26 июня на «Нептуне» в Лонг-Риге под Лондоном открылись заседания военного суда. Красный адмирал Ричард Паркер был приговорен к смертной казни через повешение; труп его был выставлен в Уайт-Чапелль (Белой Часовне) для устрашения. Результат однако получился обратный: много простого люда собиралось у гроба первого в истории европейских революций красного адмирала. Жена Паркера пыталась его спасти, но безуспешно. В выдаче трупа мужа ей было отказано. Военно-морские суды работали три месяца. 42 человека были приговорены к смертной казни, 8 человек к тюремному заключению, 354 человека были «помилованы», т. е. подвергнуты более легким наказаниям. 24 из осужденных к смертной казни были немедленно повешены. Так закончилось это величайшее в истории восстание матросов военного флота.

Матросские бунты — эхо великой трагедии 1797 г. — произошли и в Средиземном море в июле 1797 г.: здесь взбунтовались «Сент-Джордж», «Лайтс» и «Кентавр». На Ямайке взбунтовался экипаж «Гармайона», убил капитана, двух лейтенантов и сдался испанцам. В октябре 1797 г. на мысе Доброй Надежды в Африке взбунтовался «Тремениус». В сентябре 1798 г. за бунт на «Дедине» 19 матросов были приговорены к смерти, 6 — к плетям и тюрьме. 9 октября 1798 г. военный суд приговорил к смерти 8 матросов с «Глори»; 2 человека с того же корабля получили по сто плетей каждый и по 12 месяцев тюрьмы. В марте 1800 г. матросы «Дэйна» взбунтовались и отвели корабль в Брест, но к своему удивлению были посажены французами в тюрьму.

В ноябре того же года «Албанаиз» был захвачен взбунтовавшимся экипажем и отведен в иностранный порт. Последним серьезным бунтом в английском флоте в этот период был бунт на «Темерере» и «Ванадвине» в декабре 1801 г. В январе 1802 г. закончилось судебное разбирательство по делу о восстании в Спитхиде: 16-го — 13 человек были приговорены к смертной казни, и один к 200 плетям. 17-го — 5 человек были приговорены к смерти, один — к 200 плетям. Этими приговорами закончилась расправа с участниками славнейшего революционного события в истории британского военного флота. Правительство «Питта войны», справившись с восстанием матросов, сумело привить им яд шовинизма и переключить все их внимание на борьбу с внешним врагом, с грозной французской опасностью. Флот, бунтовавший в 1797 г., оказался послушным и мощным орудием в руках адмиралтейства. Это он, в октябре 1805 г., спас под командой Нельсона Англию при Трафальгаре.

IV. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ВОССТАВШЕМ ФЛОТЕ

В 1792—1798 гг. Англия переживала глубокий социальный и политический кризис. Революционная агитация «Корреспондентских обществ», аграрное движение, голодные бунты, бунты против машин, волнения во флоте, ирландское восстание, — все это делало атмосферу достаточно накаленной. Идеи политической демократии Томаса Пэна и аграрного социализма Томаса Спенса находили себе благодарную почву. Имущие классы Англии, напуганные французским якобинизмом, жестоко преследовали «якобинизм» у себя дома. Если в Спитхиде восставшие матросы выдвигали лишь требования корпоративного порядка, — улучшение материального положения и смягчение жестокого устава морской службы, — то политическая сознательность норских «мятежников» стояла выше. Это видно, например, из обращения, составленного Грегори, красным капитаном «Сэндвича», от имени восставшего флота. Человек, которому Грегори передал это обращение для напечатания, оказался предателем и отдал матросский адрес лордам адмиралтейства. Таким образом обращение восставших матросов не дошло до английского народа. Вот полный текст этого документа, исходившего от комитета судовых делегатов:

«Соотечественники! Мы должны объяснить вам наше поведение. Министры его величества слишком хорошо знают наши намерения, основанные на законах человечности, чести и национальной безопасности, с давних пор брошенных под ноги тех, которые должны бы быть друзьями для нас, единственных защитников ваших законов и собственности. Печать допускает ложь и искажение, чтобы заставить вас принимать на веру вещи, столь же далекие от наших намерений, как и поведение тех, которые, будучи у руля национальных дел, далеки от чести или от общепринятых приличий. Мы, несшие на себе все труды утомительной и постыдной войны, станем ли мы жертвами тирании и угнетения, которыми подлые, изнеженные, раззолоченные и откормленные мошенники, утопающие в излишествах и изобилии, намереваются обременить вас? Мы, взбравшиеся среди бешеной бури и военной борьбы по качающимся снастям, на ужасающей смертельной высоте по верхушкам шатающихся мачт, можем ли мы терпеть, чтобы с нами обращались хуже, чем с собаками на улицах Лондона? Мы, кто в жаркой и бешеной битве сбивали и терроризировали и покоряли вашего самого гордого врага и охраняли ваши берега от нашествия, ваших детей от убийства и ваши земли от грабежа, будем ли мы футбольными мячами, раке-

тами в волане, марионетками для банды людей, единственно через нас добывших себе почести, титулы и достоинства? Нет! Век разума, наконец, настал. Мы долго старались *найти в себе человека*. Теперь мы нашли самих себя. Мы хотим, чтобы с нами обращались как с людьми. Далека, очень далека от нас идея ниспровержения правительства нашей возлюбленной родины. Мы имеем самое высокое мнение о нашем наимилосерднейшем государе и мы надеемся, что все меры, предпринятые, чтобы лишить нас общечеловеческих прав, были предприняты не по его наущению. Вы не можете, соотечественники, создать себе и самого отдаленного представления об условиях, при которых мы работаем много лет. Рим имел Нерона и Калигулу. Как много имеется схожих с ними по характеру людей в британском флоте! Мы не можем не удержаться, чтобы не назвать тех, которые, без малейших черт человечности, без самой слабой искры добродетели, образования или способностей, позволяют себе самые постыдные акты жестокости над теми, чье ужасное несчастье или патристическое усердие смогли поставить их под власть греющихся под солнцем благополучия, в то время как мы (надо ли прибавлять, кто мы?) работаем под страхом всяческих мучений, которые подобное бесчеловечное животное может выдумать.

«Британских моряков часто сравнивали со львом, благородным, великодушным и человечным. Конечно, никто не пожелал бы причинить вред такому животному. До сих пор мы рабстали для нашего государя и для вас.

«Теперь мы вынуждены подумать о себе, многие (даже большинство из нас) побывали пленными с начала войны и не получили ни одного фартинга. Разве мы не имеем права жаловаться? Пусть его величество прикажет только выплатить нам, и маленькое неудовольствие, о котором мы его известили, будет удовлетворено, и мы с живостью приступим к любимому занятию ради защиты нашей страны. Но до тех пор, пока нет согласия на это, мы решили остановить всю торговлю и перехватить все продовольствие ради нашего существования. Военное начальство увеличило себе плату, чтобы оскорбить вас так же, как и закрепить, Не пугайтесь! Мы хотим принять слова знаменитого девиза: «*Dieu et mon droit*» (Бог и мое право) и презираем все попытки обмануть нас. Мы не хотим следовать плану соседней нации (т. е. Франции — *Р. В.*), хотя он мог бы быть предложен. Но мы хотим дорого продать свои жизни, чтобы добиться того, чего мы требуем. Даже больше, соотечественники. Мы открыли трюк правительства в снабжении наших врагов различными товарами (торговля с Францией вплоть до снабжения ее

армии сукном и оружием — Г. Б.). Вероятно, через несколько дней придем к чему-то и еще большему. Пока же, дорогие соотечественники, мы остаемся вам преданные, всегда вас любящие братья».

Кроме приведенного обращения, в бумагах «Репульза» историк Джилль нашел еще другой «адрес к нации». К сожалению, он дает только отрывок этого документа. Но даже этот отрывок показывает, что восстание флота в Норе носило временами довольно четко выраженный политический характер, несмотря на все дипломатические уверения в любви к королю и в нежелании подражать «соседней стране». Второй пункт «адреса к нации» гласил: «Свобода. Эта бесценная привилегия, особенно врожденная англичанам, гордость и хвала британца, это естественное право всех людей, всегда отрицалось за нами, за нами, которым позволено быть оплотом и славой Британии и блестящим, драгоценным камнем в английской короне, за нами, кто своей службой этому королевству каждый раз вызывал зависть, удивление, восхищение и подражание всей Европы».

В другом документе, найденном после восстания на «Ройаль Шарлотте», читаем: «Так как английские моряки должны быть законными детьми свободы, это и есть старый клич, который нами проверен и не должен быть фальшивым. Видит Бог, мы знаем, что конституция прекрасно служит безопасности и счастью подданных его величества, которые живут занятиями на берегу, но — увы, не считают нас подданными того же самого государя, если только не надо нас вырвать силой из нашей семьи и заставить сражаться в битвах страны, отказавшей нам в защите конституции, коей так счастливо наслаждаются остальные подданные его величества».

Руководящий штаб восставшего флота приближался, как видим, к пониманию значения политической свободы. Этого нельзя сказать, конечно, про массу восставших матросов. Для нее отвлеченные идеи Пэна о «естественных правах человека», о «свободе» сводились к вопросу о качестве пива, о жареной ванили, о человеческом обращении, о праве сходить на берег. Что Центральный комитет делегатов находился в известной мере под влиянием революционных идей якобинизма, это видно между прочим и из формы обращения их между собою (они называли друг друга «братьями»). Франция своим революционным магнитом притягивала к себе восставших. Накануне сдачи флота судовой комитет делегатов на «Чемпионе» предложил идти в Тексиль (тот самый порт, который Дункан должен был блокировать) и «обратиться за защитой к французскому Конвенту, как единственному правительству, признающему права человека».

«Берег» не смог, в силу восторжествовавшей реакции, поддержать восставших, но оказал на них все же достаточно сильное влияние. Отчет секретного комитета Палаты общин утверждал, что в восставшем флоте было много бывших членов «Общества объединенных ирландцев», и что была будто бы сделана попытка объявить восставший флот «Плавающей республикой». Еще в 1796 г. представитель «Общества объединенных ирландцев» во Франции, Вольф Тон выпустил прокламацию к английскому военному флоту, призывая ирландцев-моряков к восстанию (флот рекрутировался преимущественно из пролетаризированных ирландских крестьян). Иванс и Ли, участники восстания, оказались агитаторами «Общества объединенных ирландцев». Членом «Общества объединенных ирландцев» был матрос Чарльз Наукинс. Членом этого общества оказался и судовой врач доктор Дин. В принадлежности к той же организации власти подозревали и Мак-Керти, знаменосца восставших, красного капитана «Паллады». Что касается Ричарда Паркера, то этот «лейтенант Шмидт» восстания 1797 г. одно время был офицером, школьным учителем, а затем матросом, всегда и везде отличавшимся духом протеста. Ричарда Лэйтона с корабля «Ромиллис» подозревали в связях с революционными организациями Франции. В принадлежности к революционному сообществу подозревался также вернувшийся из французского плена Эдуард Браун. Джон Хаган с того же корабля («Ромиллис») был членом «Корреспондентского общества» и принес с собой на борт радикальные политические памфлеты. После поражения восстания во флоте адмиралтейство получило сообщение о заговоре на фрегате «Горгона» с целью организации нового восстания. При этом Джон Слэк, стюарт с «Горгоны», оказался членом «Корреспондентского общества». В 1798 г. военный суд судил двух матросов с «Диомела» за связь с революционным сообществом. Один из них, Томас, был изобличен в принадлежности к ноттингэмскому отделению «Корреспондентского общества» (он поддерживал с ним связь через своего брата).

Томас Джефсон с «Сэндвича» принадлежал одновременно и к «Обществу объединенных ирландцев» и к «Корреспондентскому обществу»: он принес с собой на корабль революционные газеты из Бельфаста; он же был против исполнения гимна «Боже, храни короля» и стоял за уход флота в революционную Ирландию. Через сапожника Конноли, жившего на берегу, он поддерживал связь с революционными обществами. Эти связи не могли не оказать своего влияния на умонастроение передовиков-матросов. Так, матрос Чант, ругая короля, говорил: «мы покончим с ним, нам не нужен король». Грегори, душа восстания на «Сэндвиче», в обращении

к экипажу последнего, незадолго до сдачи, сказал: «Разве среди вас нет многих, которые годились бы быть нашим государем, как Джордж Рекс? (т. е. король Георг — Г. В.). Он имеет власть, а мы имеем порох». Таким образом, мысль о борьбе против короля и монархии уже зарождалась в голове некоторых руководителей норского восстания. Делегат Джордж Шей, ведя агитацию за восстание, говорил, что «страна угнетена в эти пять лет, что война длилась слишком долго, и что пришло время добыть себе права».

Особо должна быть отмечена попытка левых вигов связаться с восставшим флотом и нажить себе политический капитал, растроченный старыми вигами. Так, красный командир «Ланкастера», Джимс Вильсон, вел беседы со специально прибывшим в Ширнесс членом парламента, видным представителем вигов, лордом Уайтбрэдом. Но это была, видимо, совершенно изолированная попытка.

В результате восстания 1797 г. матросская масса добилаь некоторого улучшения своего материального и частично правового положения. Правда, это улучшение было крайне незначительным. Крах революционного движения во флоте в конце XVIII в. нельзя, конечно, объяснять только «исконным лойялизмом» британских матросов, как это делает буржуазный историк Джилль. Причины этого краха лежат глубже. Английская буржуазия давно стала силой консервативной и возглавить демократическое движение низов не хотела и не могла. Рабочий класс в своем подавляющем большинстве состоял из ремесленников, близких к мелкой городской буржуазии. Он еще почти целиком находился во власти иллюзий конституционного парламентаризма и мелкобуржуазных предрассудков легальности. Хотя «Корреспондентские общества» и пытались возглавить назревавшую в стране революцию, но, не будучи массовой политической партией, не смогли углубить и расширить размах начавшегося движения. Революционные движения, протекавшие в Англии в эту эпоху (начало 90-х годов XVIII в.), были слабо связаны между собою. А флот поднялся уже после того, как на суше почти везде победила реакция.

Пробьет час, когда революционный пролетариат Англии поднимет красный флаг над флотом и отдаст должное героическим теням Паркера и Грегори. Такие факты, как например волнения осенью 1931 года, свидетельствуют о том, что британский флот снова становится ненадежным, как и сто тридцать с лишним лет тому назад.

Глава четвертая

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ («Корреспондентские общества» 1792 — 1797 гг.)

1. Умеренность в принципах есть преступление.

Майор Дж. Картрайт.

2. Когда ваш прах будет собран небесами, беспристрастный голос будущего отвергнет ваш приговор.

Томас Мюр.

3. Если парламент не выражает больше воли народа, то наш долг не философствовать, а действовать.

Томас Гарди.

ВВЕДЕНИЕ

Война за независимость северо-американских колоний, великая революция во Франции, революционная борьба в Ирландии и Шотландии — все эти события оказали могучее влияние на развитие в Англии широкого политического движения в 90-х годах XVIII века.

В том же направлении действовали и экономические сдвиги эпохи. Аграрный переворот безжалостно разорял сотни тысяч крестьян. С неменьшей беспощадностью промышленный переворот разорял мелкую городскую буржуазию и ремесленный пролетариат. Дороговизна бросала в пропасть нищеты и голодного вымирания сотни тысяч бедняков города и деревни. За время с 1780 по 1795 г. цены на продукты поднялись на 50%. Лето 1792 г. было неурожайным. В 1793 г. был крайне умеренный урожай. Следующие годы, 1794 и 1795, снова были неурожайными. Беднота питалась смесью из хлеба и риса. Масло, мясо, сахар были для масс недоступной роскошью. В эти же годы растет и безработица, вызванная усиливающимся применением машин как в сельском хо-

зяйстве, так и в промышленности. 1785—1795 гг. — это годы применения машин Уатта, Картрайта, Харгривса и др. Фабрика этих лет была синонимом каторги. С другой стороны, затянувшиеся войны углубляли экономический кризис, обусловленный переходом от мануфактуры к фабрике. Все это вместе взятое приводило к росту недовольства широких масс, к нарастанию политического кризиса. Недовольство охватывало не одни только низы населения, но и средние слои промышленной буржуазии, озлобленной исключительным господством блока землевладельческой и финансовой аристократии.

Первые политические организации, пытавшиеся поставить вопрос о парламентской реформе, начали формироваться еще в 1769 г. В 1769 г. было создано «Общество поддержки прав». Им руководили неоднократно избиравшийся в палату общин, но упорно не утверждавшийся ею радикал Уилькс, Горн Тук и четыре члена парламента. Общество состояло — в основном — из представителей промышленной буржуазии. Александр Стефенс в своих воспоминаниях о Горне Туке пишет, что «вначале членов было немного, но все они были люди влиятельные и по своему положению и по своим способностям». Общество раздирали внутренние разногласия по вопросу о процедуре выборов. В конце концов оно распалось.

В 1779 г. лорд Стэнгоп, участник буржуазно-радикального движения последующих лет, пытался внести в палату общин билль о правах. Активными борцами за парламентскую реформу были герцог Ричмонд и майор Джон Картрайт (брат знаменитого изобретателя). Последний еще в 1771 г. опубликовал свой план реформы, под названием «Манифеста всеобщего конвента промышленных классов». Картрайт объявлял английское правительство «правительством деспотизма», а «миллионы производственных классов (Англии) — рабами». В 1780 г. комитет избирателей Винчестера, под председательством лидера вигов Чарльза Фокса, распространил доклад своей подкомиссии, озаглавленный «Восстановление первоначальных принципов» и принадлежавший перу все того же майора Картрайта. Доклад Картрайта требовал предоставления всем мужчинам, независимо от их имущественного положения, права участия в контроле над управлением страной. План рекомендовал: 1) распределение страны на округа, состоящие из равного числа мужчин, имеющих право голоса; 2) ежегодные выборы в один и тот же день; 3) допущение всех мужчин к голосованию, за исключением лишенных гражданских прав; 4) внесение в избирательный список всех тех, кто допущен к голосованию; 5) голосование списков шарами отдельно в каждом округе; 6) запрещение избранным в депутаты держать контору или иметь занятия от короны;

7) уплата жалованья депутатам; 8) недопущение выборов во время судебных сессий; 9) допущение всех мужчин, «имеющих право голоса, в кандидаты».

В 1782 г. в Лейчестере был организован «Клуб революции». Вспыхнувшая в 1789 г. революция во Франции повела к реорганизации этого клуба, поставившего теперь своей целью обеспечение свободы выборов и избирательных прав городов. Общество разделяло доктрину Томаса Пэна о «правах человека». С приходом к власти якобинцев общество «разочаровывается» в идеях французской революции. Революционная диктатура якобинцев во Франции способствовала превращению многих розовых либералов Англии в махровых реакционеров типа Эдмунда Барка. «Клуб революции» прекратил свое существование. Та же участь постигла в это время аналогичную организацию, действовавшую в Бирмингеме. Отметим еще «Общество конституционной пропаганды», организованное в 1780 г. Оно состояло из представителей парламентской оппозиции под председательством сэра Сесила Рей. Среди членов встречаем графа Эффингема, Серрея, Шеридана, Альдермена, Саубриджа (уже вносившего однажды билль о реформе), сэра Т. Синклера, сэра В. Джонса, графа Джебба и других сторонников политической реформы в интересах промышленной буржуазии.

Одной из излюбленных форм деятельности либеральных политических клубов этой эпохи являлись банкеты. В 1788 г. «Лондонское общество революции» организует банкет по случаю столетия «славной революции». На этом банкете левых вигов присутствовало 400 человек, среди них — несколько высокопоставленных представителей двора. В тот же день (4 ноября 1788 г.) «Конституционный клуб» организовал собственный банкет, на котором выступал, между прочим, лорд Стенгоп, старый деятель движения за избирательную реформу; на этом собрании присутствовало 1200 человек. Клуб вигов также организовал в это время юбилейный банкет под председательством герцога Портленда и с участием Шеридана.

Таков краткий обзор банкетной деятельности конституционно-либеральной оппозиции 90-х годов XVIII в. Сиятельные виги с их сиятельными банкетами, конечно, не были опасны правительству. Сам Вильям Питт — глава правительства — посещал иногда заседания этих дискуссионных клубов и вел негласные переговоры с либеральным герцогом Ричмондом по вопросу об избирательной реформе. Виги-парламентарии маневрировали в страхе перед возможностью народной революции. Первую скрипку в «Обществе друзей народа», основанном в апреле 1792 г., играют так называемые

«новые виги», среди них — лорды Лаудердель, Эрскин, Уитбрэд, Макинтош, герцог Бедфорд, граф Чарльз Грэй и др. Их программа — откровенная попытка подменить революционную борьбу за демократию конституционно-либеральным реформизмом. «Общество друзей народа» декларировало, что оно образовалось «не с целью распространения революционных доктрин, а в интересах поддержки конституционных реформ и изменений, необходимых для удаления признанных аномалий и недостатков наших учреждений, реформ, достижение которых по убеждению общества представит для страны лучшую гарантию против намерения лиц, стремящихся к ниспровержению этих учреждений».

«Новые виги» были решительными противниками республиканизма Томаса Пэна. В мае 1792 г. в своей декларации принципов конституционалисты-реформисты писали: «Мы заявляем, что не разделяем желанья, чтобы великие планы общественного благоустройства, так горячо проповедуемые Пэном, были приведены в исполнение. Не хотим мы и прельщать наших сограждан заманчивыми обещаниями обеспечить за ними «права народа в их полном объеме», прельщать иллюзиями, которые, открывая безграничный простор для всяких политических авантур, могут только парализовать общественное мнение, служащее поддержкой всякого истинного правительства, и породить тот дух новаторства, предвидеть и тем более предотвратить последствия которого не может никакой ум, никакое искусство. Мы желаем реформировать конституцию, потому что мы желаем сохранить ее». Более откровенного признания, чем это заявление, сделанное лордом Греем от имени «Друзей народа», нельзя и придумать. Мышиная возня «новых вигов» вокруг вопроса о реформе парламента могла иметь и действительно имела только один объективный смысл — открыть «отдушину» для недовольства масс, — отвести демократическое движение низов в сторону от коренного вопроса о революции, выхолостить это движение.

Взрыв французской революции сильно напугал большинство сторонников либеральной оппозиции в Англии. В то время как демократы восторженно приветствовали события во Франции как начало новой эры для всего человечества, «новые виги» раскололись — одни ликовали, другие (большинство) не скрывали своих опасений. По мере того, как события во Франции принимали все более грозный характер, английские либералы правели все больше и больше. Достаточно было Джону Картрайту выступить в защиту французской революции, чтобы Артур Юнг напал на него. Юнг презирает революционный народ Франции и объявляет его сбро-

дом; революцию 10 августа 1792 г. он расценивает как дело убийц, разбойников. К своим согражданам Юнг обращается со следующим призывом: «Объединяйтесь в ассоциации для защиты от бандитов, разбойников, головорезов и якобинцев; объединяйтесь также против врага более хитрого и потому более опасного, против «друзей реформы». Юнг приходит в ужас от солидарности английских революционных обществ с революционными обществами Ирландии и Шотландии. Пожалуй, только Эдмунд Берк, автор прославленного памфлета против французской революции, превзошел Артура Юнга в ненависти к этой последней.

I. КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ОБЩЕСТВА

В конце 1791 г. в Лондоне возникает «Корреспондентское общество», первое собрание которого состоялось 25 января 1792 г. при участии всего восьми человек. Первые резолюции, опубликованные этим обществом, помечены 2 апреля 1792 г. Вскоре в различных местах Англии, Шотландии и Ирландии стали возникать аналогичные общества, ставившие себе аналогичные цели.

Самыми многочисленными и активными оказались организации, действовавшие в Лондоне, Манчестере, Норвиче, Шеффилде, Лидсе, Дерби, Лейстере, Бирмингеме, Глазго, Эдинбурге, Ковентри, Ньюкэстле, Бристоле. Кроме промышленных городов, «Корреспондентские общества» получили довольно широкое распространение в земледельческих, а также приморских районах, как-то в Рочестере, Тьюксбери, Гертфорде, Батсе, Шергорне, Дунди, Перте, Пейзли, Киркингулахе, Килмарнаке, Стерлинге, Далкейтсе, Ньютайне, Питсбурге, Галстоне, Ньюмилле, Дорвилле, Галифаксе, Ваксфильде, Гудерсфильде, Бридфорде, Стратгевене, Эксетере, Портсмуте. По некоторым данным, в 1795 г. «Корреспондентские общества» имели 70 отделов. Эдмунд Берк считал, что в Англии было 400 000 радикалов, из них — 80 000 «якобинцев», руководимых «Лондонским корреспондентским обществом». Маргарот из Шеффилда говорил о 50 000 членов «Корреспондентских обществ». На общем съезде революционных обществ Англии, созванном по инициативе «Лондонского корреспондентского общества» в октябре 1793 г. в Эдинбурге, было представлено 146 делегатов от 40 обществ, из них подавляющее большинство составляли члены «Корреспондентских обществ». Они ведут на буксире левое, радикальное крыло таких организаций, как «Общество реформы» и «Общество друзей народа». Вожди «Корреспондентских обществ» сами подчеркивали принципиальное отличие своей организации от предыдущего политического дви-

жения, протекавшего под руководством «новых вигов». «Прошло десять лет, — писал в 1792 г. Томас Гарди, — и за это время в качестве поборников реформы выступили новые, неизвестные своим предшественникам люди, принадлежащие к низшему и среднему классу общества, называемому народом. Они решились объединиться и требовать восстановления своих давно утерянных прав. Эти два класса сторонников реформы были до такой степени чужды друг другу, что многие из тех, которые в 1782 г. горячо ратовали за парламентскую реформу, совершенно не знали тех, кто в 1792 г. образовывали ассоциации для достижения этой реформы. Многие из них были так встревожены этим новым неожиданным движением, что начали искать прибежища под всемогущим покровительством короны».

Революционно-демократические идеи французского якобинизма нашли довольно широкий отклик среди британских пролетариев, ремесленников, городской и сельской бедноты. Но политические требования французских якобинцев английские рабочие и ремесленники дополняли требованиями «аграрных» и «социальных справедливостей».

Устав «Корреспондентских обществ» был составлен и опубликован Томасом Гарди, секретарем Лондонского общества и руководителем Генерального (Центрального) комитета «Корреспондентских обществ» Англии и Шотландии. В виду того, что всякое объединение политических союзов преследовалось властями, организационная структура «Корреспондентских обществ» была основана на принципах формальной независимости и добровольных сношений между собою. Тем не менее у них был свой ЦК в Лондоне, имевший особую квартиру. Члены «Корреспондентских обществ» называли себя гражданами. Устав лондонской организации, составленный Т. Гарди, гласил: 1) «общество создается под названием «Корреспондентского общества» для восстановления прав, не предоставленных народу Великобритании; 2) каждый член платит по одному пенсу в неделю; деньги шли на издержки общества; 3) как только 20 членов объединились, должно быть созвано общее собрание, на котором будут утверждены необходимые правила и устав для управления обществом, и будут соответствующим образом выбраны должностные лица (этот пункт был потом вычеркнут — Г. В.); 4) должен быть создан комитет для связи с любым обществом, могущим образоваться в Великобритании с целью продвижения и поощрения целей данного общества; 5) ни одно лицо не может быть предложено в члены этого общества (после первого учредительного собрания), если оно не будет рекомендовано одним членом и не будет поддержано другими (этот пункт также

был вычеркнут — Г. В.); 6) в этих целях имя и адрес каждого члена должны регулярно вноситься в особую книгу; 7) все заседания общества и его комитета должны быть тщательно запротоколированы в надлежащих книгах секретарем до следующего заседания общества и комитета; 8) членом общества не может быть человек, не достигший 21 года, а равно и тот, кто не жил в Великобритании в продолжение года; 9) общество делится на дюжины (12), но не более 20 человек в каждой. Новые члены принимаются в общество по большинству голосов. Когда семь членов общества в наличии, делегат и председатель общества должны быть избраны».

«Корреспондентские общества» вели между собою интенсивную переписку. Они поддерживали связь и с обществами конституционных реформистов. Почтовому ведомству эта переписка доставляла много хлопот, — это ведомство занималось перлюстрацией всей переписки революционных обществ. В резолюции от 24 мая 1792 г. «Лондонское корреспондентское общество» говорило «о естественном праве человека и общества на свободу и о его естественном и неотчуждаемом праве на сопротивление угнетению и на участие в управлении своей страной». За этой декларацией следовала программа политических требований, начинавшаяся таким образом: I. Каждый человек имеет право на участие в управлении обществом, членом которого он является, если только он не является невменяемым. II. Ничто, кроме несовершеннолетия, душевной болезни или преступления против общих законов общества, не может сделать его неспособным пользоваться этим правом. Далее в адресе ставился вопрос о равном представительстве и выдвигалось требование снижения налогов и податей. Единственным лекарством от всех зол объявлялось равное и всеобщее представительство в парламенте. Общество заявляло, что ведет и будет вести борьбу против «гнилых местечек», и клеймило коррупцию и продажность членов парламента.

Единственным методом борьбы декларация 24 мая признавала реформу и разум, которые должны быть направлены «против злоупотреблений власти». В таком же духе высказывался и манифест, принятый 2 апреля. Этот манифест содержал следующую политическую программу:

«Свобода — прирожденное право человека; мы считаем своим долгом охранять его в неприкосновенности для блага наших сограждан и нашего потомства. Участие в управлении есть право гражданина; без этого права ни один человек не может называть себя свободным. Народ Великобритании большей частью не представлен в парламенте и устранен от участия в управлении. Результатом ограниченного, неравного и потому недостаточного представительства, равно как

и избирательной коррупции, являются: тяжелые налоги, несправедливые законы, ограничение свободы и расточительное расходование государственных средств. Единственное лекарство против этих зол — прямое, всеобщее и справедливое представительство народа в парламенте. «Лондонское корреспондентское общество» проникнуто решимостью энергично работать для достижения этой цели, но оно осуждает всякие насильственные акты и всякую анархию; его единственное оружие — доводы разума, твердость и единение».

Впоследствии тон деклараций «Корреспондентских обществ» станет резче, они будут говорить о свержении тирании, будут заласаться оружием. «Если парламент не выражает больше воли народа, то наш долг не философствовать, а действовать». Эти слова, — эпитафия, которым Гарди снабдил свою оставшуюся неизданной историю «Лондонского корреспондентского общества», — хорошо передают революционные настроения, господствовавшие среди значительной части членов организации.

В своей обширной декларации «Лондонское корреспондентское общество», развивая принципы естественных прав человека, требует полной свободы слова, свободы совести, печати, союзов, неприкосновенности личности и введения прогрессивно-подходящего налога.

«Корреспондентские общества» развернули широкую агитацию не только среди гражданского населения, но отчасти и среди солдат, волонтеров, милиции и военных моряков. В мятежах армии и флота мы часто встречаем активными руководителями членов этой организации. «Лондонское корреспондентское общество», основанное вначале незначительной группой квалифицированных рабочих, ремесленников и революционно настроенных интеллигентов, быстро превратилось в довольно широкую политическую организацию, ставшую центром для всех «Корреспондентских обществ» Англии и Шотландии. Организация поддерживала блок с конституционалистами-реформистами, оставляя за собой руководящую роль в этом блоке.

«Корреспондентские общества» просуществовали пять лет и погибли под ударами реакции.

II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТОМАСА ПЭНА и ТОМАСА СПЕНСА

«Корреспондентские общества» и общества конституционалистов-реформистов представляли по существу два разных класса и две разных политических партии. Это видно как из

социального состава руководителей, так и из платформы тех и других. Идеалом «Корреспондентских обществ» была конституция 1793 г. Для конституционалистов-реформистов любимые герои французской революции — это жирондисты и дантонисты, для «Корреспондентских обществ» — якобинцы-робеспьеристы. Фактически почти все члены «Корреспондентских обществ» были республиканцами. Их политическим евангелием были «Права человека» Томаса Пэна, их экономическим идеалом — «аграрные справедливости». Они стояли за революционную ликвидацию лэндлордизма, за национализацию всей земли и передачу ее, на началах уравнительного землепользования, свободным самоуправляющимся общинам. Они выдвинули идею страхования от безработицы и обеспечения стариков. Одновременно с появлением работ Пэна прокладывал себе путь к массам и Томас Спенс, сыгравший особенно большую роль в политическом движении 1810—1816 гг. Блок «британских якобинцев» с «британскими жирондистами» был очень непрочен и непродолжителен. Достаточно было развертывания якобинского террора во Франции, как от этого блока не осталось почти и следа. Не только старые, но и новые виги поспешили пойти на соглашение с реакцией, капитулировав из страха перед назревавшей в Англии революцией низов.

Так как идеи Томаса Пэна воодушевляли английских республиканцев конца XVIII в., то необходимо, хотя бы вкратце, изложить его взгляды. В своей основной работе «Права человека» (первая часть вышла в 1791 г.) Томас Пэн рассматривает существующие монархические правительства, как «банду разбойников». «Все наследственные правительства, — говорит он, — являются по природе своей тиранией». Пламенной защите демократии и республиканизма посвящена вся третья глава второй части «Прав человека». «Правительство, — заявляет автор, — есть не что иное, как *национальная ассоциация, действующая на принципах общества*» (курсив оригинала — Г. В.). В своей работе «Аграрная справедливость» (1795 г.) Томас Пэн утверждает, что «земля в своем натуральном и необработанном состоянии была и будет *общей собственностью человеческой расы*».

Пэн предлагал создать национальный фонд для выплаты всем лицам, достигшим 21 года, по 15 фунт. стерлингов, в виде компенсации за потерю ими своих естественных и наследственных прав на земельную собственность, и по 10 фунт. стерлингов всем лицам с 50 лет, «кто достиг или достигнет этого возраста». Таким образом Томас Пэн высказывался за национализацию земли со своеобразным выкупом ее у соб-

ственников, который должен был идти на содержание их детей и стариков-родителей. Томас Пэн пропагандировал прогрессивно-подоходный налог, выступал за отмену налога в пользу бедных, налога на товарообмен, налога на дома и окна. Томас Пэн отстаивал обеспечение и обучение за счет государства всех детей (до 14 лет) бедняков, а также государственную пенсию в размере 5 фунтов стерлингов всем бедным и трудящимся в возрасте от 50 до 60 лет (для стариков свыше 60 лет он требовал пенсии в 10 фунтов). Каждому новорожденному, по плану Пэна, должно было уплачиваться по 20 шиллингов и столько же — каждому из молодоженов. Пэн требовал создания специального фонда в 20 000 фунтов стерлингов на похороны бедняков и другого фонда для приискания работы безработным. Пэн боролся за предоставление постоянной работы безработным Лондона и Вестминстера. Он ратовал также за улучшение материального положения солдат, за увеличение им жалованья, за выплату пособий демобилизованным и распущенным по домам солдатам (за счет непроизводительных расходов на войну, на чиновников, на пенсионеров из дворян). Эта последовательно демократическая и весьма радикальная для того времени программа стала основой программы «Корреспондентских обществ» и тщательно обсуждалась на их заседаниях. Такая программа должна была, понятно, отбросить в сторону реакции всех либеральных оппозиционеров из среды лэндлордов и крупных буржуа, для которых национализация земли, социальное обеспечение безработных, широкая государственная помощь бедноте были, конечно, абсолютно неприемлемы.

Программа Томаса Пэна была программой демократических преобразований. Не менее сильное влияние оказывали на демократическое движение низов памфлеты и статьи вольнодумца Пристли, энергично боровшегося за неограниченную свободу совести. Еще более велико было влияние утопического аграрного социалиста Томаса Спенса, который в своем докладе от 8 ноября 1775 г. в Ньюкэстле (изданном в 1793 г. под названием «Действительные права человека») задолго до Пэна развивал теорию общественной собственности на землю. Именно Томас Спенс, а не Томас Пэн, первый в Англии употребил термин «Права человека». Под влиянием Жан-Жака Руссо он развивал теорию естественных прав человека.

В 1792 г. Томас Спенс выступил как последовательный поборник социальной справедливости, как ярый защитник общинно-уравнительного землепользования и передачи всей земли в распоряжение самоуправляющихся общин. Его

острый политический памфлет «Свиное мясо» сыграл свою роль в деле поднятия политического сознания трудящихся масс. Спенс состоял в прямых сношениях с «Лондонским корреспондентским обществом» и даже предоставил свою квартиру для военных упражнений членов общества. В 1797 г. Спенс выпустил листовку «Права детей», в которой дал развернутую критику половинчатости социальных проектов Томаса Пэна. Источник всех несчастий, причину обнищания народных масс Спенс видел в том, что «подобно тому, как все реки питаются испарениями моря и возвращаются назад в море, так торговля и промышленность питаются землей, и реки их богатства возвращаются в конце концов назад в великий резервуар землевладения».

В 1798 г. он выпускает, под заглавием «Спенсиана» утопический проект будущего общества, такого социально-экономического и политического строя, в котором не будет ни эксплуатации ни нищеты. Утопическая «Спенсиана», основанная на идее аграрного социализма, представляла собой попытку найти выход из аграрного переворота, уничтожившего английское крестьянство как класс. Туманные идеи утопического аграрного социализма всех оттенков от Томаса Мора до Мабли и Морелли уже давно были распространены в Англии. Именно под их влиянием, а также под влиянием Жан-Жака Руссо, Томас Спенс формулировал свою программу «социальных справедливостей».

«Корреспондентские общества» питались — в основном — мелкобуржуазными идеями Томаса Пэна и близкого к нему по духу Ричарда Прайса. Учение же Спенса приобрело влияние, главным образом, после его смерти (1814 г.).

Рабочие, ремесленные подмастерья, разоряющиеся слои мелких предпринимателей, обезземеленные крестьяне жадно воспринимали идеи Томаса Пэна. 25 сентября 1792 г. «Лондонское корреспондентское общество» опубликовало и бесплатно распространило письмо Томаса Пэна к «французскому народу», в котором он благодарит Национальный конвент за свое избрание членом последнего и за дарование ему звания гражданина Франции. Он высказывает убеждение в том, что «дело Франции есть дело всего человечества», и говорит о своих симпатиях к революционной войне Франции «против деспотов, во имя свободы и равенства всего человечества». Еще раньше, в «Правах человека», Пэн открыто стоял за «всеобщую революцию в принципах и в строении правительства». В письме к видному деятелю американской и французской революции Лафайету он писал (9 февраля 1792 г.): «Когда Франция будет окружена революциями, она будет в мире и безопасности».

III. ВСЕБРИТАНСКИЙ КОНВЕНТ НАРОДОВ ТРЕХ НАЦИИ (1793 г.)

Сознание необходимости объединения всех демократических союзов в общенациональном, общebritанском масштабе крепло в умах. Шотландские революционные общества «Друзей народа» (не смешивать с реформистским обществом «Друзей народа» в Англии) пригласили местные радикальные клубы на общий съезд, конвент. Он открылся 12 декабря 1792 г. с участием 170 делегатов и закончился разгоном и осуждением на 14 лет каторги в Австралии вождей — Томаса Мюра и Пальмера и арестом других членов конвента. «Лондонское корреспондентское общество» поддерживало тесную связь с шотландскими революционными обществами. Используя эту связь, Томас Гарди повел агитацию за созыв «конвента трех наций» — Англии, Шотландии и Ирландии.

5 октября 1793 г. «Эдинбургское общество друзей народа», объединявшее все революционно-демократические общества Шотландии, обратилось к своим английским собратьям с приглашением прислать в Эдинбург делегатов к 29 октября того же года. На съезд были приглашены также члены революционных обществ Ирландии. Таким образом Конвент Шотландии должен был превратиться во всебританский. Английские делегаты прибыли лишь в ноябре 1793 г. Заседания шотландского Конвента были прерваны. Они возобновились 19 ноября с участием английских делегатов. Конвент заседал две недели. Его заседания были публичными. От «Лондонского корреспондентского общества» были Джеральд и Маргарот, занявшие руководящее положение в Конвенте. Синклер представлял «Лондонское конституционное общество», М. С. Браун — демократов Шеффилда. Конвент состоял из 160 делегатов от 40 обществ из разных городов Великобритании. Многие английские конституционалисты-реформисты отказались от участия в Конвенте, хотя «Лондонское корреспондентское общество» разослало им всем приглашения. Лондонское общество «Друзей народа», состоявшее под председательством вига Шеридана, категорически отказалось от посылки делегатов. Конвент имел два крыла: революционно-демократическое во главе с «Лондонским корреспондентским обществом» и конституционалистско-реформистское во главе с «Лондонским конституционным обществом». Ирландские и шотландские революционные общества шли вместе с «Корреспондентским обществом» Лондона. Преобладание в Конвенте принадлежало не буржуазным конституционалистам-либералам, а радикальной демократии, представлявшей рабочих, ремесленников, мелкую буржуазию и мелкобуржуазную

интеллигенцию. Конвент усвоил себе терминологию французского Национального конвента и резко противопоставлял себя парламенту как действительный парламент революционного народа. «Гражданин Джеральд сравнивал конституцию 1688 г. с мертвой лошадьё», — читаем в одном из протоколов заседаний Конвента.

Даже из его весьма скудных записей и из судебных отчетов видно, что внутри Конвента развернулась принципиальная борьба между демократами и либералами по вопросу об обращении с петицией к королю или к палате общин, о правомочности конституции 1688 г., о праве народа на восстание и сопротивление деспотизму, о взаимной ответственности членов Конвента (в деле организации комитета средств и способов и секретного комитета), даже по вопросу об официальном наименовании Конвента. По всем этим вопросам победа досталась левому крылу, представителям «Корреспондентских обществ». Для политических настроений Конвента характерно принятое им обращение к Национальному конвенту Франции, приветствующее борьбу с монархией и торжество якобинцев и протестующее против войны Англии против французской революции. В другом адресе на имя Французского конвента, подписанном Маргаротом и Томасом Гарди, высказываются открыто пораженческие взгляды:

«Немецкие деспоты могут действовать как им угодно, но мы будем радоваться их поражению... Мы не заинтересованы в том, чтобы ганноверский курфюрст (он же король Англии — Г. В.) присоединял свои войска к войскам изменников и бандитов. Но королю Англии следовало бы помнить, что Англия — не ганноверское королевство, а если он это забыл, то не забыли мы!»

Конвент принял резолюцию о «более равном представительстве народа в палате общин и о сокращении сроков депутатских полномочий в парламенте»; он высказался за всеобщее голосование и ежегодные выборы. Резолюция эта была принята в особо торжественной обстановке: делегаты встают и подают друг другу руки в знак согласия.

Конвент разделился на секции, общие заседания происходили ежедневно. Была проведена подписка на покрытие издержек по содержанию Конвента.

Первое заседание Конвента происходило, как уже сказано, 29 октября. Его открыл генеральный секретарь Сквиринг. В президиуме — Мак-Интайп, священник Джемс Дональдсон и священник Нэйль Дуглас. Принимается резолюция о реформе парламента. По предложению одного делегата, Конвент рекомендует всем обществам начинать и кончать свои заседания молитвою (впоследствии этот религиозный налет совершенно

сходит на-нет). В том же заседании (29 октября) Конвент высказал свое единодушно отрицательное отношение к работорговле и выразил надежду на «немедленное и полное освобождение рабов». На следующий день, 30 октября, под председательством священника Нэйль Дугласа было принято предложение Мак-Артура—устроить всенародную публичную молитву и «просить господней помощи в деле реформы». Депутат из Дал-Кейтса поставил вопрос: «имеем ли мы право по конституции 1688 г. добиваться всеобщего избирательного права и годовых парламентов, или мы должны спуститься глубже в старину в поисках авторитета?» Нэйль Дуглас, передавая председательство Александру Коллендеру, говорил о том, как абсурдно заменять представительство людей представительством собственности. В том же направлении говорили и некоторые другие делегаты. Один делегат заметил, что «установление всеобщего избирательного права было бы только выполнением справедливости по отношению к «черни» Шотландии, к «свиньям» Англии и к «тварям» Ирландии, т. е. к рабочим и крестьянским массам, которых правительство обзывало всеми этими эпитетами. После этого Конвент перешел к дискуссии по вопросу о предоставлении избирательных прав солдатам и матросам.

В заседании 31 октября, происходившем под председательством Коллендера, обсуждался вопрос, на чье имя направлять петицию — на имя короля или парламента. Капитан Джонсон считает, что «будет незаконным и недопустимым петиционировать к королю и что этот шаг действительно разрушит все дело». Священник Дональдсон выступает с компромиссным предложением — «рекомендовать обществам поступать так, как они найдут это необходимым». Делегат из Файфа заявляет, что его избиратели скорее будут петиционировать к римскому папе, чем к королю. В конце концов было единогласно решено адресоваться к палате Общин, как «к единственному законодательному органу, к которому должно обращаться в деле о реформе и представительстве». На том же заседании Дональдсон и Митчель были выделены Конвентом — обедать с осужденными на каторгу Т. Мюром и Пальмером.

Заседание 1 ноября происходило под председательством Джона Милля из Ньютоуна. Постановили призвать народ Шотландии петиционировать к королю против войны Англии с Францией. Под председательством «гражданина И. Харта» 6 ноября собрался генеральный комитет Конвента, постановивший продлить полномочия членов Конвента до созыва другого Конвента. Прибытие делегатов из Англии превращает Конвент во всебританский съезд и способствует повышению

его революционного тонуca. По предложению Маргарота («Лондонское корреспондентское общество») на собрании Генерального комитета Конвента — 19 ноября — назначается комитет для выработки правил внутреннего распорядка. Лорд Дэйер протестует против расширения прав генерального комитета. Единогласно принимается по предложению Маргарота резолюция о том, что комитет «прежде чем опубликовать обращение к народу, должен обсудить способ действий и наметить план будущего генерального юниона (союза), план объединения двух наций и их конституционных стремлений». Комитет по разработке плана «объединения двух наций» разработал «фундаментальные» т. е. организационные принципы будущего генерального комитета юниона (союза) наций. Каждый член генерального комитета «юниона наций» должен был быть облечен всеми полномочиями по охране интересов избравшего его общества и нести ответственность за свое поведение перед избирателями. «Комитет юниона» избирает председателя, который доводит до сведения союза о порочащем поведении того или иного из членов комитета. Член комитета может быть отозван и отрешен от должности своими избирателями. Генеральный комитет юниона наций выделяет из своей среды «комитет средств и способов», который по мысли Маргарота должен был стать комитетом борьбы, наделенным соответствующими полномочиями. Некоторые делегаты «Лондонского корреспондентского общества» имели в виду превратить организационный комитет «юниона наций» в орган подготовки и руководства восстанием. Среди членов генерального и организационного комитетов находился Роберт Уайт, ремесленник, судившийся впоследствии, в августе—сентябре 1794 г., за участие в означенных комитетах с целью организации вооруженного восстания. Члены революционных обществ не ограничивались агитацией против спекулятивных цен, но стихийно вооружались в это время пиками и т. п. оружием. Уайт вел агитацию среди солдат полка в Далкейтсе (Шотландия). Впоследствии он был казнен.

Но вернемся к заседаниям Конвента.

На пятый день заседания — 23 ноября — вносится предложение доказать единение делегатов юга и севера (Англии и Шотландии). «Гражданин Скотт предлагает всем членам подняться и соединить свои руки в доказательство союза между Англией и Шотландией». Предложение принимается. Единогласно принимается и другое предложение — переименовать Конвент в «Британский конвент делегатов народов, объединенных для достижения всеобщего избирательного права и годового парламента». Но предложение о допущении членов «Объединенного общества ирландцев» было передано в ко-

миссию. Дж. Гартли предлагает разделить страну на департаменты и назначить провинциальные конвенты, чтобы они могли лучше ознакомиться с мнениями друг друга. 26 ноября 1793 г. Конвент заседал под председательством Мауриса, Маргарота и Джексона. Делегат Браун вносит предложение, чтобы Конвент объявил себя «Комитетом борьбы за свободу слова». Предложение это вызвало возражения. В мелких стычках то и дело проскальзывали растущие разногласия двух лагерей. Конвент был вынужден чуть ли не ежедневно декларировать единство своих рядов, которое было видимо непрочным.

28 ноября, под председательством Милльмэкера и Тайлора, была торжественно принята резолюция в защиту Habeas Corpus Act (законов о неприкосновенности личности). По предложению Маргарота Конвент постановил организовать секретный комитет и назначить секретарей для определения места продолжения заседаний. Это было сделано потому, что ждали разгона. Место нового созыва Конвента должно было держаться в тайне. В секретный комитет были выделены Маргарот, Джон Кларк, Сквиринг и Джеральд, секретарем был назначен Браун. На этом же заседании было оглашено письмо-протест против организации секретного комитета, исходившее от Роберта Джилькрайта, Вильяма Тода, Джимса Маккли и Генри Викерса. Постановлено было— письмо сжечь, а авторов его не допускать в будущем на заседании Конвента. Затем был выбран комитет по выработке «Декларации естественных, неотчуждаемых и неоспоримых прав человека», которая должна была предшествовать обращению Конвента к народу Великобритании. 2 декабря, в 12-й день заседания, председательствовал Джон Кларк Мэсон. Сквиринг предлагает, чтобы все члены Конвента подписали «торжественную лигу и ковенант» (как в 1638 г., во время революции в Шотландии). Чувствуется, что Конвент напрягает все усилия, чтобы скрепить единство своих рядов накануне разгона. Джеральд высказывается за свободу мнений. Александр Скотт и Александр Коллендер предлагают обсудить резолюции последнего заседания шотландского Конвента о подаче в палату общин петиции в пользу парламентской реформы. Маргарот предлагает, чтобы каждое общество прислало в Конвент своего делегата с письменным одобрением решений Конвента. «Эта мера, — заметил он, — докажет, что Конвент действительно представляет многочисленные слои промышленных граждан». Тот же делегат сообщает, что «Лондонское корреспондентское общество», которое он представляет, состоит из 12—13 000 членов, общество в Шеффилде и его окрестностях—из 10 000 членов, общество в Норвиче из 3 000.

«Эти цифры, — заявляет Маргарот, — в соединении с великой массой членов общества в Шотландии, убедят его врагов, что Конвент не может быть разогнан».

4 декабря — 14-й день заседания Конвента — председательствовал мак-Кувбан. Ставится вопрос о готовящемся разгоне Конвента правительством. Маргарот настаивал, чтобы секретному комитету было предложено назначить новое место заседаний Конвента. 5 декабря на заседание Конвента явились лорд-мэр и судья города Эдинбурга с предложением немедленно закрыть съезд. Еще до этого произведены были обыски и конфискованы все бумаги у Маргарота, Джеральда Коллендера, Скотта и Росса. Оставленный перед перспективой насильственного разгона Конвент постановляет считать себя перманентным и расходится. 6 декабря Конвент собрался в другом помещении под председательством Кэмпбелла. Заседание началось с информации о предыдущих обысках и арестах. Во время речи Джеральда о его незаконном задержании в зал входят судья, шериф и констебли. Джеральд кричит: «Права британцев попорчены незаконным перерывом нашего мирного митинга». Маргарота, занявшего место председателя, шериф уводит за руку. Конвент выбирает в председатели Джеральда. Чтобы помешать разгону или хотя бы выиграть время, Джеральд напоминает, что заседание начинается и кончается молитвой. Он читает молитву, «прося бога о защите». После этого заседание было отложено. 10 декабря в № 80 «Эдинбургской газеты» Сквиринг поместил извещение о вынужденном прекращении занятий Конвента, приглашая членов Генерального комитета «Друзей народа», находящихся в Эдинбурге и его окрестностях, собраться у него в доме. Но ни Конвенту, ни Генеральному комитету «Друзей народа» собраться больше не пришлось, так как вся руководящая головка Конвента была уже арестована. В то же самое время в Англии были арестованы другие активисты: Телволл, Горн Тук и другие. Реакция торжествовала. Открывается серия бесчисленных политических процессов. Именно потому, что Конвент, под руководством «Лондонского корреспондентского общества», представлял по преимуществу «индустриальных граждан», т. е. главным образом рабочих и ремесленников, его и разогнали.

IV. ТОРЖЕСТВО РЕАКЦИИ И РАЗГРОМ КОРРЕСПОНДЕНТСКИХ ОБЩЕСТВ

10 декабря 1793 г. Конвент был разогнан вооруженной силой. Начались аресты и судебная расправа с руководителями. Еще раньше, в 1792 г., в Эдинбурге были осуждены Томас

Мюр, член «Корреспондентского общества» Шотландии (к 14-летней каторге) и методистский священник Пальмер (к 14 годам каторги) за пропаганду и распространение сочинений Т. Пэна среди рабочих. Лорд-судья, обращаясь к подсудимому Томасу Мюру, сказал: «В последнюю зиму по стране носился дух мятежа... И, несмотря на это, подсудимый осмелился держать речь перед толпой невежественных ткачей, по поводу их обид, речь, которая могла привести к самым тяжким нарушениям порядка и спокойствия и к опасности для нашей славной конституции. Ведь мистеру Мюру следовало бы знать, что на подобного рода чернь нельзя обращать внимания. Какое право имеют эти люди на парламентское представительство? Подсудимому хорошо известно, что парламент не обращает внимания на их петиции». Более откровенного классового суда, чем суд над Мюром, нельзя и придумать. Томас Пэн был объявлен вне закона, его сочинения конфискованы, сам он был вынужден бежать во Францию.

Между тем Томас Гарди сделал попытку нового созыва Конвента и обратился с соответствующим предложением к радикалам. Это предложение не было принято. Лондонское «Конституционное общество», испугавшись первых ударов со стороны реакции, отказалось поддержать начинания Гарди. Последний продолжал однако агитацию за созыв нового Конвента.

В феврале или марте 1794 г. — более точная дата не установлена — «Лондонское корреспондентское общество» выпустило манифест, в котором предлагало созвать новый съезд. В то же самое время в ряде городов Англии состоялись митинги, прославлявшие эдинбургских мучеников. Участники митингов высказывались в пользу избирательной реформы, осуждали войну против революционной Франции и обещали вступить в борьбу с правительством — «даже если бы им пришлось быть сосланными за это славное дело в Австралию».

Если не все участники движения отдавали себе ясный отчет в том, чем был на деле и особенно чем должен был стать Конвент, то это очень хорошо понимало правительство. Вот что говорил 6 января 1794 г. государственный обвинитель по делу Сквиринга: «Само название Британский конвент заключает в себе идею мятежа. Это есть присвоение себе названия, которое имеют право носить только члены установленного правительства. И во имя каких целей собрался этот Британский конвент? Во имя введения всеобщей подачи голосов, другими словами, с целью ниспровержения правительства Великобритании». Лорды-судьи в своих резюме все время подчеркивали, что обвиняемые на деле вели не к реформе старой конституции, а к революции. Через неделю после

осуждения Сквиринга, приговоренного к 14-летней каторге, судили Мауриса Маргарота. Этот руководитель разогнанного Конвента произнес смелую 4-часовую защитительную речь. Маргарот получил 14 лет каторги. 3 марта судили Джозефа Джеральда, также присужденного к 14 годам каторги.

12 мая король Георг III обратился к парламенту с посланием, в котором выражал свою скорбь по поводу того, что в стране ведется противоправительственная агитация, угрожающая основам существующей конституции и могущая ввергнуть страну в состояние анархии. Тайные комитеты обеих палат согласились с королевским посланием и признали, что «Корреспондентские общества» ставят своей целью «ниспровержение существующих законов и конституции и водворение такой системы анархии и смуты, которая столь печальным образом восторжествовала во Франции». В этот же день Гарди, Тельволл, Рихтер, Горн Тук и некоторые другие видные деятели «Корреспондентских обществ» были арестованы по обвинению в государственной измене. Четырьмя днями позже — 16 мая 1794 г. — Питт внес в парламент билль о приостановке Habeas Corpus Act'a — законов о неприкосновенности личности. Билль был принят почти единогласно и 22 мая получил силу закона. В стране воцарился режим почти неограниченной военно-полицейской диктатуры. Интересны мотивы, которыми глава министерства оправдывал в палате общин необходимость этой временной отмены действующего законодательства. «В стране, — говорил он, — все больше распространяется опасный заговор с целью уничтожить конституцию и поставить на ее место теорию прав человека. Правительство, закон, собственность, религия и все другие учреждения, дорогие британцам, находятся в опасности и могут быть сметены так, как это уже произошло во Франции. Но самое опасное из всех сообществ — это «Лондонское корреспондентское общество». Хотя члены его во всех отношениях достойны презрения, так как они не отличаются ни талантом, ни образованием, ни влиянием, тем не менее они заслуживают внимания парламента ввиду их целей и мотивов. Их движущим принципом является принцип якобинцев — любовь к грабежу и разбойничеству, присваивающая себе ныне пресловутый титул свободы, склонность к резне и междоусобице... «Лондонское корреспондентское общество» имеет еще ту особенность, что состоит из низших слоев нации; оно обладает поэтому возможностью безгранично расширяться... Из представленных вам документов палата усматривает, что «Лондонское корреспондентское общество» дошло до величайшей дерзости. Оно призвало к жизни корпорацию, которая должна следить за действиями парламента. Оно про-

никнуто духом якобинства и ставит себе конечной целью уничтожение богатых».

28 октября 1794 г. начался суд над генеральным секретарем «Лондонского корреспондентского общества» Томасом Гарди. В обвинительном акте говорилось, что он, «не имея страха божия, но движимый и побуждаемый дьявольскими внушениями, как изменник, намеревался возбудить и поднять мятеж и восстание против нашего государя-короля и ниспровергнуть и изменить законодательную власть и правительство, в настоящее время должным образом и к общему благу установленное, низложить короля и лишить жизни и т. д.». Защиту вел знаменитый адвокат Эрскин. Многие видные деятели либеральной партии, среди них Шеридан, испуганные круглыми мерами правительства «Питта-войны», открыто выражали свои симпатии подсудимому. После блестящей речи на суде Томас Гарди был оправдан. Огромные толпы ждали приговора и восторженно приветствовали оправданного Гарди. Реакция не посмела загнать Гарди на каторгу. Вместе с ним были оправданы Горн Тук, Тельволл и Рихтер.

Оправдание Гарди 5 ноября 1794 г. стало ежегодным праздником лондонских рабочих и демократов вплоть до 1842 г. Вместе с Гарди был оправдан и Тельволл, не произнесший подготовленной им судебной речи. Эту речь он издал брошюрой под названием «Естественные и конституционные права». Эта брошюра ярко выражает социально-экономические и политические воззрения рабочих — членов корреспондентских обществ и дает довольно отчетливую картину классовых отношений в тогдашней Англии. Вот что писал Тельволл:

«Справедливость требует, чтобы каждый человек пользовался всеми преимуществами своих способностей. . . Пока парламентское правительство ограничено, до тех пор немногие будут пользоваться привилегиями, а масса будет угнетена. . . Почему скупщики, купцы, оптовые торговцы и богатые фабриканты безнаказанно вступают в соглашения между собою, все монополизируют, устанавливая по своему произволу цены, в то время как промышленных и сельскохозяйственных рабочих третируют как преступников, если они организуются для поддержания ценности своего труда? Почему торговля и промышленность, столь значительно поднявшие богатство, удобство и роскошь высших сословий, повергли в еще более глубокую нищету трудящихся бедняков? Почему сельских рабочих отрывают от плуга, почему мануфактурных рабочих отрывают от ткацкого станка, чтобы они истекали кровью на чужбине, на полях сражений, а в это самое время богатые, утопающие в роскоши, наслаждаются у себя дома? Почему бедным достаются раны, а богатым — лавры победы?»

Почему? Потому что только богатые представлены в парламенте, и по этой причине только их интересы охраняются. Если бы бедные имели возможность раз в год влиять своими голосами на состав парламента, то законодательство не относилось бы к ним с полным невниманием. Но нам говорят, что только собственность имеет право на парламентское представительство, что только в собственности правительство находит поддержку. Как? Быть может, собственность снабжает флот экипажем и армию храбрыми воинами? Не будем обманываться. Собственность — не более как человеческий труд. Самый ценный из всех видов собственности — это пот с лица бедняков. Он-то и представляет собою собственность, являющуюся источником всякой другой собственности, и без нее великие мира сего умерли бы с голоду среди всех своих сокровищ. Неужели же обладателям этой неоценимой собственности надо отказать в праве на парламентское представительство, на том основании, что им будто бы нечего защищать? Неужели те, которые производят все необходимое для нашего существования и проливают кровь для безопасности страны, ничего не должны значить на весах человечества только потому, что они производят все блага и что они проливают свою кровь? Нет, фундамент государственной жизни составляет человек, а не собственность... Пока только немногие имеют право голоса, до тех пор только немногие свободны, а все прочие состоят из илотов, крепостных и рабов».

Эта брошюра показывает, что передовые рабочие, борясь против «продажного парламента», за реформу парламентского представительства, — боролись в сущности за ломку старого государственного строя как строя, основанного на буржуазных отношениях. Но Тельволл не был коммунистом. В речи, произнесенной им в октябре 1795 г., он заявил, что время, когда люди созреют для общности имуществ, еще далеко. Но он не ограничивался, как видим, одной только борьбой за избирательную реформу. За политической реформой он провидел уже и реформу социальную, улучшение положения трудящихся масс, ограничение произвола капиталистов.

Между тем расправа продолжалась. 3 сентября 1793 г. в Шотландии судили Роберта Уайта и Давида Доуна. Первый оказался шпионом-provokатором. У него на квартире были найдены пики. Доун был помилован. Уайт же был повешен (за то, что *не донес о пиках*). 25 июля судился В. Винтерботсам, помощник проповедника в Плимуте. Обвиняемый восхвалял французскую революцию, заявляя, что «конституция 1688 г. вышла из употребления». Подсудимый был признан виновным и приговорен к 4 годам тюремного заключения и к 200 фунт. стерлингов штрафа. В апреле 1794 г. судили То-

маса Валькера, купца из Манчестера, Джорджа Мак-Куллета, купца из того же города, Джона Смита, рабочего из Манчестера, Самуэля Джексона, ремесленника, Джемса Читамма из Сальфорда, мелкого торговца, Оливера Пирсоля, рабочего из Манчестера, Бенджамена Бутса, рабочего из Манчестера, Генри Йорка, рабочего из Манчестера, Джозефа Келлера и ряд других по обвинению «в заговоре с целью свержения конституции и правительства и оказания помощи Франции, являющейся врагом короля». Валькер был председателем Манчестерского «Общества реформы», которое занималось чтением и обсуждением сочинений Томаса Пэна. В виду явной недоказанности обвинения Валькер и рабочий Пауль, просидевший уже несколько месяцев в тюрьме, были оправданы. Оправданы были также Джексон, Дж. Читамм и Оливер Пирсоль. Генри Йорк и типограф Гельс были осуждены. Бутсу было отказано в освобождении под залог, он был осужден, но затем амнистирован. Отчеты обо всех этих судебных процессах печатались и широко распространялись в качестве революционно-пропагандистской литературы. В этом отношении особенно характерны отчеты о судебных процессах Томаса Мюна, Пальмера, Мауриса Маргарота, Томаса Гарди и Горна Тука. Они громят «Питта-войну», они борются до конца и мужественно агитируют за свои политические принципы.

Колоссальные митинги и демонстрации, организованные «Корреспондентскими обществами» в десятках городов Англии против разгона Конвента и осуждения его вождей, собирали иногда до 150 тысяч человек. Присутствовали преимущественно рабочие и ремесленники — ткачи, рудокопы, металлисты и др.

7 апреля 1794 г. по предложению упомянутого выше Генри Йорка, рабочие Шеффилда приняли характерную резолюцию, свидетельствующую о перемене тактики «Лондонского корреспондентского общества». «Убежденное в истине сказанного (Г. Йорком — Г. В.) собрание полагает, что народ должен *требовать* всеобщего представительства, как права, а не просить его как милости. Поэтому мы не будем более подавать об этом петиций палате обшин».

29 июня 1795 г. состоялся новый митинг в защиту борьбы за парламентскую реформу. «Лондонское корреспондентское общество» выпускает пламенное воззвание к народу:

«По прошествии более чем двенадцатимесячного промежутка времени, протекшего спели ужаснейших волнений и тревог. «Лондонское корреспондентское общество», верное своим принципам и первоначально поставленным задачам, снова заявляет о себе. Прошло уже около четырех лет, с тех

пор как мы впервые обратили ваше внимание на то, что совершается в стране, на ее положение. Если уже тогда чувствовалась необходимость объединения, то это стало еще более необходимо в настоящее время. Мы считали своим долгом объединиться для того, чтобы сообща заявлять о наших невзгодах. Неужели же теперь, когда эти невзгоды удесятерились, мы будем молчать и откажемся от своих целей? Время ли теперь отказываться от дальнейших действий и отступать от своих принципов? Конечно нет! В обществе пробудилось наконец сознание своего положения, оно видит ужасную пропасть, над которой оно стоит. Общество поощряет нас в нашей полезной и доблестной деятельности и обещает содействовать нашим стараниям. Да, британцы, вы начинаете пользоваться благами мышления, и за этим подъемом умственной деятельности в скором времени последует принятие определенного решения. Вы не согласитесь спокойно смотреть на то, как опустошают вашу родную страну для удовлетворения надменных вожделений бесстыдной администрации. Вы не будете впредь допускать, чтобы ваших сограждан насильственно отрывали от их мирных занятий и посылали воевать против свободы человечества. Прочь холодные расчеты самосохранения и осторожности! Прочь все полумеры и неуместные страхи! Все честные люди должны теперь высказаться, — время и страна требуют этого. Разве мы не люди и разве мы станем молчать? Разве мы не британцы, и разве свобода не есть наше прирожденное право? Никакая земная сила не может заставить молчать голос оскорбленного народа или приостановить развитие свободной мысли. Вынимайте же ваши бичи и орудия пытки, слуги мести! Выставляйте ваши эшафоты и ваших палачей! Стройте казармы и крепости на каждой улице и на каждом перекрестке. Преследуйте и наказывайте всякого невинного жителя, — победа все же будет не на вашей стороне. Голос разума, как рев Немейского льва, будет раздаваться даже из каменных пещер. Святая кровь патриотизма, которая льется из-под топора палачей, напоит землю и оплодотворит семена свободы; люди могут погибнуть, но истина будет жить вечно. . . Умоляем вас, не впадайте в роковую ошибку, которая так часто обманывала наших предков, и не возлагайте ожиданий на обманчивый фантом — на смену министров. *С такою* палатой общин никакое министерство *не может* исполнить своего долга перед народом. Ваша *главная*, быть может, единственная ваша надежда заключается *в вас самих*. Заклинаем вас тою свободой, которую мы обожаем, тою конституцией которую мы чтим, теми общими интересами, которые мы имеем в преуспевании нашей страны, — соедините ваши усилия с нашими и всеми законными и кон-

ституционными способами постараемся обеспечить за великобританским народом его естественные и несомненные права — всеобщую подачу голосов и ежегодные парламенты».

Так отвечало «Лондонское корреспондентское общество» на режим разнузданной реакции. Влияние конституционных иллюзий было, как видим, еще очень сильно не только в массах, но даже среди авангарда демократии. Добавим, что в адресе королю «Лондонское корреспондентское общество» требовало реформы парламента, отставки министерства и прекращения войны против революционной Франции.

На грандиозном митинге 14 июля 1794 г. в Чокфарме, в трех милях от Лондона, присутствовали почти одни рабочие. Председательствовал парикмахер Дж. Ловетт. 26 октября 1795 г. под Лондоном около Ислингтона состоялся еще более грандиозный митинг. Здесь собралось до 150 000 человек. В новом воззвании «Лондонское корреспондентское общество» объявляет парламент «продажным, жестоким и ненасытным чудовищем». На митинге было вынесено решение о посылке во все главные города Англии депутатов, которые должны были разъяснить населению «необходимость его объединения в ассоциацию как единственный способ добиться парламентской реформы». Когда через три дня после этого митинга король ехал в парламент, огромные толпы народа встретили и проводили его криками: «Долой войну! Долой Питта! Мира! Мира! Избавление от голола!».

В воззвании, принятом на митинге 26 октября, социальные мотивы звучали довольно резко:

«Что это за жестокое и ненасытное чудовище, которое терзает и попирает нас? Почему, среди кажущегося благосостояния, обречены мы умирать голодною смертию? Почему, неустанно трудясь и работая, должны мы гибнуть от всевозможных бедствий и нищеты? Что это за страшный и глубоко проникающий яд, который отравляет все наше домашнее благополучие и разрушает наше общественное благоденствие? Это — *продажный парламент*, который, как пенящийся водоворот, поглощает плоды всех наших трудов и оставляет на нашу долю только осадок горечи и разочарования. Те, на обязанности которых лежит охранять интересы страны, оказались либо равнодушными к ее положению либо бессильными бороться против гнета этих нестерпимых бедствий. Но пусть они образумятся, пока есть время. Пусть они подумают о роковых последствиях, которые могут произойти. Мы — искренние друзья мира. Мы желаем только реформы, так как мы твердо и безусловно убеждены, что коренные преобразования парламента будут действительным средством для исправления зла; *но мы не можем ни отвечать за то, что может быть*

вызвано всесокрушающею силой необходимости, ни удержать порыв оскорбленных чувств. Если когда-либо британский народ потребует сильных и решительных мер, то мы смело ответим: мы обладаем только жизнью и готовы как каждый из нас в отдельности, так и все вместе отдать эту жизнь ради спасения нашей страны».

В адресе королю «Лондонское корреспондентское общество» пугало перспективой революции. «Внемлите же, государь, голосу истомленного и несчастного народа, бедствия которого так разнообразны, что они не поддаются описанию, так велики, что наводят ужас. *Подумайте о пропасти, которая лежит между мольбой и отчаянием*». И правительство и король очень хорошо понимали, что они стояли над пропастью, но они решили перескочить через нее с помощью осадного положения. Была издана новая королевская прокламация и принят новый билль о мятежных митингах и собраниях. Но «Корреспондентские общества» продолжали свою борьбу. В каждом городе, кроме митингов, происходили регулярные заседания, обсуждавшие адреса на имя Французского национального конвента, воззвания и декларации на имя парламента или короля. На этих же заседаниях происходили чтение и разбор памфлетов Пристли и Пэна. В Лондоне была организована политическая школа, которая в 1794 г. имела 430 платных слушателей, в 1795 г. — 520. Плата за посещение занятий взималась из расчета 6 пенсов за лекцию. Главным организатором этой школы и ее основным лектором был уже знакомый читателю Тельволл, радикал, примкнувший к рабочему движению. Он даже напечатал курс этих своих лекций. По отзыву позднейшего лидера радикалов, Фрэнсиса Плэса, Тельволл «разделял ходячие воззрения того времени и пропагандировал взгляд, что «все бедствия и несчастья происходят от плохого управления». В своей работе «Права природы» (1796) Тельволл ощупью подходил к смутному сознанию того, что капитализм сам создает себе своего могильщика — пролетариат. «Подобно всем болезням, не безусловно смертным, — писал он, — страшное скопление богатства в немногих руках скрывает в себе самое средство к исцелению. Все, что собирает людей на тесном пространстве, хотя бы оно создавало известные тяготы, благоприятствует, однако, распространению знаний и, в конце концов, также успехам человеческой свободы. Поэтому каждая крупная мастерская, каждая фабрика есть своего рода политический союз, которого никакой закон не может заставить замолчать и ни один судья не может распустить».

1795 г. был переломным годом в жизни «Корреспондентских обществ». Численность достигала в это время 80 000

членов — цифры весьма значительной. Билль о мятежных митингах и собраниях принудил однако «Корреспондентские общества» изменить свою организационную форму и тактику. Они распадаются теперь на отдельные, формально независимые друг от друга группы и уходят в полуподполье, а местами превращаются в настоящие заговорщицкие организации. В том же 1795 г. члены «Корреспондентских обществ» начинают осознавать необходимость привлечения солдат, милиции и флота на сторону революционного движения. Они усиливают свою агитацию и пропаганду, выпускают большое количество прокламаций, листовок, памфлетов, на митингах и собраниях ведут неустанную агитацию за переход армии и флота на сторону демократов, призывают солдат и матросов бороться вместе с народом против войны с революционной Францией. Десятки, а то и сотни членов «Корреспондентских обществ» будут расстреляны, повешены, наказаны плетью, сосланы на каторгу за участие в голодных бунтах, в заговорах, в вооруженных выступлениях, происходивших то там, то сям. Среди секретарей «Лондонского корреспондентского общества» находим шорника Томаса Эванса, ярого спенсианца. Среди членов корреспондентских обществ встречались не только простые солдаты и матросы, но иногда и отдельные офицеры, перешедшие на сторону революционеров, как например полковник Деспард, казненный в 1803 г. по обвинению в заговоре «против парламента, короля и конституции». Массы народа, присутствовавшие при казни Деспарда, отнеслись к нему с глубоким уважением. Из рядов «Корреспондентских обществ» вышли и отдельные руководители восстания во флоте, вспыхнувшего в 1797 г. В период луддитского движения 1809 — 1813 гг. многие рабочие терроризовали хозяев упоминанием о «Корреспондентских обществах». В 1797 г. за прокламацию против войны был казнен один из активнейших участников движения, демократ Фуллер. Прокламация эта содержала прямой призыв к армии переходить на сторону революционного народа. Вот ее полный текст:

«Братья и сограждане! Мы, народ Великобритании, ваши друзья, ваши соотечественники, ваши товарищи по несчастью, просим вас отложить на несколько минут в сторону свои штыки и ружья и почувствовать себя людьми. Вложите в ножны мечи убийства. Перестаньте быть убийцами своих ближних. Мы просим вас смотреть на нас как на друзей и внимательно прислушаться к тому, что мы говорим. Наша страна истекает кровью. Народ погружается в нищету. Власть имущие, пользуясь вашими услугами, безжалостно угнетают нас. Послушайте, вы страдаете так же, как и народ, все мы находимся в бедственном положении. Зачем же нам еще усиливать свое

общее несчастье рознью и враждой в собственных рядах? Зачем нам взаимно терзать друг друга, когда все мы страдаем от одной и той же жестокости и принадлежим к одной и той же стране, к одному и тому же народу? Подадим друг другу руки как друзья, и из этой дружбы родится свобода, которая вернет солдату его домашний очаг и семью, займет для него место казармы и тирании. Приближается час свободы. На развалинах тирании разум воздвигнет дворец счастья для всех наций. Объединитесь с угнетенными против угнетателей и ускорьте шествие свободы... Помните, что убийство остается убийством и в том случае, когда вы стреляете по приказанию тиранов. Вы не можете уклониться от суда общественной справедливости. Поэтому мы просим вас бросить ремесло убийц. Пусть солдаты защищают права граждан, и мы возьмем вас под защиту против обид, которые вы терпите от своих начальников. Если в вас сохранилось чувство самоуважения, сделайте свои ружья средством социального мира и мечи свои — защитниками свободы вашей страны. Мы братски приветствуем вас. Будьте едины, тверды и свободны».

Мысль о революционном перевороте при поддержке армии довольно четко выступает в этой прокламации Фуллера. Несомненно, что в ряде мест рабочие и ремесленники стихийно запасались оружием и тайком, за городом, в лесу, на лужайках, обучались военному делу. Шла заготовка пик. Ясно, что не обошлось и без провокаторов, намеренно подстрекавших к насильственным действиям.

Все силы консервативной Англии были мобилизованы для разгрома нараставшего в стране революционного подъема. В 1798 г. был арестован весь президиум «Лондонского корреспондентского общества», — правительство продержало его три года в тюрьме без всякого суда. Питту в его борьбе против революционного движения усердно помогали добровольные организации крупной буржуазии, вроде «Общества для защиты свободы и собственности». С другой стороны, левые виги отказались от блока с революционной демократией, испугавшись призрака якобинства. Либерально-буржуазная оппозиция капитулировала перед правительством земельной и денежной аристократии, с которым ее (оппозицию) связывала общность многих интересов, в частности, общая заинтересованность в войне против грозного врага — Франции.

К 1798 г. революционно-демократическое движение рабочих, ремесленников и мелкой буржуазии было окончательно разгромлено.

Основная причина поражения революционно-демократического движения в Англии в 1792—1797 гг. кроется в том, что к этому времени она, выражаясь словами В. И. Ленина, по-

дошла к «обычному взаимоотношению феодала и буржуа, посколькx в основе политических группировок уже лежали чисто капиталистические отношения». «Английская буржуазия еще в XVII в. расправилась с неограниченной монархией довольно демократическим способом» (Ленин). Промышленный переворот совершался беспрепятственно. Поэтому в Англии конца XVIII в. не было условий, которые революционизировали бы буржуазию и толкали бы ее на решительную борьбу с королевской властью и крупным землевладением. Лэндлордизм не только не был уничтожен, но еще усилился, благодаря завершению аграрного переворота. Погибающему крестьянству и всем тем, кто шел на борьбу с лэндлордизмом, предстояло бороться уже не в условиях феодального господства, а в условиях побеждающего капитализма. Буржуазия не была заинтересована в победе демократической революции, пролетариат был еще слишком слаб и незрел, чтобы стать во главе таковой. Уцелевшие крестьяне принадлежали — в основном — к зажиточным слоям и весьма мало напоминали обнищавшее, задавленное феодальными повинностями сельское население предреволюционной Франции. Сельскохозяйственные рабочие были слишком растылены, а потому не представляли серьезной силы. Таким образом анализ положения различных классов английского общества показывает, что в конце XVIII в. в Англии не было достаточных предпосылок для победоносной народной революции.

Кроме этих общих социально-экономических условий, обусловивших поражение революционного движения 1792—1797 гг., надо отметить характерное для вождей английских «Корреспондентских обществ» отсутствие сколько-нибудь четко разработанной стратегии и тактики демократической революции. Они находились под сильнейшим влиянием конституционных иллюзий и упорно держались *легальных методов борьбы*, ограничивая свою тактику почти исключительно только петиционной и митинговой кампанией. Восстания вспыхивали стихийно, но это были все же только местные восстания, не руководимые демократической партией как таковой. Героизма рабочих и ремесленников, городской и сельской бедноты оказалось недостаточно для превращения политического кризиса в революционную ситуацию. Вожди политического движения пролетариата и мелкой буржуазии 1815—1832 гг., а затем вожди чартизма, повторяют ошибки, допущенные «демократической партией» 90-х гг. XVIII в. Они будут угрожать и устрашать правительство революцией, вместо того чтобы организовывать ее и руководить стихийным подъемом народных масс. Трудящимся массам Англии придется дорого расплачиваться за веру в конституционализм и

парламентаризм, за преклонение перед легализмом. Томасу Гарди не удалось претворить в жизнь свою мысль о том, что «если парламент не выражает воли народа, то наш долг не философствовать, а действовать». К сожалению, вожди революционной демократии в Англии конца XVIII и начала XIX в. слишком много «философствовали» (митинговали) и слишком мало действовали (организовывали).

* * *

В статье, относящейся к сентябрю 1844 г., Энгельс, говоря об Англии XVIII в., писал:

«Одновременно с промышленным переворотом возникла демократическая партия. В 1769 г. Джон Горн Тук основал «Общество билля о правах», в котором впервые со времен республики опять дискутировались демократические принципы. Как во Франции, все демократы были философски образованные люди, но скоро они увидели, что высшие и средние классы относятся к ним враждебно и только рабочий класс прислушивается к их принципам. Скоро они образовали в этой среде партию, и эта партия была уже в 1794 году довольно сильна, хотя еще не настолько сильна, чтобы действовать методически. С 1797 до 1816 г. о ней не говорили; в бурные годы с 1816 до 1832 г. она была опять очень деятельна, потом вновь впала в бездействие до июльской революции. С того времени она сохранила свое значение рядом со старыми партиями и правильно прогрессирует, как мы это увидим позже».

В другой работе, написанной в том же 1844 г. («Положение рабочего класса в Англии»), Энгельс следующим образом формулировал преемственную связь между демократическим движением в Англии в эпоху «Корреспондентских обществ» и позднейшим чартизмом: «Чартизм есть детище *демократической партии*, разившейся с 80-х годов XVIII столетия *одновременно с пролетариатом и внутри его*. Во время Французской революции она усилилась и после мира выступила как партия радикальная. Главным ее центром были тогда Бирмингем и Манчестер, а раньше — Лондон. В союзе с либеральной буржуазией она вырвала у олигархов старого парламента билль о реформе (1832 г. — *Г. Б.*) и с тех пор (курсив мой — *Г. Б.*) стала все более выступать, как партия рабочая, действовавшая уже против буржуазии».

В этих словах ясно подчеркнута и то, что *сближает* «Корреспондентские общества» с чартистской партией, и то, что их *отличает* от нее. Об этой внутренней связи между обоими движениями, конца XVIII в. и 30—40-х гг. XIX в., говорил и Маркс. «Я знаю — говорил он в 1856 г. на юбилее «Народной

Газеты» — героическую борьбу английских рабочих, начатую еще в середине прошлого столетия, не окруженную нимбом славы, ибо буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали».

Вслед за Марксом и Энгельсом, Ленин высоко оценивал рабочее движение в Англии в революционную эпоху конца XVIII в. В статье «Третий Интернационал и его место в истории» (1919), давая обзор истории международного рабочего движения, Ленин писал: «Когда Франция прodelьвала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к исторически новой жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контрреволюционной коалиции, будучи в то время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. *А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма*» (курсив мой — Г. Б.).

История революционно-демократического движения 1792—1797 гг., возглавленного «Корреспондентскими обществами», дает нам ключ к пониманию последующей эпохи, эпохи 1810—1832 гг., служащей *преддверием чартизма*, развернувшегося уже на более высокой ступени развития. Рабочий класс проходил суровую школу экономической и политической борьбы. Из класса в себе он постепенно складывался в класс для себя. Участник общедемократического движения — он становился его руководящей силой и готовился к дальнейшей борьбе, к борьбе за власть.

Глава пятая

СТАЧКИ И РАЗРУШЕНИЯ МАШИН

с 1765 по 1830 гг.

I. УГЛЕКОПЫ НА ТАЙНЕ И УИРЕ

История промышленного переворота достаточно освещена в исторической литературе. Наша задача показать оборотную, социальную, сторону этого переворота.

Без угля была немыслима промышленная монополия Англии. Неудивительно, что движение углекопов в истории английского рабочего класса играло и играет огромную роль. Забастовочное движение среди углекопов начинается с 1765 г. В 1764 г. собственники шахт в Ньюкэстле заключили между собою соглашение о том, чтобы не принимать ни одного углекопа без удостоверения от прежнего хозяина. Это соглашение было равносильно установлению фабричного рабства и вело к снижению заработной платы. 25 августа 1765 г. рабочие забастовали. Они считали этот день днем окончания срока договора, в то время как шахтовладельцы отодвигали этот срок до 11 ноября. Забастовка сопровождалась актами луддизма. 13 сентября 1765 г. стачечники на шахтах сэра Ральфа Мильбанка разбили шахтовые машины. Они это сделали не потому, что видели в машинах конкурентов, а для того, чтобы не допустить штрейкбрехерства. Три полка драгун были присланы для охраны этого угольного района. Какой остроты достигала борьба, видно из того, что в Фатфильде один шахтовладелец вынужден был в течение двух недель день и ночь держать в своем доме солдат. Интересно отметить, что хозяева не решались возбудить судебное преследование против забастовщиков, так как все шахтеры в количестве 400 человек действовали сообща. На лживые утверждения хозяев относительно сроков найма стачечники ответили декларацией, показываю-

щей, что они имели для своего времени довольно ясное представление о классовых противоречиях.

Вот текст этой декларации: «В связи со скандальными ложными сообщениями, еще продолжающими широко распространяться в стране по адресу шахтеров в графствах Дэргэм и Нортумберлэнд, покинувших своих прежних предпринимателей раньше установленного срока, данное извещение отмечает, что большинство шахтеров вышеназванных графств Дэргэм и Нортумберлэнд были обязаны концом августа, а остальные началом сентября 1764 г., которое они полагали должным сроком своей службы. Но благородные джентльмены угольной промышленности не захотели отпустить их на свободу до 11 ноября 1765 г.¹ Вместо 11 месяцев и 15 дней должного срока, хозяева продлили его до 14 месяцев. Поэтому шахтеры предоставляют строгой критике судить, были они правы или неправы. Они того мнения, что они свободны от какой бы то ни было обязанности, которая могла бы их связать. Появившееся в газетах на прошлой неделе объявление запрещает кому бы то ни было нанимать шахтера для домашних работ. Согласно этому объявлению те, кто был его автором, предполагали, видимо, под угрозой расчета свергнуть индустриальных бедняков вышеназванных графств в величайшую нужду. Все необходимое для жизни продается по таким высоким ценам, что невозможно прокормить свои семейства без применения иных, незаконных средств. Благородные джентльмены также согласились и подписали документ не нанимать никого из шахтеров, служившего в какой-либо другой шахте годом раньше, что приводит этих шахтеров к еще более великим страданиям и притеснениям, так как они будут обязаны служить в той же шахте пожизненно. Они предполагают изменить характер этого королевства, когда-то бывшего свободной нацией. Шахтеры не намерены работать или служить кому-либо из названных джентльменов в какой бы то ни было из их шахт до тех пор, пока они не будут вполне удовлетворены тем, что названный документ будет уничтожен и новые сроки не будут введены в следующем году».

Таким языком говорили шахтеры 1765 г.

Борьба углекопов с шахтовладельцами затягивалась. Лондон терпел нехватку угля. Многие лондонские газеты выражали свои симпатии стачечникам. 4 октября стачка окончилась. Судя по тому, что углекопы спустились в шахты с «великим воодушевлением», можно предположить, что они эту стачку выиграли. Вплоть до 1785 г. мир в шахтах серье-

¹ В Шотландии вплоть до 1787 г. рабочие соляных присков и угольных шахт фактически были еще по укрепостными и вместе с землей переходили от старого владельца к новому.

но не нарушался. Несмотря на то, что добыча угля за 20 лет, протекших со времени этой стачки, значительно возросла, положение рабочих оставалось крайне тяжелым. В 1785 г. мировые судьи и «почтенные жители» Зундерлэнда просили правительство о присылке в район значительных воинских сил, мотивируя свою просьбу недовольством и брожением среди шахтеров.

В октябре 1810 г. люди, «называемые шахтерами», вновь забастовали на Тайне и Уире против условий старого соглашения. Забастовка носила столь бурный характер, что все тюрьмы были переполнены бастующими. Епископ Дэргэмский, видимо из «христианского сострадания», предоставил свои конюшни для помещения арестованных стачечников. Арест рабочих не сломил забастовки. Приходскому судье, священнику Несфильду, ректору Броунсерту и командующему милицией капитану Дэвис пришлось вступить в переговоры с арестованными лидерами стачки. Арестованные отказались однако вести переговоры и наметать условия соглашения, «предоставив это своим товарищам на свободе». Властям пришлось освободить арестованных. Рабочие вернулись в шахты после заверения приходского судьи, что их положение будет улучшено и сроки соглашения будут пересмотрены. Выпущенные на свободу из епископских конюшен 159 рабочих выразили в местных газетах свою благодарность жителям Дэргэма, солдатам, их охранявшим, и посредникам. Добившись возвращения забастовщиков на работу, шахтовладельцы не склонны были к уступкам; они согласились только на то, чтобы считать днем срока найма 5 апреля.

Медленно переходили угольщики от экономической борьбы к борьбе за политические права. В 1817 г. им удалось добиться законодательного запрещения выплачивать заработную плату продуктами. 1819-й год был годом концентрации пролетариата в угольной промышленности. В это время на Тайне и Уире было занято 15 400 угольщиков, из них более половины на Тайне. К моменту нового массового движения, накануне избирательной реформы, в 1831 г. угольщиков уже насчитывалось от 30 до 40 тысяч. Общее поражение рабочего движения 1810—1819 гг. не прошло бесследно для угольщиков. 26 февраля 1831 г. 10 000 угольщиков собрались около Честерли-Стрит, решившись добиться изменения своего положения. 26 марта на городской пустоши Ньюкэстля состоялся уже 20 000-ый митинг угольщиков, наметивший линию дальнейшего поведения. Среди других вопросов была осуждена система «томми-тупенс» (недоплата зарплаты, выдача «талонов»). Лорд-майору Ньюкэстля, предложившему свое посредничество, участники митинга послали письмо с детальным описанием положения

углекопов. Шахтовладельцы заставляли их работать 18 дней в месяц за 56 шиллингов или по 2 шилл. 6 п. в день. Рабочий день доходил иногда до 17 часов, даже для мальчиков у кранов. Рабочие жаловались на казарменный характер домов при угольных шахтах, на чрезвычайную скученность обитателей, на то, что при увольнении даже семейных рабочих их немедленно выкидывают со всей их обстановкой из помещения. Рабочие требовали прекращения выселения семейных без судебного решения. Они требовали также смягчения системы штрафов. Рабочие требовали защиты от обмана со стороны предпринимателей, в особенности в отношении вагонеток с фальшивым дном, т. е. защиты от обвешивания.

Шахтовладельцы отказались от выполнения требований углекопов. Рабочие вначале не угрожали стачкой, а предполагали послать двух делегатов в Лондон с петицией в парламент, но потом согласились на посредничество лорд-майора Ньюкэстля. На отказ шахтовладельцев удовлетворить их требования рабочие говорили: «Разве не разумно просить об обеспечении работой на 11 дней в две недели и об оплате по 3 шиллинга в день?» Основные требования углекопов сводились: 1) к установлению минимума заработной платы в 33 шиллинга за две недели и 2) к отмене особо злостных штрафов. Забастовка вспыхнула, она растянулась на несколько недель. Лорд и лэди Лондондерри, владельцы ряда шахт на Тайне, предлагали своим шахтерам 30 шиллингов за двухнедельник. Что касается штрафов, то хозяева просили оставить их на усмотрение агентов компании. На основе этого предложения Лондондерри состоялось соглашение обеих сторон. В процессе стачки выявилось влияние тредьюниона углекопов. К концу мая и другие владельцы шахт начали вести сепаратные переговоры с рабочими. К 31 мая забастовка, в которой участвовало 17 000 шахтеров, окончилась. Она окончилась победой рабочих, о которой газета «Таймс Меркури» высказывалась следующим образом: «Хотя и верно, что владельцы каждой шахты предложили лучшие условия, какие только они могли предложить в интересах собственного дела, но вполне ясно, что в борьбе слуги восторжествовали над своими хозяевами». В результате стачки углекопы добились 12-часового рабочего дня для подростков и для слабосильных, повышения минимума заработной платы мужчинам на 1 шиллинг в неделю и обеспечили себя от системы обманов и обвесов.

Несколько месяцев в угольной промышленности Тайна и Уира господствовал мир. Лидером описанной выше борьбы был Герборн, организатор тредьюниона углекопов, шахтер с Геттоневской шахты, до конца августа 1831 г. бывший плат-

ным организатором союза. Герборн стоял за умеренность. Впоследствии он стал предтечей «лейблибсов» («рабочих-либералов») и принял участие в агитации за реформу. В общем стачка прошла организованно, — только в Блитсе, Бедлингтоне и в Джесмонд-Деже несколько машин были разбиты и для охраны этих шахт от «чернокожих» (т. е. от углекопов) были вызваны солдаты.

Ободренные только-что одержанной победой шахтеры собрались на митинг в количестве 10—12 тыс. человек в Больдон-Фелле, решив послать верноподданнический адрес королю с благодарностью за угольный билль. Другой благодарственный адрес был подан министру лорду Мельбурну. Билль, завоеванный углекопами в результате стачки, запрещал продавать уголь по объему, а не по весу (шахтовладельцы посредством фальшивого дна в корзинках обманывали и рабочих, и потребителей, и казну).

После окончания стачки союз шахтеров выдвинул требование повышения заработной платы для каменотесов. Разразившаяся осенью 1831 г. холера опустошила фонды тредьюниона, вынужденного помогать своим больным членам. Надвигавшаяся борьба застигла поэтому союз истощенным в финансовом отношении. Из-за замены углекопов — членов тредьюниона неорганизованными рабочими свинцовых рудников в марте 1832 г. вспыхнула стачка, сразу принявшая острый характер. Шахтовладельцы явно спровоцировали стачку, чтобы сломить тредьюнион. С помощью войск они выбросили рабочих из помещений и заняли их жилища.

Предприниматели на стачку ответили локаутом, заявив, что они будут принимать на работу рабочих лишь при условии их выхода из юниона. Таким образом, начатая 5 апреля 1832 г. стачка 800 шахтеров превратилась в политическую стачку за свободу союзов. Жены бастующих рабочих бросали камни в штрейкбрехеров и оскорбляли тех, кто шел занимать жилые помещения локаутированных юнионистов. Правительство спровоцировало беспорядки и под этим предлогом арестовало вождей юниона. Два пьяных рабочих на-смерть избили 70-летнего судью. Одного из этих рабочих повесили, а тело его выставили для устрашения, но оно было украдено рабочими. Герборн 16 июня призывал забастовщиков продержаться десять недель до начала уборки урожая, когда лишние рабочие руки будут заняты, и шахтеры, без сомнения, победят. Август был месяцем дезорганизации. Рабочие стали отказываться платить в забастовочный фонд. 1 сентября юнион начал нащупывать почву для компромисса с шахтовладельцами, но безуспешно. Юнион был сломлен и 20 сентября распущен. Сам Герборн был вынужден дать слово, что он ничего общего

не будет иметь с юнионом — и поступил на одну из шахт. Герборн сказал пророческие слова: «Если мы и не успели, все же, в конце концов, мы, как часть углекопов, были в состоянии вынести перед обществом наши страдания. Настанет время, когда золотая цепь, связывающая тиранов между собою, будет расколота, когда люди будут надлежаще организованы, когда шахтовладельцы будут как обыкновенные люди и будут вздыхать о прошлых днях. Это требует времени. Чтобы это пришло, требуется только время». В чартизме углекопы играли, как известно, огромную роль. Классовая борьба углекопов пошла им на пользу. Они станут главным оплотом чартистской партии.

Экономические стачки со слабыми проявлениями фабричного террора привели углекопов к сознанию необходимости классовой политической борьбы. Чартизм мог возникнуть не на первом этапе промышленного переворота, а на втором. Он мог возникнуть лишь после той суровой школы классовой борьбы, которую прошел пролетариат между 1760 и 1836 гг. Страница из истории этой борьбы углекопов является тому доказательством.

II. РАБОЧИЕ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

На развитии хлопчатобумажной промышленности легче всего проследить быстрый рост английского капитализма. Острота конфликта между побеждающей фабрикой и жестоко эксплуатируемым ремесленником-ткачем особенно резко проявлялась в этой отрасли текстильной промышленности. В 1764 г. импорт хлопка в Великобританию составлял сравнительно ничтожную сумму — 3 870 392 фунта, а в 1833 г. уже 303 726 199 фунтов. В 1774 г. в Манчестере и его окрестностях было занято 30 000 хлопчатобумажных ткачей, в 1787 — 162 000 человек, в 1831 — 833 000.

И здесь разрушение машин имело место еще задолго до массового луддизма 1809—1813 гг., луддизма в собственном смысле этого слова. В октябре 1776 г. в Ланкашире, в Биркакре, около Чирли, толпа, состоявшая преимущественно не из фабричных рабочих, а из собственников или арендаторов ручных станков, напала на фабрику знаменитого Аркрайта.

Мелкие мануфактуристы явно потворствовали погрому фабрики столь сильного конкурента. В том же 1776 г. толпы народа в Альтаме, Вигане, Болтоне, Блэкборне, Престоне, и Манчестере обходили ткацкие фабрики, ломая машины-

дженни и оставляя нетронутыми лишь те машины, которые могли быть установлены в Коттэдже, в мелкой мастерской.

В 1780 г. Аркрайт строит новые заведения, имея более 5 000 рабочих и располагая капиталом не менее 200 000 фунтов. Мелкие беспатентные фабриканты держали всего 30 000 рабочих, а общий капитал их составлял 30 000 ф. стерлингов. 1789—1798 гг. — это годы распространения паровых двигателей Уатта в Патллевике, Манчестере и Ольдгэме, резко ухудшающих положение ручных рабочих.

Последние жалуются на падение цены на труд и создают ассоциацию для взаимной защиты и достижения парламентской помощи. Одновременно они начинают собирать деньги в общий фонд. 13 мая 1799 г. в Болтоне собрался генеральный комитет хлопчато-бумажных ткачей под председательством Джона Седдона, при секретаре Джемсе Голкрофте. Комитет состоял из шести представителей от Болтона и его окрестностей, трех от Манчестера и Зальфорда, двух от Стокпорта, двух от Ольдгэма, двух от Вигэна; Уарингтон, Блэкборн, Чирли, Ньютон и Бюни были представлены двумя делегатами каждый; Уайтсфильд, Чоубент и Нью-Чалель — одним. Комитет выпустил следующий адрес:

«Существующий закон, который должен был бы защищать ткачей от принуждения, растоптан ногами. Нуждаясь в союзе между собою, они (ткачи — Г. Б.) пришли к решению поддерживать друг друга в своих справедливых и законных правах и обратиться к законодательной власти страны за таким регулированием, которое могло бы быть своевременно сделано на основе их мудрого решения, когда действительное положение хлопчатобумажной промышленности будет представлено им». Генеральный комитет ткачей говорил в своем адресе об общих интересах предпринимателей и рабочих, прося парламент об «искреннем обсуждении (их заявления — Г. Б.), ибо в то время, как заработок продолжает беспрерывно падать, все жизненные припасы возросли в цене». Генеральный комитет заявляет, что всякая мысль о революции бесконечно далека от ткачей. «А вы, наши враги, неужели вы не краснеете, читая об этих повторяющихся фактах! Великобритания держит в своих руках мировую торговлю, — и разве не позор, что ее сыновья должны быть так обмануты? Вы боитесь, что будем упрекать правительство... и вы употребляете коварные средства, чтобы заклеить нас именем якобинцев, вы распространяете слухи о заговорах, бунтах и т. п.»

Так открещивались вожди рабочих от революции. Они ограничивали задачу союза установлением минимума заработной

платы. Но голодающая масса текстильщиков была настроена иначе и распеваала популярную революционную песенку:

«Епископы, викарии и попы,
Парламент и короли —
Не только злом являются они,
Но и бесполезными вещами».

В 1807 г. движение среди ткачей вспыхивает с новой силой. 26 февраля около 130 000 ткачей Ланкашира, Чешира и Йорка подали петицию в парламент об установлении твердого минимума зарплаты, составлявшей в то время всего 6 шиллингов в неделю. Перед подачей петиции ткачи созвали 15-тысячный митинг, на котором решено было требовать 33½% прибавки к заработной плате. Не особенно доверяя парламенту, они дружно забастовали.

В Стокпорт, Рочдел, Вигэн и в другие пункты ткацкого района была выслана милиция. Чтобы не допустить штрейкбрехерства, забастовщики со всех станков снимали челноки. На этой почве в Рочделе произошел инцидент, закончившийся крупными столкновениями. Случилось так, что стачечники оставили без охраны два полных мешка челноков. Констебли не преминули захватить эти мешки и для сохранности отправили их... в тюрьму. Узнав об этом, стачечники бросились к тюрьме, требуя выдачи мешков с челноками. Получив отказ, они сожгли тюрьму.

В начале июня 1808 г. Манчестерский округ был охвачен новой забастовкой. 60 000 стажков стояли без работы. 350 хозяев еще в мае соглашались увеличить заработную плату на 20%. Отдельные лица из рабочих подписали соответствующее соглашение с предпринимателями. Узнав об этом, ткачи отвергли соглашение и стали настаивать на 33½% прибавке. Стачка перебросилась в Йоркшир. В Ланкашире к стачечникам присоединились прядильщики шерстяных фабрик. Не обошлось здесь и без продовольственных беспорядков. Отчет министерства внутренних дел не говорит о результатах забастовки. Видимо, дело кончилось в пользу рабочих, ибо до 1810 г. наступает временное успокоение. 1811 г. знаменуется новым подъемом рабочего движения. Экономическая борьба срастается с борьбой за парламентские реформы, с борьбой за политические права. 30 мая 1811 г. палате общин представляется петиция-монстр ткачей Манчестерского округа, к которой присоединяются ткачи от Болтона и текстильные рабочие Шотландии. Рабочие требуют парламентской реформы.

Еще в 1810 г. в Манчестерском округе ткачами-прядиль-

щиками создается «Всеобщий союз», руководимый генеральным конгрессом из 40—50 депутатов и проведший стачку 8 000—10 000 ткачей.

Стаечная волна всех отраслей текстильной промышленности не спадает в Манчестере, Стокпорте, Ланкашире и Йоркшире вплоть до 1818—1819 гг. Экономическое положение ткача характеризуется в эти годы непрерывным снижением заработной платы. С 1814 по 1817 год заработная плата понизилась с 3 пенсов до 2 пенсов на каждый фунт стерлингов. Нижеприводимая табличка бюджета прядильщика и ткача показывает, в каком нищенском положении находились рабочие хлопчатобумажной промышленности после окончания Наполеоновских войн. Заработок прядильщика в неделю — 2 фунта 3 шиллинга 4 пенса. Из них он платил трем мальчикам-помощникам 1 фунт 2 шиллинга (в неделю). Расход на свечи составлял 1 шиллинг 6 пенсов. Болезнь и другие необходимые расходы — 1 шиллинг 6 пенсов в неделю. Пропитание — 18 шиллингов 4 пенса. Такова была голодная зарплата прядильщиков. Еще хуже обстояло дело с ткачами. Многосемейный ткач, работая на четырех станках с женой и детьми, зарабатывал 9 шиллингов в неделю, а вместе с семьей 1 фунт 7 шиллингов. Расход же семьи составлял свыше 12 шиллингов. Остается 14 шиллингов 1 пенс на 8 человек на пищу, одежду и т. п.

Процесс механизации ткачества шел медленно и мучительно. Вот что писал по этому поводу Маркс в 13 главе I тома «Капитала»: «Когда машина постепенно овладевает известной сферой производства, она производит хроническую нищету в конкурирующих с нею слоях рабочих. Когда переход совершается быстро, ее действие носит массовый и острый характер. Всемирная история не знает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся наконец в 1838 г. гибель английских хлопчатобумажных ткачей».

Конкуренция механических станков неуклонно усиливала беспросветную нужду ручных ткачей. В апреле 1826 г. голодающее население прибегает к широкому фабричному террору. В три дня уничтожается 1000 новых механических станков, убытки достигали более 16 000 фунтов стерлингов. Движение в Блэкборне и Бэри стоит в связи с борьбой за отмену хлебных пошлин, обрекающих народ на голод в интересах помещиков, хлебных спекулянтов и владельцев мукомолен. Из 26 000 населения в Блэкборне 14 000 человек жили в это время за счет общественной помощи. 24 апреля 1826 г. толпы народа собрались в Генфильде. Все механические станки на фабриках вокруг Акюрингтона были разрушены.

После этого толпа двинулась на Блэкборн. В стычке с отрядом войск трое рабочих было убито и несколько тяжело ранено. На следующий день было произведено нападение на ткацкие станки в Хазмигдене. 26-го движение перебросилось к берегам реки Ирвелля, вниз к Бюри. Луддиты обошли фабрики в Раутенстолле, Лонг-Хольме, Эдинфильде, Чаддертоне, Соттерсите и всюду разрушали механические станки. В Чаддертоне в стычке с солдатами семь луддитов было убито и несколько ранено. 27 апреля в Манчестере, после ряда неудачных атак на хорошо защищенную фабрику Бивера на Джерси-Стрит, луддиты подожгли эту фабрику, не давая пожарным тушить огонь. Нападение на фабрику Бивера в Манчестере сопровождалось нападениями на лавки. 3 мая в том же Манчестере толпа атаковала фабрику Джонсона и Брука, но была отбита войсками. По делу о поджоге фабрики и разрушении машин судилось 76 человек. 10 человек были приговорены к казни, но затем сосланы на вечную каторгу в колонии, 33 человека осуждены к тюремному заключению сроком от 3 до 18 месяцев. На скамье подсудимых в подавляющем большинстве случаев оказываются не действительные участники движения, а лица, оговоренные лавочниками, фабрикантами и полицейскими.

Темные элементы пытались дезорганизовать движение. Действуя по указаниям полиции и предпринимателей, они срывали подготовлявшиеся организованные стачки организацией погромов фабрик. В январе 1829 г. в Стокпорте и Манчестере забастовали прядильщики. В Стокпорте стачка окончилась поражением. За это время прядильщики поставили вопрос о создании «Всеобщего союза всех отраслей труда». В Манчестере стачка началась в апреле. В мае забастовало уже четыре тысячи человек. То была стачка за право свободы союзов. После 27 недель борьбы манчестерским рабочим пришлось вернуться на работу и согласиться на пониженную заработную плату. Стачка была проиграна. Но забастовочное движение привело все-таки к созданию под руководством Догерти «Великого всеобщего союза всех отраслей прядильщиков в Соединенном Королевстве» (5 декабря 1829 г.). Этот союз стал исходным пунктом агитации Догерти за всеобщий союз различных профессий. В марте 1830 г. Догерти издает уже «Кооперативный журнал объединенных производств». 1830 год — год нового всеобщего революционного подъема в городе и в деревне, — был годом образования «Национальной ассоциации для защиты рабочих», а также годом целой серии крупнейших забастовок за право свободы тредьюнионов.

III. РАБОЧИЕ ШЕРСТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Промышленный переворот в шерстяной промышленности относится к 1776 г., когда в Шентон-на-Маллете введение машины «Дженни» привело к серьезным бунтам. Машинное производство распространялось все же крайне медленно. Изобретенный в 1733 году летающий челнок Кея был введен только в 1757 г. в некоторых местах Глочестершира и лишь в 1813 г. он получил там всеобщее применение. В 1801 г. были сделаны попытки применить челнок Кея в Соммерсете, но толпа бунтовщиков помешала этому. В 1822 г. новые попытки его введения снова привели к беспорядкам, и только увеличение заработной платы способствовало прекращению движения против челнока Кея. Норвич, центр старой ручной ткацкой промышленности, еще долго продолжал конкурировать с новыми промышленными центрами. Старые мануфактуристы довольно определенно сочувствовали ручным ткачам, боровшимся против введения машин. За спиной луддитов шла борьба старых мануфактуристов с конкуренцией новых фабрикантов. Новые центры шерстяной промышленности начали расти с середины XVIII в. в Вест-Райдинге и Йоркшире. Хотя Норвич после 1763 г. приходит понемногу в упадок, но еще в 1771 г. он имел 12 000 ручных станков и 72 000 ткачей в городе и окрестностях. В 1818 г. Норвич все еще имел 10 000 станков. Но Йоркшир успешно обгонял его и к 1838 г. в Норвиче остается всего лишь 5 000 станков, находящихся в действии.

Фабрики, расположенные вдоль рек, приносили относительное и условное благосостояние окружающим их деревням в смысле подсобного заработка. Промышленный переворот проходил крайне неравномерно и не одновременно. Этим объясняется раздробленность и локальный характер луддитского движения. В 1790 г. в Брэдфорде и Уильте вводится чесальная машина. Поджог фабрики вынуждает перевести ее в Мальмсбери.

В деле борьбы с машиной на подмогу ткачам приходили шахтеры. Конечно, не везде введение машин наткнулось на сопротивление со стороны рабочих. В Йоркшире, например, введение прялки «Дженни» в 1780 г. прошло безболезненно. Этот район, благодаря быстрому промышленному подъему, страдал от недостатка рабочих рук. Один из местных фабрикантов выписал из лондонских работных домов 500 детей. Ясно, что дети не могли быть опасными разрушителями машин. Очень медленно распространялась и мюльмашина. Первая шерстяная фабрика с водяными рамами была построена в 1784 г. в Ланкашире в Дольфинпальме, на реке

Уайр, но вначале успеха не имела. Применение водяных двигателей началось лишь в конце XVIII в. В районе Ланкашира в 1800 г. было всего лишь 10 фабрик, из них одна паровая фабрика, построенная в 1793 г. в Брэдфорде. Лэндлорды и мануфактуристы старого типа не везде стояли на стороне промышленного переворота и в значительной степени тормозили темпы индустриализации текстильной промышленности. В 1816 г. делаются попытки ввести «Дженни» в восточных графствах, но эти попытки вызвали волну беспорядков. В Норвиче лишь после 1832 г. были пущены две машины. В юго-восточных графствах еще долго держалось ручное ткачество.

В 1819 г. в Лидсе и Десбери ткачи бастуют шесть месяцев, но терпят поражение. В 1820 г. Десбери становится центром организации «Всеобщего союза прядильщиков и ткачей», насчитывающего 5 000 членов. Пролетариат спланивается для организованной классовой борьбы.

В 1825 г. в Строуде (Глoucestershire) вспыхивает стачка ткачей, затянувшаяся и перешедшая во всеобщую. Из солидарности с ткачами забастовали каменщики, плотники и строители. 20 января 1829 г. рабочий митинг в Строуде постановил организовать тайные общества и клубы. Революционный юнионизм навел страх на фабрикантов фланели. В 1819 г. они решили установить минимум заработной платы. Парламентский комитет по унификации законов был «скандализирован» таким поведением фабрикантов фланели.

Введение ворсальных машин в 1802 г., как и других машин, растянулось на период от 20 до 60 лет. Весной 1802 г. в городах Уарминстере и Брэдфорде стригальщики отказывались заканчивать работу после ворсальных машин. 21 июля 1802 г. в Литльтоне была сожжена валяльно-прядильная фабрика. Через несколько дней в Стигль-Аштоне была сожжена другая фабрика. Общий убыток от этих актов фабричного террора к концу июля был установлен в 8 000 фунтов стерлингов. Центром движения стригальщиков был Труубридж, где находился их «Комитет 13». Союз стригальщиков имел членские билеты, на которых значилось: *«Пусть Индустрия и Свобода объединят нас в Товарищество»*. Союз был настолько мощен, что ни один человек, не имеющий членского билета, не мог получить работы.

Такие же членские билеты были в употреблении и у иоркширских ворсальщиков. Насколько хорошо были организованы и спаяны стригальщики, видно из того, что лондонский судья не знал, где находится правление их тайного союза и предполагал, что он находится в Лидсе, а не в Труубридже. Руководящую роль среди стригальщиков играли уволенные

из армии и флота солдаты и моряки, вернувшиеся после Амьенского мира 1802 г. к станку. Один фабрикант отмечает, что то были собрания не обычной толпы, а людей вооруженных и скорее похожих на милицию или военных моряков, чем на рабочих. Интересно анонимное письмо одного демобилизованного солдата к «мистеру Бенджамену Эрбгауз, члену парламента от Хидэна»:

«Многоуважаемый сэр! Избранные на общих выборах в Брэдфорде, как мы надеемся, имеют естественные чувства к своим смертным братьям и представляют за нас, чтобы мы могли иметь работу, зарабатывая наш хлеб насущный. Многие из нас служили на службе его величества — 6, 8 или 10 лет, защищая его самого и его страну. Теперь довольно! Нации в мире друг с другом. Мы же посланы по домам голодать! Наши хозяева, которые рассчитали нас, пользуются этим. Мы знаем, что об этом было указано нашим великим людям и министрам в парламенте и тем, которые имеют фабрики. Как много бедняков они наняли, забывая в то же время, как много больше было бы занято их, если бы они делали это руками, как они бывало работали. Мы найдем дома бедных переполненными многими мальчиками, которые могли бы зарабатывать шиллинг в день чесаньем конского волоса. Последний гарантированный минимум в пользу бедняков не собрал и 300 фунтов. Приход отстает от этого. Пять гарантий минимума беднякам было обеспечено в прошлом году. Джентльмены! Ваше время взяться за любопытные изобретения, отобравшие работу у бедняков. Если приходское собрание будет созвано, то едва ли на нем будет присутствовать кто-либо, так как мы находим, что они не обеспечивают гарантию, что народ решил не платить такое количество пайков. Насколько я был многими часто информирован, в Йоркшире около 30 000 членов «Корреспондентского общества». Новое обложение и пайки бедным, много раз выброшенным с работы, скоро вызовут революцию, если правительство не возьмет быстро дело в свои руки. Бедные уже имеют много что сделать. Рано или поздно, господь накажет тех, которые хотят снижения заработной платы нанимающегося. Мы знаем, что не хорошо народу поджигать фабрики или иную собственность, но голод принуждает делать то, о чем мы не хотели бы и помыслить, если бы имели занятие. Мы испробовали все способы жизни посредством закладывания нашей одежды и движимого имущества, так что мы теперь на грани последней борьбы. Работайте с нами и для нас. Работайте так, прежде чем мы нашими руками не вызовем привидения и не скажем: Прощай Эрбгауз навсегда!

От солдата, вернувшегося к своей жене и плачущим сиротам».

Несмотря на путанность мысли демобилизованного, письмо верно рисует эксплуатацию детей, никчемность помощи бедным, разорение ручных ткачей и революционное настроение масс.

Всякую уступку рабочим со стороны отдельных фабрикантов правительство рассматривало как уступку революции. Переговоры рабочих с фабрикантами и рабочие делегации к хозяевам рассматривались как заговор. Правительство требовало ареста и суда над рабочими делегатами. Стригальщики в Йоркшире не только помешали строить новые ворсальные машины, но и остановили те, которые уже были в употреблении. Правящие классы вынуждены были констатировать прочность рабочей солидарности в борьбе против капиталистической эксплуатации. Лорд-майор Лидса, мистер Кук, пишет 21 августа 1802 г., что «все слои рабочих делают общее дело, что и рабочие-суконщики, и все другие стремятся к увеличению заработной платы и поддерживаются всеобщими пожертвованиями почти всех других слоев». Здесь перед нами массовое и более или менее организованное движение за прожиточный минимум и тарификацию заработной платы, в котором луддизм в собственном смысле этого слова играет переходящую роль.

В 1802 г. стригальщики-чесальщики провели стачку против владельца шерстяной мануфактуры в Лидсе мистера Готт, нанявшего в ученики двух подростков моложе 14 лет. 80 чесальщиков потребовали расчета подростков и увлекли за собою 900 других рабочих. Взбешенный лорд Фитц Вильямс писал про стачечников, что они «тираны страны, их власть и влияние выросли из их высокого (!!! — Г. Б.) заработка, что дает им возможность делать вклады (!!! — Г. Б.) и делает их нечувствительными к своему дурному поведению». Лорд лгал, говоря о высокой заработной плате, дававшей якобы возможность рабочим «делать вклады». От своей голодной платы отрывали они, из чувства классовой солидарности, гроши и несли их в общую кружку для борьбы за прожиточный минимум. Крупные фабриканты единственное средство против рабочих стачек видели в усилении репрессивных законов. Йоркширские рабочие продолжали состоять в сношениях с рабочими других районов. При помощи делегатов и писем они поддерживали оживленную связь с юго-востоком. Один из вождей ткачей в Трубридже, Джон Гриффон, пишет 5 сентября 1802 г. Джорджу Пальмеру в Лидс: «Мы надеемся, при господнем благословении и с валей помощью»

одолеть их всех (т. е. фабрикантов — Г. Б.). Мы можем, кажется, сказать, что за исключением одного или двух мест, имеющих мало значения, весь край будет скоро объединен». Среди пачки писем, отправленных Джорджу Пальмеру в Лидс от Джозефа Уарена, одного из лидеров комитета стригальщиков, мы находим призыв к осторожности ввиду происходивших арестов.

Председатель одного из союзов в Бристоле, Чарльз Томас, пишет Джорджу Пальмеру по поводу одной стачки:

«Джентльмены! Мы получили ваше доброе письмо от 5-го сентября и сожалеем, что вы имеете так много врагов, на борьбу с которыми вы имеете такие большие издержки, когда столько людей без работы. Надеемся, что вы в короткий срок будете в состоянии известить нас о вашем хорошем успехе и будете в состоянии сообщить купцам и фабрикантам, что они не правы и должны быть пристыжены за свои грязные средства поведения. Мы всегда будем счастливы услышать от наших собратьев-суконщиков из Лидса, что они есть тот сорт людей, которые должны быть уважаемы, и, я надеюсь, всеми профессиями. Джентльмены, желая вам здоровья и уважения, остаюсь ваш наипокорнейший слуга — Чарльз Томас, президент».

В 1816 г., по окончании войны наступила жестокая безработица и поденщики-суконщики в своей петиции принцу-регенту жаловались на безработицу, прося его оказать им помощь. Петиционеры жалуются, что они вынуждены желать еще одной войны, в надежде найти применение для безработных. «Прискорбно видеть, — пишут они, — как многие люди, будучи в настоящий момент без работы, валяются на улицах Брэдфорда и Трубриджа и его окрестностей. Во время войны не было ни ворсальных машин, ни рам в Трубридже, а теперь, печально сказать, они возрастают ежедневно». Луддитские беспорядки 1812 г. были тесно связаны с введением стригальных рам, бывших еще в значительной степени новинкою для Йоркшира. С 1806 по 1817 г. число ворсальных фабрик в Йоркшире возросло с 5 до 72. Число стригальщиков, работающих с машиной, возросло со 100 до 1462 человек. Среди ручных стригальщиков только 763 чел. были целиком заняты, 1445 человек — частично, 1170 человек были совершенно без работы. Неудивительно, что они возобновили свое ходатайство о запрещении машин, видя в них виновников массовой безработицы. В почтительном тоне петиционеры из Кэслре-Браугэм заявляют, что смотрят на Палату общин, как на свою «конституционную защиту», ожидая от нее облегчения. Правительство заявляет, что никаких мер помощи рассчитанным рабочим предпринято не будет, и что введение

машин не будет приостановлено. В 1820 г. Люис из Бринскомби изобрел машину для резки сукна, которую, вместо нескольких мужчин, мог обслужить один мальчик. Ручным стригальщикам окончательно был вынесен смертный приговор. С этого момента они сходят со страниц социально-экономической истории Англии. Не лучше обстояло дело и с чесальщиками шерсти. Чесальщики являлись своеобразной аристократией среди массы рабочих шерстяной промышленности. Квалифицированные, хорошо организованные в своих старых союзах они сумели удержать заработную плату, уже повсеместно сниженную из-за машин. Первым ударом по независимости чесальщиков было применение машины Картрайта. Первые два патента он взял в 1790 г. третий — в 1792 г. Его машина «Биг-Бэн» и ряд других обрекали на уничтожение 70 000 ручных чесальщиков. Началась долгая и бесплодная петиционная кампания.

В 1794 г. из разных мест в парламент посыпались петиции о запрещении употребления чесальных машин. Петиционеры из Баристарля, Нью-Сарума, Экзетера, Сомерсета, Плимута, Тайвертона, Девоншира, Лондона, Гонингтона, Больтона, Ашбиртона, Тавистика, Саутварка, Киддерминстера и Бромсдгрова, Ковентри и Амерстона, Корнуэля, Варвика, Нортс-Райдинга и Йоркшира, из графства и города Дэрэма, из Рипона и Лейчестера, из Баристэбля жалуются, что вследствие применения машин они с семьями станут вскоре бременем для государства. С своей стороны, крупнейший фабрикант шерсти Торлис из Кукнэйля (в Ноттингаме) жалуется парламенту на организацию рабочими тайных клубов и обществ, которые действуют по собственным законам и правилам, мешая принимать в ученье не членов своих семейств, ставя фабрикантов в полную зависимость от чесальщиков и вынуждая их платить любую заработную плату, какую потребуют рабочие. Торлис отмечает территориальную замкнутость этих организаций, мешающих фабрикантам нанимать рабочих из другого района, в целях недопущения снижения заработной платы.

Насколько ремесленные рабочие шерстяной промышленности еще представляли огромную социальную силу, видно из того, что в Йоркшире они создали в 1794 г. комитет по сбору денег и добились от парламента проведения в первом чтении билля против мауфактуры, но во втором чтении большинством 67 против 24 он был провален.

Петиция о билле была представлена от Йоркшира, Ланкашира и Чешира. На западе же Англии чесальщики меньше полагались на петиции и обратились к фабричному террору.

Еще раньше, в 1791 г. была сожжена фабрика Альбион в Саутварке. При этом саутваркские чесальщики писали, что «рудокопы, работающие на Мендине (в Сомерсетшире), уже предлагали свои услуги по разрушению машин, что в Твиртоне, около Батс». В 1813 г. положение ручных ткачей шерстяной промышленности было ужасно. Они зарабатывали только 6—7 шиллингов в неделю и на это должны были кормиться сами и кормить свои семьи.

Движение против механических станков от голодающих ткачей хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире перебросилось к голодающим ткачам шерстяной промышленности Брэдфорда. В мае 1820 г. фабрика Хорсфолля подверглась яростной атаке со стороны ткачей. Нападению предшествовал митинг чесальщиков и ткачей шерсти. Прибывший судья зачитал акт о мятеже. Два полка иоркширских гусар были вызваны на место происшествия «для восстановления порядка». За мятеж судили двух рабочих. Одного оправдали, другого приговорили к смертной казни за то, что он посмел задать судье, полковнику Темри, вопрос: «Что мы должны были делать? Должны ли мы были голодать?» Этот рабочий был потом «помилован», т. е. сослан на вечную каторгу.

Часто машины утаивались в секретном порядке. Так, в 1822 г. из Брэдфорда были секретно посланы механические станки в Шипли (Вест Райдинг). Узнав об этом, ручные ткачи по шерсти пришли и разрушили их. Но уже через два года вышеупомянутый мистер Хорсфолль и другие фабриканты установили станки в Брэдфорде и в других местах. 1825 г. надо считать годом полного разгрома благосостояния чесальщиков. Чесальщики объединились в один союз с ткачами по шерсти и организовали забастовку, длившуюся 22 недели. Рабочие товарищества разных профессий собрали 20 000 фунтов стерлингов в помощь стачечникам. Хозяева постановили не принимать на работу не только членов союза, но и их детей. Стачка была сломлена, и рабочие вернулись на работу на условиях, продиктованных хозяевами, причем 1700 чел. осталось без работы. Никаких разрушений машин во время этой стачки сделано не было. Нужно помнить, что хозяева мелких производств иногда сами провоцировали стачки, чтобы добиться еще большего снижения заработной платы. Несмотря на прогресс введения машин, правительственная комиссия в своем отчете 1840 г. устанавливает, что в Норвиче находятся в личной собственности ткачей 3398 станков и 2890 станков арендованных — по одному или по два станка. Так медленно умирал центр ручного ткачества город Норвич.

IV. РАБОЧИЕ ШЕЛКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Центром шелко-ткацкой промышленности Англии был Спитфильд. Это была единственная промышленность, где рабочие добились парламентского акта о регулировании заработной платы (в 1773 г.). Шелковая промышленность пользовалась особым покровительством парламента, защищавшего ее от конкуренции французской шелковой промышленности. До издания акта в 1773 г. Спитфильд был ареной непрерывных бунтов и волнений. После принятия акта 1773 г. о заработной плате разрушение станков и порча кусков шелка немедленно прекратились.

Ткачи шелка еще до промышленного переворота представляли из себя организованную, решительную и спаянную корпорацию. Комитет рабочих шелковой промышленности Англии поддерживал письменную связь с шелко-ткачами Дублина (Ирландия). В одном из своих писем комитет сообщал, что «сердца их хозяев подобны алмазу», т. е. жестокосердны и черствы. В 1769 г. рабочие отпечатали и роздали своим хозяевам книгу требований об увеличении заработной платы. Предприниматели, конечно, отказали ткачам в удовлетворении и вызвали воинскую силу. Это заставило шелко-ткачей прибегнуть к порче машин. Ткачи, переодевшись моряками, замаскировавшись, вооружившись тесаками и т. п. оружием, ворвались в мануфактуры, разрушили станки, порвали шелк, грубо обойдясь с теми поденщиками, которые отказались примкнуть к ним. Затем они продемонстрировали по улицам с чучелом одного особенно нелюбимого хозяина, торжественно повесили и сожгли его, после чего мирно разошлись. Присланная в Спитфильд рота гвардейцев на время «успокоила» ткачей. Еще раньше в 1765 г. шелко-ткачи демонстрировали против свободного ввоза французского шелка и добились от парламента билля о запрещении импорта иностранного шелка. Шелко-ткачи были яркими протекционистами, тайно думая, что это поможет им удержать твердый уровень заработной платы. Свои протекционистские требования шелко-ткачи подкрепили многотысячной демонстрацией. Экономическое улучшение однако не наступило. Вновь начались мелкие стычки с солдатами. В 1769 г. вспыхнул серьезный бунт, длившийся с августа по октябрь. С обеих сторон были убитые, раненые, много ткачей было осуждено. После подавления этого движения, с 1770 по 1773 г., в шелковой промышленности царил мир. 26 апреля 1773 г. в Мурфольде ткачи шелковой промышленности вновь обсуждали свое тяжелое материальное положение. Они нашли поддержку в сэре Джоне Фильдене и в лорд-майоре Джемсе Таун-

сэнде, пославшем городского маршала (пристава) расследовать жалобы на низкую заработную плату. Так появился Спитфильдский акт о регулировании заработной платы шелко-ткачей, несколько ограничивавший производл предпринимателей. В 1792 г. этот акт распространен был и на рабочих, занятых у фабрикантов шелка, смешанного с другим материалом. В 1811 г. акт 1773 г. распространился на шелко-ткачей поденщиков. Фабриканты шелка, чтобы избежать соблюдения акта, бросились переводить свои фабрики в Шотландию и в провинции, где рабочие руки были дешевы. С 1795 г. шелко-ткачи Спитфильда превращаются в своеобразную рабочую аристократию, перестают бунтовать, уходят в мирные культурные организации. Многие из них становятся членами союза «свободных каменщиков», масонов. В 1818 г. большинство хозяев в Спитфильде платило по 12 шиллингов 6 пенсов в неделю, в то время как повсеместно заработная плата равнялась 6—7 шиллингам. Шелко-ткачи других местностей добивались распространения действия акта и на них. В 1799 г. ленточные рабочие добились проведения аналогичного акта через палату общин, но билль был задержан палатой лордов. Попытки добровольного установления минимума хозяевами были сделаны в Ковентри, Маклесфильде и Неттоне, но не удались. В 1818 г. ткачи этих районов безуспешно просили распространить и на них действие Спитфильдского акта. В следующем году в Ковентри вспыхнула стачка, был создан комитет рабочих для защиты минимума заработной платы, выработанного в 1816 г. Общественное мнение поддерживало стачечников. Многие хозяева, будучи сторонниками Спитфильдского акта, делали комитету пожертвования, а «уважаемые джентльмены» из благородного дворянства действовали в качестве казначеев и секретарей комитета по сбору пожертвований и даже были привлечены правительством к ответственности за это. За спиной стачечников происходила борьба сторонников и противников машинного производства внутри капиталистического класса.

Спитфильдский акт действовал до 1824 г. В мае 1824 г. предприниматели Лондона и Вестминстера подали в парламент петицию, жалуюсь на то, что акт фактически запрещает пользование машинами, так как судьи устаивают одинаковый минимум заработной платы и за ручной труд и за машинную работу. Многие фабриканты перевели свои предприятия в Норвич, Маклесфильд, Манчестер, Таунтон и Райдинг, где рабочие руки были дешевле. Рабочая аристократия ручных шелко-ткачей Спитфильда заволновалась. В ответ на последовавшую отмену акта 1773 г. шелко-ткачи Сэдбери, Лондона, Мидльсекса, Спитфильда, Майл-энд-Нью-

Пауна просили парламент аннулировать билль об отмене акта. Несмотря на запрещение подписывать петиции женщинам, а также мужчинам моложе 20 лет, в одном Спитфильде под петицией было собрано 11 000 подписей. В палате общин произошел бой между сторонниками ручного и машинного производства. Фавелль Букстон, «эмансипатор», противник рабства негров, стоял за сохранение спитфильдского акта. Рикардо и Юм высказывались за его отмену. Рикардо вообще резко протестовал против вмешательства мировых судей в дело установления размера заработной платы. «Если фабрикант — говорил он — вынужден употребить некоторое количество рабочих, ему должно быть предоставлено это сделать по сходной цене». Букстон, требуя распространения акта 1773 г. и на Ковентри, полемизировал с Рикардо и заявил, что его «клиенты не претендуют на понимание политической экономии, которая, как кажется, меняет свои принципы через каждые два-три года». Юм стоял за отмену акта потому, что фабриканты шелка переносили свои фабрики в другое место. Билль о сохранении спитфильдского акта не прошел. В 1824 г. были установлены ввозные 30% пошлины на иностранные товары и пошлины на сырые материалы. В ответ на жалобы шелко-ткачей Спитфильда королю — последний призвал их к верности. Во время третьего чтения билля об отмене спитфильдского акта (с 13 апреля по 12 июня 1824 г.) огромные массы народа ждали на улицах результатов голосования.

Билль об отмене акта прошел незначительным большинством 13 голосов. Так кончилась парламентская борьба между мануфактурой и машиной — в пользу последней. С этих пор начинаются стачки и разрушения машин и в шелкоткацкой промышленности. Отмена спитфильдского акта привела к быстрой пауперизации ремесленной аристократии. Ткачи неоднократно, но безуспешно добивались создания камеры из предпринимателей и рабочих по урегулированию заработной платы. С ручным шелкоткачеством было покончено. В шелковой индустрии, как и везде, получил господство машинный труд.

V. ЧУЛОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В чулочно-вязальном производстве применение машины началось очень давно. Первая машина для вязки чулок была изобретена священником Вильямом Ли в 1589 г., но дело его не пошло. Он уехал с машиной во Францию, но и там ему не повезло. Его брат перенес чулочное производство обратно в Англию. Лондон стал его центром. Брали на работу

приходских учеников. Уже в 1710 г. поденщики-вязальщики протестовали против большого количества занятых учеников, разбили сотню станков, выбросили их в окно и принудили хозяев к уступкам. При Карле II лондонские фабриканты чулок добились хартии, по которой они были объявлены закрытой монопольной корпорацией. Тяжелые штрафы налагывались на фабрикантов чулочно-вязального производства, переведших свое производство в Мидлэнд и пытавшихся не подчиниться юрисдикции лондонской корпорации. В 1753 г. комитет палаты общин уничтожил привилегии корпорации как «вредные для промышленности и свободы личности». Корпорацию поддерживали лондонские поденщики. Против нее выступали объединение предпринимателей вязального производства и «контри-джентльмены» (местные помещики), страдавшие от монопольных цен лондонской корпорации. После отмены монополии лондонских фабрикантов чулок центром быстро растущей чулочно-вязальной промышленности становится Мидлэнд. Рост хлопчатоткацкой промышленности отразился на развитии вязально-чулочного производства, удешевив стоимость пряжи. Ноттингэм стал центром производства хлопчато-бумажных чулок, Лейчестер — шерстяных, и Дерби — шелковых чулок. В 1788 г. в Лейчестере была сделана попытка применить аркрайтовское изобретение к прядению шерстяной пряжи для чулок, но толпа разрушила машины и дома. В результате промышленность перешла в другие районы, а Лейчестер стал производить шерстяные чулки из пряжи, выработанной в других округах. В показаниях перед палатой общин в 1778—1779 гг. говорилось об ужасающем положении детей пауперов, о длинном рабочем времени с 5 час. утра до 10 час. вечера, разрушающем нервы физически сильных мужчин и женщин, получавших одинаковую нищенскую плату (4 шиллинга 6 пенсов в неделю). Иногда вязальные рамы принадлежали самим рабочим. Таких счастливых называли «независимыми рамщиками», многие из них принадлежали к рабочим клубам и кассам, куда вкладывали свои сбережения. Большинство вязальных рам принадлежало однако скупщикам-спекулянтам, сдававшим станки в аренду. Таким образом, здесь господствовала в основном еще мануфактурная стадия.

В 1778 г. вязальщики Лондона, Ноттингэмпшира, Миддлсекса, Сэррей, Лейчестера, Дерби, Нортгэмптона и Глоучестершира подали петицию о билле по регулированию заработной платы, прося прибавки от 1 шиллинга 6 пенсов до 2 шиллингов в неделю. Предприниматели подали контрпетицию, считая невозможной и «предосудительной во всех отношениях» фиксацию расценок. Заработная плата чулочных

вязальщиков колебалась до 6 шиллингов в неделю за шелковые и 4 шиллингов 6 пенсов за грубые шерстяные чулки. Билль о заработной плате вязальщиков был проведен большинством 57 против 27 голосов.

В 1779 г. в парламент поступила новая петиция от вязальщиков Лондона, Западного Миддлсекса, Дерби, Ноттингэма, Лейчестера, Годальминга, Тэксбюри и Нортгэмптона.

На этот раз, вопреки протесту предпринимателей, билль прошел через комитет, оставалось представить его на доклад палате. В Ноттингэме все деревни были заполнены вязальщиками чулок. 300 вязальных рам, принадлежавших мистеру Нид, главному оппоненту билля и другим, были разбиты, а их дома сожжены. На место происшествия были вызваны войска, но власти и предприниматели были настолько потрясены массовым разрушением станков, что единогласно постановили: «в целях прекращения имевших место насилий, устранить все притеснения с рабочих и ввести фабрикантам невысокую, но наилучшую цену». Мир немедленно был восстановлен. Один рабочий Мэфрингэма судился за разрушение машины и поджог, но был оправдан.

В 1787 г. был разработан новый минимум заработной платы и принят и хозяевами и рабочими. Этот минимум держался в течении 20 лет. До 1810 г. продолжались «счастливые дни» вязальщиков, получавших 14—15 шиллингов в неделю за 12—13 часовой рабочий день. В дальнейшем положение резко изменилось. С 1810 по 1813 гг. луддитами было уничтожено в общей сложности 1 000 рам. На короткий период заработная плата поднялась на 2 шиллинга в неделю. Теперь энергия рамо-вязальщиков сконцентрировалась на стремлении добиться парламентской регламентации своих требований, частичного осуществления машин. Соответствующий билль, принятый палатой общин, был отвергнут палатой лордов. В ответ на провал билля началось сильное движение в пользу объединения усилий отдельных профессий. В Годальминге, Дублине, Лондоне и Дерби образовались рабочие общества по защите своей профессии. Надеялись, что и Глазго «последует благоразумному примеру». Попытки объединения вязальщиков Англии, Ирландии и Шотландии, в виду истощения денежных фондов, не увенчались успехом. Зато была организована более тесная организация с уставом, выработанным применительно к закону. Организация называлась «Обществом для достижения парламентской помощи и поощрения механиков в усовершенствовании механизмов». Это была федерация обществ, состоявших не менее чем из 30 и не более чем из

100 членов, с соответствующей иерархией для различных округов. Федерация возглавлялась исполнительным комитетом, имевшим свое местопребывание в Ноттингэме. Всеобщая конференция делегатов центральных комитетов в Ноттингэмшире, Дерби и Лейчестере должна была быть ежегодной, всеобщая национальная конференция депутатов с участием от каждого «центрального комитета Европы» через каждые три года. Таким образом, организаторы тредь-юниона вязальщиков намечали не только национальное, но и интернациональное объединение рабочих. Герб общества представлял собой совокупность символов отдельных округов с изображением станка и руки, держащей молот, с французским лозунгом «Calmèz vous!» («успокойтесь!»). Этот герб был снят при втором выпуске членских билетов, дабы не навлечь подозрения властей. В 1813 г. состоялась центральная конференция общества. «Общество» насчитывало 2 390 членов и располагало фондом в 195 фунтов стерлингов, из коих на долю Ноттингэма приходилось 126 фунтов стерлингов. 10 из 15 резолюций, принятых центральной конференцией, говорили о создании дома профсоюзов, который должен был быть чем-то вроде биржи труда, составлять списки станков, доставлять сведения о работе и вести списки рабочих. В ноябре 1813 г. общество организовало производственное товарищество из своих членов-вязальщиков, заняв деньги и приступив к производству шелковых чулок для продажи. В течение 18 месяцев вязальщики имели значительный успех, и ряд местных отделений союзов примкнул к ним. Тесемщики-кружевники отказались однако поддержать фонд производственного товарищества, в виду заминки в производстве (эти предтечи Рочдельских оуэнистских кооператоров открыли свою производственную артель в условиях промышленного кризиса). Разрушение машин шло в разрез с политикой общества и осуждалось им.

26 апреля 1814 г. в Лондоне состоялся огромный митинг предпринимателей, фабрикантов чулок. Митинг хозяев постановил отказать в требовании увеличения заработной платы и организовать «Общество для преследования разрушителей машин». Предпринимателями был создан «секретный комитет» (секретный от рабочих, он состоял в контакте с властями), ставивший своей целью добиваться «легальными средствами» разгрома рабочих организаций, и не принимать на работу забастовщиков, «требовавших увеличения заработной платы, а также тех, кто участвует в незаконных объединениях». Секретный комитет предпринимателей занялся организацией шпионажа и провокации. Но все попытки добыть нужную «информацию» о рабочих обществах окончились

крахом. Тогда «секретный комитет» придумал исключительный по своему цинизму план. 23 мая 1814 г. по инициативе секретного комитета решено было распустить милицию Лейчестера, Ноттингэма и Дерби, чтобы увеличить количество безработных: имелось в виду, что «новые руки» войдут в организации рабочих и последние вынуждены будут или найти им работу, или поддержать их, а это истощит их фонды взаимопомощи. Затяжная борьба началась. Между апрелем и июлем 1814 г. сбор по подписке дал обществу 1 302 фунта стерлингов. Хозяева не торопились нанести удар. До июля им удалось подкупить нескольких предателей, выдавших имена лидеров комитета рабочих — Самуэля Смитсона, успевшего убежать из округа, Джорджа Гибсона и Томаса Джудди. Последние двое судились за сбор денег на нелегальные цели. Книги и бумаги рабочей организации были захвачены. Удар, подготовленный «секретным комитетом», подействовал. Союз вязальщиков был не в состоянии противостоять силе предпринимателей и распался. Его роспуск сопровождался разрушением рам. Хозяева сами провоцировали эти разрушения.

12 августа 1814 г. секретарь тайного комитета предпринимателей давал следующие откровенные показания о положении в чулочно-вязальном производстве. «Я имею удовольствие заверить вас (членов комитета — Г. Б.), что, как я и предполагал, возобновление практики разрушения станков явилось сильнейшим и решающим доказательством дезорганизации системы объединений (рабочих — Г. Б.) как метода достижения увеличения заработной платы. Я считаю, что это (т. е. дезорганизация союза рабочих — Г. Б.) было достигнуто посредством объединенной помощи и благодаря депрессии в промышленности, благодаря росту предложения рабочих рук в производстве, благодаря роспуску полков милиции в фабричных округах, благодаря смятению и смущению, причиненному захватом книг и бумаг комитета объединения».

Крушение «Общества по достижению парламентской помощи» привело рабочих в отчаяние. Инициатор этой организации, Гравинер Хенсон, отличавшийся исключительной умеренностью, потерял доверие рабочих. Разбитие машин стало рассматриваться рабочими как единственное средство самозащиты против объединения предпринимателей. В 1816 г., когда почти вся Англия была охвачена бурным революционным движением, разрушение машин в вязальном производстве возобновилось. 28 июня 1816 г. ночью 17 переодетых людей, под охраной нескольких сот сочувствовавших, за полчаса разрушили в Лоуборо у предпринимателя Хитскота 53 машины, причинив ему убыток до 10 000 фунт. ст.

40 рабочих свидетелей спасли жизнь оправданному судом Самуэлю Слатеру. В ноябре был казнен за разрушение машин Джеймс Тауль. Рабочие организовали многотысячную демонстрацию на похоронах казненного луддита. В эти годы (1815—1816) в Ноттингэме правительство не особенно полагалось на войска и предпочитало держать их в бараках, не допуская общения с рабочими. Самые большие разрушения машин произошли в Лауборо. В 1817 г. некий Локкет пишет, что «луддиты теперь главным образом заняты политической и браконьерством». Вследствие измены Джона Блэкборна, 13 луддитов были арестованы. На основе показаний двух предателей, шесть человек — Митчель, Краудер, Амис, Сейведж, Радней-Тауль и Витсерс — были казнены. «Маленький Сэм» — Самуэль Слатер — бежал. Остальных сослали на вечные каторжные работы в колонии. Впоследствии был схвачен в судорогах — Кальдвелла и осужден. Брат провокатора Блэкборна — Христофор — также подлежал аресту, но успел скрыться в болотах, — «обыкновенное убежище тех, которые выгнаны из этой части королевства». Луддизм был раздавлен. Хитскоту было выплачено возмещение за все его убытки. И все же он перевел свою фабрику в Тивертон.

С 1817 г. рамочные вязальщики отказываются от луддитских методов борьбы и начинают кампанию по подготовке стачки. В это время заработок вязальщика был равен 8 шиллингам в неделю, при 15 часовом рабочем дне. В сентябре 1817 г. вспыхнула забастовка. Гравинер Хенсон руководил ею из тюрьмы при помощи рабочих обществ, сносившихся между Лейчестерширом, Дерби, Ноттингэмширом и Глоучестерширом. Результаты забастовки нам неизвестны. Вероятнее всего, что она окончилась поражением. Между тем, положение рабочих все ухудшалось, и заработная плата колебалась от 4 до 7 шиллингов в неделю. В начале 1819 г. состоялся секретный митинг в Ноттингэме, на котором было предложено послать в каждую деревню графства делегата «с предложением остановить работу по существующей цене и обратиться за помощью к приходам». Гравинер Хенсон был уже на свободе и принял участие в забастовочном движении. Деморализация среди рабочих была однако теперь столь сильна, что даже Хенсону не доверяли, говоря: «остерегайтесь, как бы он не обратился в Оливера» (Оливер — кличка рабочего, знаменитого провокатора луддитских организаций, организовавшего с ведома властей и предпринимателей всякого рода заговоры и разрушения машин). Стачка 1819 г. вызвала широкое сочувствие в обществе. Впоследствии один из вождей забастовки говорил: «Лорд-лейтенант и джентльмены из окрестностей помогали нам, приходы присо-

единаясь, театры оказывали нам помощь, приходские церкви проповедывали в нашу пользу и подписывались для нас, и мы имеем помощь от каждого из этих источников». В Лейчестере было создано «дружеское общество» помощи трех графств, раздавшее 6 000 ф. ст., из которых 4 400 ф. ст. были собраны по подписке самих рабочих. «Дружеское общество» существовало 5 лет. Стачка 1819 г. кончилась временной победой рабочих. В 1824 г. была новая 18-недельная забастовка, окончившаяся поражением рабочих.

VI. ЛУДДИТЫ НОТТИНГЭМА

Массовое луддитское движение в Англии вспыхивает в 1811—1813 гг. Разрушители машин, называвшие себя «луддитами», подписывали иногда свои воззвания легендарным именем «Шервуд Вуда», создали собственную песнь — «Триумф генерала Лудда». В этой песне луддиты пели о том, что «его (Лудда — Г. Б.) гнев относится исключительно к широким рамам и к тем, которые оставляют старые цены. Эти машины несчастья осуждены на смерть единогласным вотумом труда».

Центром, где возник и откуда распространился луддизм по всей Англии, стал Ноттингэм. Весной 1811 г. в чулочновязальной промышленности возникает спор между рабочими и предпринимателями западной и восточной части Ноттингэмшира и смежных районов Дербишира и Лейчестершира, Ланкашира, Чешира и Йоркшира. Спор шел по вопросу о заработной плате и системе «cut up work», о разрезе кусков и сшивании их узкими кусками, за что платилось дешевле. Широкие рамы поставить в своем тесном коттедже рабочий не мог. Ненависть к широким рамам, обесценивавшим ручное ткачество на узкорамочных станках, становится повсеместной. Предприниматели сдавали станки в аренду домашним ткачам за 1—2 шиллинга в неделю. Арендная плата за пользование станком была одним из источников недовольства. Первый взрыв народного гнева против предпринимателей произошел в начале марта 1811 г. в Арнольде, где более 60 рам, принадлежавших одному из наиболее ненавистных предпринимателей, были сломаны. 11 марта большая толпа вязальщиков собралась на рыночной площади в Ноттингэме; было решено создать широкук организацию для борьбы за повышение заработной платы и разрушение ненавистных станков. В течение месяца было разбито еще несколько рам, после чего движение затихло до ноября. 4 ноября разрушение машин возобновилось в Арнольде, а также в Бульвелле,

Басфорде и в других деревнях. Толпа в несколько сот человек в Суттоне из Ашфильда среди белого дня разбила вязально-тесемочные и кружевные рамы у некоторых фабрикантов. Руководители луддитов были задержаны и заключены под стражу прибывшей кавалерией. Они были присуждены к тюремному заключению в Ноттингэмской тюрьме. Луддиты имели правильную организацию, устраивали ночные митинги. Весь ноябрь прошел в Ноттингэмшире в луддитских беспорядках, перебросившихся в Лейчестершир и в Дербишир. В начале декабря движение несколько ослабело, вновь оживилось в январе и снова замерло в феврале 1812 г. Случалось, что мелкие предприниматели поддерживали луддитов против крупных предпринимателей. В январе 1812 г. в Лентоне луддиты по ошибке разбили пять чулочных вязальных рам, хотя рабочие получали здесь «полную цену». Вообще же говоря, *разрушение не распространялось на тех предпринимателей, которые платили «полную цену».*

Милиция и войска не справлялись с охраной фабрик, поэтому запрещено было выходить на улицу после 10 часов ночи. 10 ноября 1811 г. при разрушении рам в Бульвелле собственником их был убит молодой рабочий Джон Везли. Его похороны, состоявшиеся 14 ноября, превратились в образцовую и внушительную демонстрацию луддитов. Разрушение широких рам в коттеджах кустарей протекало спокойнее, без кровопролития. В самом Ноттингэме было разрушено немного станков. Вероятно, собственники успели часть станков отправить в другое место. 9 декабря 1811 г. в Ноттингэм прибыло 900 человек кавалерии и 1 000 человек пехоты для ликвидации беспорядков. Разрушение машин однако продолжалось. Даже неорганизованные работницы кружевной промышленности в Лоуборо требовали увеличения заработной платы и устраивали митинги. Собрания женщин-работниц рассылали эмиссаров в соседние города и деревни с призывом к объединению и сбору денег.

В Мидлэнде работало более 20 000 женщин и детей обоего пола. Заработная плата за «хорошие руки» составляла 2 пенса в час, женщине платили от 7 до 12 шиллингов в неделю. За лучшую работу платили 15—20 шиллингов в неделю. Две трети своего заработка женщины и дети получали натурой. Их рабочий день продолжался 12 часов. За время беспорядков 1811—1812 гг. в этом районе разрушено было около 100 рам. Блокнар, историк Ноттингэма, установил, что общее число рам в Ноттингэмшире, Лейчестершире и Дербишире составляло в 1812 г. 25 218, в том числе 1 400 кружевных рам. Следовательно, разрушение машин не носило уж такого массового характера.

Сам метод луддитской борьбы свидетельствует об известной организованности движения. «Инспектора» комитета луддитов обходят помещения предпринимателей чулочников, проверяя, по какой цене работают рабочие; установив, что предприниматель платит мало, они разбивают его рамы. Однажды инспектора луддитского комитета даже собрали до 14 хозяев-чулочников в народный дом, под предлогом, что они имеют мандат от принца-регента на сбор денег в пользу лишенных хлеба семейств. Если «инспектора» находили в мастерских необученного рабочего или женщину, их снимали с работы, а рамы разбивали. Если хозяева добровольно рассчитывали необученных, луддиты вывешивали плакат: «эта рама оставлена, мальчишки сняты». 27 ноября 1811 г. предприниматели согласились прибавить 6 пенсов за пару шелковых чулок. После подавления движения заработная плата вновь была снижена. Провокаторы вроде Оливера работали во-всю, выдавая луддитов и их организацию. По доносу Елизаветы Брайтвейт, получившей по 50 ф. ст. за каждого выданного ею рабочего, были казнены молодые лидеры луддизма, подростки Корнелль и Марлес. Чтобы избежать преследований со стороны луддитов, женщине-провокатору пришлось уехать на другой конец королевства. Экономическое положение рабочих в Ноттингэме было крайне тяжелое. Женщины работницы были вынуждены заниматься проституцией. Луддиты подчеркивали, что «ни одно человеческое существо, способное работать, не в состоянии прокормить себя за такую низкую заработную плату».

VII. ЛУДДИТЫ ЛАНКАШИРА

Луддитское движение в Чeshire, Ланкашире и Йоркшире рассматривалось правительством как движение, подготовляющее революцию. Оно сопровождалось и дополнялось голодными бунтами в Ланкастере, в Шеффилде, в Манчестере, в Маклесфилде и в ряде других мест. В Ланкашире луддитское движение начинается с 1808 г. 24 мая 1808 г. многие тысячи ткачей Манчестера собрались на поле св. Джорджа. Ткачи не расходились, несмотря на увещания мирового судьи. Для разгона митинга были вызваны войска. Джозеф Хенсон, дважды судившийся за подстрекательство ткачей к стачке, попросил у судьи разрешения обратиться к ткачам с речью. Он обратился к ним с призывом — держаться солидарно для достижения своих целей: «Джентльмены! Вы не можете жить вашим трудом. На шесть шиллингов существовать нельзя; желаю вам превратить шесть шиллингов в фунт (20 шиллингов — Г. В.). Мой отец был ткач, и сам я

воспитывался в труде, я ваш настоящий друг. Советую вам быть твердыми, тогда вы добьетесь своей цели, не нарушайте только спокойствия страны. Хотя вы никогда прежде не видели моего лица, но вы имеете мое сердце и мои добрые пожелания. Я желаю вам помочь — всем, что возможно в моих силах. Ваше дело — хорошее, я хочу поддержать вас вплоть до 3 000 фунтов. Держитесь же за ваше дело».

Хэнсон был предан суду. Дело слушалось в суде королевской скамьи с 3 по 12 мая 1809 г. Хэнсон был присужден к 6 месяцам тюрьмы и 110 ф. ст. штрафа.

Фабричный террор вспыхнул в Ланкашире в апреле 1811 г. В западном Хаугтоне 24 апреля была подожжена фабрика мистрисс Рос и Дэнкуфт. Несколько рабочих были схвачены и казнены. Тюрьмы были переполнены. Судебные комиссии открыли свою работу в Ланкастере и Честере. Двое рабочих было осуждено в Честере, восемь — в Ланкастере.

Отчет «секретного комитета» палаты лордов о беспорядках в различных графствах отмечает, что «недовольство, впервые появившееся в округе Ноттингэме и в некоторой степени распространившееся в Дербишире и Лейчестершире, передалось и другим местам». Отчет указывал, что в Стокпорте и Чeshire одновременно циркулировали анонимные письма, угрожавшие разрушением машин, употребляемых в мануфактурах этих мест. «И в этом и в следующем месяце, — указывал далее отчет, — были сделаны попытки поджечь две мануфактуры. Дух недовольства быстро распространился по соседним графствам. Распространялись зажигательные плакаты, призывающие народ к всеобщему восстанию. Произносились незаконные клятвы. В разных местах были произведены бунты. Ряд домов был разграблен переодетыми лицами, усиленно распространялся слух о том, что всеобщее восстание назначено на 1 мая или в начале этого месяца». Таков этот перечень ужасов, преподнесенный палате лордов ее секретным комитетом. Ложь и провокация переплетались здесь с правдой. 18 апреля в Манчестере разразился голодный бунт ткачей. 20 — 21 апреля были атакованы дом и фабрика Бэртона в Мидльтоне. Нападавшие были отбиты войсками, убитыми пять луддитов. 22 апреля жилой дом Бэртона все же был сожжен. Войска были обстреляны луддитами. Согласно официальному отчету, 3 рабочих были убиты и 20 ранены. Еще ранее, 4 апреля, бунт разразился в Стокпорте. Дом фабриканта Гудвина был подожжен, его механические станки разбиты.

В следующую ночь состоялся митинг луддитов, в кустарниках, за две мили от города. Митинг был разогнан воинской силой. Луддиты накладывали контрибуции на дома джентль-

менов и фермеров. Вскоре начались бунты в Манчестере и по соседству с ним. Одной из причин беспорядков были высокие продовольственные цены, что было признано и в отчете секретного комитета палаты лордов. Генерал Мэйтланд дает нам перечень этих цен. Картофель поднялся с 7 шилл. до 18 шилл. за 4¹/₂ центнера, его розничная цена поднялась с одного пенса за три фунта до одного пенса за фунт. Также поднялась цена и на другие продукты. Заработная же плата снизилась еще более. Обыкновенно ткач зарабатывал полторы гинеи (30 шиллингов) в неделю, а теперь — только 10 шиллингов.

26 и 27 апреля 1812 г. в Манчестере появилось несколько тысяч рабочих из других мест. 28-го значительная часть их исчезла. Была призвана милиция и мобилизована армия. Ночные митинги рабочих и военные упражнения участились. В разных местах рабочие захватили оружие. Открытые демонстрации луддитов сочетались с конспиративной работой. Особенно поражала их чрезвычайная сплоченность. Попытки проследить и захватить мятежников удавалось редко. Четыре основных фактора влияли на усиление луддитского движения. Во-первых, высокие цены на продовольствие и снижение заработной платы. Во-вторых, всеобщее недовольство механическими станками и попытки их разрушения, нередко под руководством провокаторов. В-третьих, хлебные, картофельные, мясные и т. п. продовольственные бунты, заканчивающиеся часто разрушением механических станков. В-четвертых, упорные слухи о всеобщем восстании. В ряде случаев правительство и предприниматели сами провоцировали рабочих на погромы, чтобы отвлечь их от организованной борьбы за повышение заработной платы и максимум цен на продовольственные продукты. Это легко проследить на ряде фактов. Луддитское движение особенно сильно было в Стокпорте, где было особенно много механических станков и паровых машин.

Вот как развернулись события в Стокпорте. Ткачи обратились к местному священнику Прескопу и жаловались ему на безработицу, вызванную введением паровых машин. Поп посоветовал ткачам обратиться к государственному секретарю Райдеру. Делегаты от ткачей получили от этого чиновника холодный ответ, что «механические станки выполняют великую службу государству». Получив такой ответ, луддиты вновь обратились к Прескопу с просьбой помочь им устроить совместное собрание предпринимателей и рабочих по вопросу о заработной плате. В присутствии мирового судьи предприниматели согласились было прибавить по 2 шиллинга за обрез, но вслед за тем, собравшись снова, уже отдельно от рабочих, объявили их представителям, что давая согласие

на повышение заработной платы, они только пошутили. Переговоры были прерваны. Прежде чем приступить к разрушению машин, луддиты провели ряд митингов, обсуждая способы действия. Провокаторы и шпионы приводили в своих показаниях ложные тексты клятвы луддитов. На самом же деле в присяге верности рабочему делу ни слова не говорится о разрушении машин. Основной целью митингов в Стокпорте и Манчестере было добиться проведения в жизнь предпринимателями закона об ученичестве и регулировании заработной платы.

13 февраля 1812 г. в Манчестере состоялся съезд делегатов от луддитов Ноттингэма, Карлисль, Глазго, но съезд этот не дал никаких результатов. Начинается работа провокаторов вроде Оливера и Болтона. Болтон, скупщик и продавец шерсти, организует с ведома властей секретные комитеты в Стокпорте и Манчестере, немедленно сообщая властям списки «заговорщиков». О том, что луддитов часто провоцировали на разрушение машин, достаточно ясно говорят судебные процессы. Суд не судит провокаторов, а вызывает их в качестве свидетелей — как агентов власти.

2 марта 1812 г. луддиты Болтона постановили собираться каждый вечер, после дневной работы, прежде чем зажечь свет. Этим путем они думали устроить своих хозяев и побудить их прибавить им заработную плату. На ночных митингах они поднимали бурные крики, чтобы навести ужас на предпринимателей. Ясно, что предприниматели не очень-то боялись таких демонстраций. Провокатор Стон вместе со своим отцом организовал в Болтоне секретный луддитский комитет, одним из членов которого был Роберт Ваддингтон, впоследствии сам ставший крупным шпионом.

В ночь на 9 апреля Стон организует поджог фабрики в Западном Хаугтоне. Полковник Флетчер, чьим агентом был Стон, торжественно сообщает в Лондон, что атака была отложена, ибо Лондон еще не готов. Стоны, отец и сын, всячески добивались принятия рабочими соотряпанной ими «присяги». Предполагают, что Оливер и Стон — одно и то же лицо.

10 апреля была сделана новая попытка поджечь западный Стоугтон. Толпа в 300 человек собралась около дома полковника Флетчера и напала на него. Другая группа луддитов подожгла дом и склад Айрворта. Третья — подожгла дом Леветтома. Кроме того, была сожжена ткацкая фабрика в западном Хаугтоне, в пяти милях от дома Флетчера. Провокаторы переусердствовали. К суду было привлечено 10 рабочих и 10 человек свидетелей во главе с провокатором Стоном, главным свидетелем обвинения. Так фабриковались многие погромы, приписывавшиеся луддитам. В середине апреля в

Дин-Муре состоялся митинг по вопросу о заработной плате. Провокаторы подстрекали рабочих к поджогам. Милиция охраняла фабричные здания. Утром 24 апреля в Ноубенте собралась толпа и двинулась к Вест-Хаугтону. Фабрика в Болтоне вызвала войска, отряд шотландских «серых». Прибыв на место и никого не найдя, капитан увел отряд обратно. Но как только удалились войска, толпа нагрянула на Вест-Хаугтон, выломала окна и, подбросив соломы, подожгла фабрику. Владельцы фабрики понесли около 6 000 фунтов стерлингов убытка.

Мобилизовав все свои вооруженные силы, правительство вышло победителем. Начались карательные суды специальных комиссий. Из 44 арестованных в Чeshire 14 человек было приговорено к смертной казни, но 12-ти из них казнь заменили вечной каторгой в колонии, двоих ткачей — Джозефа Томпсона и Джона Темплес — повесили за поджог. Четверо были оправданы, 12 человек оставлено под стражей до нового расследования. Остальные осуждены были на разные сроки каторги и ссылки. Из 12 осужденных на казнь только трое были осуждены за разрушение машин. Их имена — Джеймс Кроссланд, сапожник, Джон Хейвуд, 18-летний подросток-чесальщик, и Джон Эллис, неизвестной профессии. К главным осужденным были присоединены еще восемь человек, получившие 7 лет каторжных работ в колониях, из них двое за «незаконную клятву» — Джон Бредшоу и Томас Витпаркар. Главными свидетелями выступали полицейские, предприниматели и командиры войсковых частей. Подавляющее большинство привлеченных были просто оговорены. В конце мая и начале июня в Ланкашире работал суд специальной комиссии, разделивший обвиняемых на четыре основных категории: 1) продовольственные бунты в Манчестере, 2) поджоги в Мидльтоне, 3) поджоги в Вест-Хаугтоне, 4) незаконные клятвы (т. е., собственно говоря, обвинения в принадлежности к тайному обществу) и 5) мелкие обвинения в беспорядках и один поджог в Болтоне.

За поджоги в Мидльтоне судилось 6 человек. Против них не было никаких улик, и суд оправдал их. Прокурор немедленно предъявил им новое обвинение — в «дурном поведении» (?! — Г. Б.) и потребовал по 100 фунтов стерлингов залога. Четверо подсудимых представили этот залог. В августе месяце их судили снова, причем они получили по 2 года тюрьмы каждый. Двое не могли представить поручителей и их приговорили к 18 месяцам тюрьмы. Так стряпались обвинения и так карали «праведные судьи». За поджог фабрики в Вест-Хаугтоне судилось 13 человек: из них 9 мужчин, два мальчика 14 и 16 лет и две девушки 15 и 19 лет. Присяжные

нашли виновными только 4 из 13. Одного из мальчиков спасла от виселицы мать путем подставных свидетелей, показавших, что мальчика тащили против его воли. Четверо признанных виновными были осуждены на казнь: Джоб Флетчер, Томас Карфут, Джемс Смит и Абрагам Чарльзон (16-ти лет). Последний имел трех братьев-солдат и играл роль часового во время беспорядков.

За незаконную клятву 15 мужчин и мальчиков были приговорены к семи годам каторги в колониях. Двое были приговорены к семи годам каторги за нападение на фабрику в Ворсли и за кражу зерна и муки. Шесть женщин, одна девочка и один мужчина за беспорядки в Мидльтоне получили по шесть месяцев тюрьмы. Всего суд осудил 58 человек, из них 8 человек к повешению. Они были казнены 12 июня 1812 г. 17 человек приговорены были к ссылке на семь лет каторги, 7 человек на 6 месяцев тюрьмы каждый; 20 человек были оправданы. Все приговоренные к казни, за исключением 16-летнего мальчика, выказали «полное равнодушие и безразличие» к эшафоту и отказались от услуг попа. 27 августа происходил суд над 38 луддитами, спровоцированными манчестерской полицией и ее руководителем Надином. На требование обвинителя осудить всех 38 арестованных присяжные заявили, что подсудимые были спровоцированы шпионами. Суд оправдал их всех, к нескрываемому сожалению манчестерских властей. Впоследствии Надин долго добивался вознаграждения за свои «услуги». В марте 1814 г. министерство внутренних дел выдало ему 300 фунтов за его провокаторскую работу среди луддитов.

VIII. ЛУДДИТЫ ИОРКШИРА

Луддитское движение в Иоркшире началось одновременно с движением луддитов Ланкашира и затянулось до лета 1812 г. Суд над иоркширскими луддитами начался в январе 1813 г. и был более суровым и беспощадным, чем в Ланкашире. Центральным районом луддитских волнений был Вест-Райдинг, где сконцентрированы квалифицированные рабочие-стригальщики и ворсальщики сукна и шерсти. Введению машин здесь предшествовал трехлетний неурожай. Материальное благосостояние иоркширских текстилей было сильно подорвано продовольственным кризисом. Ноттингэмские луддиты распространили свою пропаганду на Иоркшир. Первые открытые выступления луддитов начались здесь в феврале 1812 года в округе Гудерсфильд. Иоркширские луддиты в своих «предупредительных письмах» подписывались именем «генерала Снипширс» (Овцереа).

В своих письмах к предпринимателям «генерал Снипширо и его люди» предлагали убрать стригальные рамы под угрозой разрушения фабрики и жилища. 15 марта судья Гудерсфильда Джозеф Радклиер сообщил министерству внутренних дел, что 11 домов уже пострадали. Правительство, занятое подавлением волнений в других частях королевства, не смогло во время прислать войска. Атакующие луддиты несли «молот Эноха», изготовленный фирмой Эноха и Джонса Тайлора, строивших стригальные рамы. Йоркширские луддиты распевали песню молота:

«Великий Энох еще ведет авангард!
Остановите его, кто смеет! Остановите его, кто может!
Нажимай вперед, каждый храбрый человек,
Чесалками, копьями и ружьями.
О, стригальщики, ребята за мной!
Бравые ребята, за мной!
Все, кто тяжелым ударом
Разбивает стригальные рамы,
Ребята-стригальщики за мной!» и т. д.

15 марта на Тайлор-Холъм, около Гудерсфильда в заведении Вакермана были уничтожены 10 рам и 30 пар ножниц. 24 марта в Райдоне подверглась нападению фабрика Томпсонов, ее машины были разбиты. На следующий день у предпринимателей Диккинсон было разрезано на куски сукно. Ужас охватил фабрикантов. Судья в Хорбюри советовал хозяевам спрятать машины, но один предприниматель не послушался. Ночью к нему явились луддиты, связали двух его сыновей, а двух других заставили открыть мастерскую. Луддиты уничтожили здесь все ножницы и части стригальных машин.

11 апреля 1812 г. нападению подверглась фабрика Вильяма Картрайта в Рауфольдс-Ливерсэдж. Перед этим была разрушена его же фабрика в Хартсхидмуре. Фабрика в Рауфольдсе была заранее укреплена Картрайтом. Нападение луддитов было хорошо и тщательно организовано. 150 человек с мушкетами, пистолетами, копьями и пиками собрались из Галифакса, Гудерсфильда, Ливерсэджа, Гекомонвика, Клекхитона и других мест. Атака была отбита. Было много раненых. Картрайт захватил двух смертельно раненых и запретил оказывать им помощь до тех пор, пока они не согласятся выдать своих товарищей. То были Самуэль Гартли из Галифакса, 24 лет, стригальщик, рассчитанный с фабрики Картрайта, и Джон Бутс, 19 лет, сын местного священника из бывших рабочих. Джон Бутс был ученик оружейной мастерской, был знаком с учением Роберта Оуэна и примкнул к

луддитам, благодаря своему другу Джорджу Меллору, впоследствии повешенному. Картрайт оставил обоих юношей в предсмертной агонии вне Рауфольдса. Начала собираться возмущенная жестокостью Картрайта толпа. Вопреки запрещению фабриканта, Бутсу омочили губы свежей водой, а задышавшемуся Гартли положили камень под голову. Картрайту пришлось отказаться вынудить показания от умирающих. Раненых забрали на фабрику, потом их перенесли в гостиницу «Звезда», в Робертауне. Солдаты разбегались вокруг гостиницы, разгоняя толпу рабочих, среди которых упорно держался слух о жестоких пытках над умирающими. Умирая, Бутс позвал к себе попа Робертсона, помогавшего Картрайту пытать у умирающих имена их соучастников. Бутс спросил попа, может ли он держать тайну. Ожидая узнать «тайну исповеди», поп ответил, «Да, могу». «Я также», ответил Бутс и умер, никого не выдав. Умершего Гартли хоронили в Галифаксе; огромная демонстрация рабочих сопровождала гроб молодого луддита. Местный викарий отказался служить панихиду и послал вместо себя младшего священника, вызвав этим большое недовольство. Через день состоялись похороны Бутса. Тысячи рабочих и ремесленников пришли проводить гроб стойкого и мужественного луддита, но власти не разрешили демонстративные похороны. Прокламация, озаглавленная: «Мщение за кровь невинных», была расклеена во многих местах. Через три дня Картрайт давал показания суду против солдата, отказавшегося стрелять в рабочих. Солдат этот получил 300 плетей, хотя сам Картрайт безуспешно ходатайствовал о снисхождении. По возвращении из суда, Картрайт был обстрелян двумя неизвестными. В тот же день в Локвуде был произведен выстрел и брошен камень в окна здания, где помещался судья Армитэйдж. Объявленная властями награда в 1000 фунтов стерлингов за разоблачение участников рауфольдского возмущения не имела никаких последствий. 28 апреля был застрелен фабрикант Вильям Горсфольс из Марседена, возвращавшийся с рынка из Гудерсфильда. Убитый был активным организатором «секретного комитета фабрикантов по борьбе с незаконным разрушением машин и стригальных рам». За обнаружение убийц была объявлена награда в 2 000 фунт. ст. Впоследствии был арестован главный убийца этого фабриканта, Джордж Меллер, 22 лет, друг Бутса, умершего от ран при нападении на фабрику Картрайта.

К началу зимы тюрьмы Йоркшира заполнились арестованными луддитами. 2 января 1813 г. в Йоркском замке открылся суд. Картрайт получил по подписке от фабрикантов 3 000 фунтов стерлингов. В 1815. г. правительство отблагодарило

его выдачей 300 фунтов стерлингов. Только провокатор Бенджамен Валькер тщетно добивался получения обещанной награды в 2000 фунтов стерлингов за обнаружение убийцы фабриканта Горсфольса. Из сыщиков один Оливер хорошо зарабатывал, но и ему приходилось скрываться. 18 января и 1 февраля 1813 г. принц-регент выпустил две королевских прокламации к населению с призывом к спокойствию, обещая добровольно раскаявшимся луддитам снисхождение. На этот провокационный призыв короны откликнулись только одиночки. В защиту луддитов в парламенте выступил, как известно, лорд Байрон. Поэт протестовал против законопроекта о смертной казни за разрушение машин, ставшего законом в марте 1812 г.

Среди луддитов распространялось письмо Вильяма Коббета. О влиянии политических идей на луддитов свидетельствует ряд фактов. Вот некоторые из них.

В Йорке судили шесть галифакских луддитов — Джона Байнес 66 лет, его сына Захария Байнес 34, Вильяма Блэксборо 24 лет, Джорджа Дуксворта 23 лет, Чарльза Мильнеса 28 лет. Джон Байнес старший был демократом республиканцем, лидером демократической революционной организации в Галифаксе. На митинге луддитских организаций в демократическом клубе он произносил пламенные речи против «богачей, вампиров, ожиревших от пота и крови рабочих». «Они хотят задушить нашими руками французскую свободу, — говорил он, — все земли, должности и пенсии захвачены ими, а рабочие в это время прозябают... Да здравствует борьба против угнетателей! Да здравствует демократия!». В отличие от демократических присяжных Ланкашира, отличавшихся мягкостью, в суде специальной Комиссии, заседавшей в Йоркском замке, состав присяжных был подобран исключительно из дворянства и аристократии. Он состоял из 4 баронетов, 17 эсквайров и одного виконта, занимавшего кресло председателя. 5 января 1813 г. судились Джон Сваллоу, Джон Батли, Джозеф Фишер и Джон Лэм по обвинению в разгроме 3 июля предыдущего года дома Самуэля Максона в Верхнем Витли и в краже принадлежащих Вильяму Максону вещей. Подсудимые отрицали свою виновность. Основу обвинения составляли показания полицейских. Все подсудимые были признаны виновными, один только Лэм — заслуживающим снисхождения. На основании провокаторских показаний Бенджамэна Валькера по обвинению в убийстве фабриканта Горсфольса, судились 6 января 1813 г. Джордж Меллер, Вильям Торн и Томас Смит. Подсудимые категорически отрицали свою вину. Все они были приговорены к повешению. Приговор был приведен в исполнение. В

этот же день разбиралось дело Джона Идена, обвиненного в принуждении Ричарда Хадельса ко «вступлению в ассоциацию, общество и конференцию, образованные для нарушения общественного спокойствия». Иден был признан виновным. Джон Байнес старший, Чарльз Мильнес, Джон Байнес младший, Вильям Блэксборо, Джордж Дуксворт и Захарий Байнес обвинялись за принуждение к незаконной клятве Джона Макдональда, провокатора, подосланного констеблем Надином из Манчестера. Подсудимые были оправданы. 9 января судились Джон Кэй, Джонатан Дин, Джон Огдан, Джеймс Брукс, Донан Бук, Томас Брук, Джон Валькер и Джон Хирст за разрушение фабрики Картрайта в Ливерсэдже. Присяжные оправдали Джеймса Брука, Джона Брука и Джона Хирста. Джон Хей, Томас Брукс и Джон Вальнер были признаны виновными. 11 января Джон Брук судился по другому делу — по обвинению в нападении на дом Бенджамэна Стриккланда в Киркс-Хитоне 4 октября 1812 г. Он был оправдан. Джон Хэй, Джон Хилл и Вильям Хартли судились в тот же день за нападение на дом Джорджа Хэй в Скиркоте 29 апреля 1812 г. Они категорически отрицали свою виновность. Присяжные признали их виновными.

12 января слушалось дело некоего Старкея по обвинению в «дурном поведении» и в подговоре двух лиц 5 сентября 1812 г. поджечь фабрику Вильяма Картрайта в Ливерсэдже. Дело было отложено и подсудимый освобожден под залог.

Тогда же суд рассматривал дело группы луддитов (Самуэля Бутс, Джорджа Брукс из Далтона, Джорджа Лоджа и Джорджа Шефильда), участвовавших в уничтожении семи стригальных рам, 24 пар ножниц и одной стригальной доски у Джона Хирста в Лингли и в порче инструментов у Джеймса Бальдерстона в Литвойне. В тот же день было рассмотрено дело Джеймса Варли, Джозефа Тортона, Джорджа Брукса, Джорджа Бюлмонта, Абрагама Артайтэйджа, Самуэля Хей, Бенджамэна Тичлифа, Джона Тайлора и Роберта Фиттона, виновных в нападении (18 мая 1812 г.) на дом Вильяма Ньютона в Фульстоне и в краже у него трех ружей и одного пистолета. 16 января 1813 г. взойшли на эшафот следующие луддиты: Джон Сваллоу, Джон Батли, Джозеф Фишер, Джон Хей, Джон Хилль, Вильям Хартли, Джеймс Хей, Джозеф Кроутер, Натан Хайль, Джонаган Дин, Джон Огден, Томас Брук, Джон Валькер. Осужденные шли на казнь с пением религиозных песен. Трупы Джорджа Меллоро, Вильяма Торна, Томаса Смита, казненных 8 января, были взяты для вскрытия и охранялись полицией из боязни их похищения луддитами. Джозеф Краутер на эшафоте крикнул собравшейся толпе: «Прощайте, ре-

бята!» Лэм был помилован и сослан на вечную каторгу. 16 января 1813 г. суд кончил свое кровавое дело.

Луддизм умирал. На сцену поднимался классово-сознательный рабочий. Луддизм был подготовительной ступенью в ходе классовой борьбы на заре промышленного переворота.

Луддизм не носил узко-заговорщицкого характера. Он был, в общем, массовым движением. Вильям Коббет, выступая в защиту луддитов, отмечал, что секретная комиссия парламента «не нашла агитаторов». Вильям Коббет писал про луддитов: «Движение было собственным делом *самого народа*». Луддизм был стихийным движением рабочих и ремесленников в эпоху перехода от ремесла и мануфактуры к фабрике. То была первая оппозиция рабочего класса против капитала.

Отдельные акты луддизма проявлялись и в 1829 г., и в период 1837—1848 гг., и отчасти даже в 1860—1870 гг. Но эти акты уже не были массовыми.

Уровень классового сознания рабочих-луддитов, этой первой формы рабочей оппозиции, хорошо передает песня «О царе Паре», принадлежащая Эдварду Лид из Бирмингама. Она начиналась следующими строками:

«На свете есть царь, беспощадный тиран,
Не сказки страшной забытый кошмар,
Жестокий мучитель бесчисленных стран...
Тот царь называется Пар.
Рука его грозно протянута вдаль,
Рука у него лишь одна,
Но рабскую землю сжимает как сталь
И тысячи губит она».

* * *

Буржуазный историк Кеннингем в своем труде «Развитие английской индустрии и торговли» указывает, что «луддиты были выразителями озлобления рабочих против тех владельцев станков, которые из-за своего богатства или жестокосердия являлись предметом народной ненависти». Другой буржуазный историк, Поль Манту, также утверждает, что «озлобление рабочих было направлено не против самых станков, а против тех, которые владели ими».

«Борьба между капиталистами и наемными рабочими — писал Маркс («Капитал», т. I, гл. 13) — начинается с самого возникновения капиталистических отношений. Она свирепствует в течение всего мануфактурного периода. Но только с введением машин рабочий начинает бороться против самого средства труда, этой материальной формы существования капитала. Он восстает против этой определенной формы

средств производства, как материальной основы капиталистического способа производства». Указывая на то, что «массовое разрушение машин в английских мануфактурных округах в течение первых 15 лет XIX века, направленное в особенности против первого ткацкого станка и известное под названием движения луддитов, послужило анти-якобинскому правительству Сидмута, Кэстльри и т. д. предлогом для самых реакционных насильственных мер», — Маркс добавляет: «Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации».

Таким образом, для Маркса луддизм — одна из ранних форм и фаз классовой борьбы еще незрелого пролетариата. В свою очередь и Энгельс («Положение рабочего класса в Англии») рассматривает луддизм как один из фазисов рабочего движения, как своеобразную оппозицию рабочих, как первичную форму их протеста против ужасов эксплуатации. «Возмущение рабочих против буржуазии — писал Энгельс — началось вслед за развитием промышленности и прошло через различные фазы... Как рабочий класс, рабочие впервые восстали против буржуазии тогда, когда они силой воспротивились введению машин, что произошло в самом начале промышленного переворота».

Мы уже видели, что, наряду с разрушением машин рабочими ремесленных заведений и мелкими предпринимателями, пытавшимися остановить таким путем развитие своего конкурента — крупной фабрики, акты луддизма совершали и фабричные рабочие в своей стачечной борьбе, результатом которой нередко бывала организация профессиональных союзов и, стало быть, подъем рабочего движения на более высокую ступень.

Глава шестая

ДВИЖЕНИЕ ФЕРМЕРОВ В ОТМУРЕ (1801 — 1832)

Развитие суконных мануфактур в Англии увеличило спрос на шерсть.

Разрастались помещичьи овцеводческие хозяйства, которым нужны были пастбища. Росту помещичьих латифундий мешало старое общинное землепользование. И английское крестьянство приносится в жертву овцам. Еще в XVI столетии овцы, по выражению Томаса Мора, поедают крестьян. Послереволуционный парламент своими биллями об огораживании земель санкционирует экспроприацию крестьянства. Земля должна быть очищена от крестьян под «биф и бэкон», под луга и пастбища для овец и рогатого скота лэнд-лордов.

Насильственное огораживание земель и дренирование болот наталкивается на сопротивление сельской бедноты. Еще в 1636 г. раздается боевой клич «болотников» к мифическому «капитану Потопу»: «осушить кошельки богачей». Жестоко подавленное Кромвелем в 1653 г. движение болотников возрождается во второй половине XVIII в. В 1767 г. вспыхивают аграрные беспорядки в Ланкашире, на Гаут-Гентрских болотах. Болота эти кормили местную крестьянскую бедноту и батрачество своей рыбой, дичью, ягодами; на болотах рос камыш, из которого плелись корзины и т. д. и т. п. Борьба за общинные болота разворачивается с не меньшим, если не большим упорством, чем в эпоху великой революции. Люди с Гаут-Гентрского болота разбирали насыпи и путь, чтобы помешать проведению дренирования и огораживания.

Движение было подавлено с помощью войск. Аналогичные беспорядки вспыхнули при огораживании в деревне Маульден. Из Ковентри были двинуты войска для подавления бунта. В 1799 г. движение охватило сельские общины в Уильбэр-

стоне (Нортгэмптоншир), куда были отправлены кавалерийские части. Письма и отчеты того времени были заполнены жалобами на сопротивление крестьян огораживаниям. Сторонники огораживаний оправдывали их необходимостью отучить бедных «от лентяйства и пьянства», а также желанием... «усовершенствовать мораль бедных». Последним предоставлялось «добровольно» идти в рабство на фабрику, или — что то же — наниматься в батраки.

В 1801 г. герцог Мальборо и некоторые другие лэндлорды внесли в парламент билль об огораживании (для дренажа). 4 000 акров болот в нескольких приходах округа Отмур. Выделенная парламентом комиссия приняла этот билль, но расклейщик публикации акта об огораживании не был допущен к исполнению своих обязанностей в приходах Бекли, Оддингтон и Чарлтон. Он успел все же зачитать публикацию на церковном дворе и разбросать объявления по приходским дворам. Таким образом, публикация по закону считалась состоявшейся. Но в следующее воскресенье ни одна публикация ни в одном приходе не была допущена к расклейке. Так началась, по выражению историков фабианцев — супругов Гаммонд, «гражданская, социальная война в Отмуре».

Билль, принятый парламентской комиссией, не был проведен. Не потому, что им затрагивались интересы крестьян, а потому, что этот билль затронул интересы ряда местных крупных землевладельцев. Александр Крок, лорд майор Стедли и Вальткросс-Грина, и Джон Маккенесс, эсквайр, заявили, что их интересы как местных собственников были недостаточно приняты во внимание. На этом дело временно приостановилось. С 7 по 20 августа 1814 г. возобновлена была попытка расклейки упомянутого выше билля. Интересы местных лэндлордов были к этому времени согласованы с интересами герцога Мальборо. В двух приходах вооруженная толпа помешала, под угрозой смерти, расклейщику расклеивать публикации. Но лэндлорды добились все же своего и поделили землю отмурцев. Судьба отмурского крестьянства была решена. В результате раздела лэндлорд из окрестностей Отмура, подняв уровень реки Рей, провел новый канал около Отмура. Поля фермеров попали под угрозу наводнения. Крестьяне должны были бросить обработку своих полей. За два года фермеры понесли огромные убытки.

В июле 1829 г. доведенные до отчаяния фермеры поднялись и разрушили плотины. 24 фермера были преданы суду. Под давлением общественного мнения все они были оправданы. Суд признал за ними право протеста против «самодурства и нелепой затей» лорда. Оправдание 24 фермеров было принято отмурским крестьянством как признание незаконности всех

предыдущих актов об огораживании. 28 августа 1829 г. в Отмуре вспыхнули новые бурные беспорядки. Толпа фермеров двинулась на болото, ломая повсюду плотины. Сын упомянутого выше лорда Александра Крока с заряженным пистолетом вышел к толпе, приказывая ей разойтись. Возмущенные фермеры вырвали из рук молодого Крока пистолет и основательно намяли ему бока. Движение сразу приняло серьезный характер. Жители окрестных сел и мелкобуржуазное население городов, связанное с деревней, явно были на стороне бунтующих фермеров, уклонялись от присяги и призыва в милицию. Тогда главный шериф вызвал оксфордскую милицию. Кавалерия лорда Черчила была послана на усмирение в местечко Айслип. Население оказалось подготовленным к встрече усмирителей. 6 сентября тысячная толпа мужчин, женщин и детей из сел и местечек Отмура, вооруженная топорами, серпами, ножами, булыжниками и т. п. оружием, двинулась вдоль границ Отмура, разрушая на своем пути все имевшиеся изгороди. К полудню уничтожение изгородей и засыпка рвов были закончены. Командир прибывших войск прочел акт о мятеже, арестовал человек 60—70 и, после допроса, 44 из них, под конвоем, отправил в оксфордскую тюрьму. В это время в соседнем местечке Сент-Джайльс происходила ярмарка. Улицы были заполнены горожанами и селянами, в большинстве сочувствовавшими отмурским мятежникам. При проезде через Сент-Джайльс арестованные фермеры кричали: «Да здравствует Отмур!» Клич был подхвачен толпой, пустившей в ход палки и камни. Воспользовавшись нападением толпы на сопровождавший их конвой, все арестованные бежали. Власти в Отмуре фактически были бессильны справиться с движением, а оно продолжало развиваться и привело к образованию собственной организации — «Ассоциации Отмурцев». Ассоциация имела больше авторитета, чем местные власти. Она объявила, что общинные права в Отмуре принадлежат лишь местным жителям, а собственники, не проживающие в Отмуре, не имеют общинных прав. Ассоциация немедленно приступила к сбору денег для организации судебной защиты отмурцев на случай новых арестов. Между тем в Отмур были присланы новые войска. Бежавшие из-под ареста фермеры были вновь арестованы и преданы суду.

В городской судебной сессии в Оксфорде — Вильям Прайс и другие фермеры судились за бунт и содействие побегу арестованных отмурцев в Сент-Джайльсе. Под давлением общественного мнения оксфордский суд, признав обвиняемых «виновными в участии в незаконном сборище 6 сентября в Отмуре», постановил: — «По единогласному желанию присяжных заседателей рекомендовать всех участников мятежа

милосердному суждению верховного суда». Верховный суд приговорил трех мятежников к тюремному заключению на срок не более четырех месяцев.

В течение двух последующих лет, 1830 и 1831, в министерство внутренних дел поступали требования о присылке войск, исходившие от лордов Мэклесфильда, Александра Крока и других. Вплоть до 1832 г. в каждое полнолуние отмурские «патриоты болот» продолжали разрушение изгородей. В феврале 1832 г. мировые судьи Оксфорда приходили к выводу, что «никакие силы милиции, которые могла бы мобилизовать магистратура, не будут в состоянии усмирить отмурцев». Указывая на то, что местная милиция настроена явно сочувственно к мятежникам, мировые судьи просили правительство прислать войска, но предостерегали: — «не допускать, чтобы войска оставались долго вместе и общались с населением». Только при этих условиях экспроприаторы земель отмурского крестьянства и власти Оксфордшира надеялись разгромить гнездо революционного крестьянского восстания — «Ассоциацию Отмурцев». Занятое борьбой с другими движениями низов как в городе, так и в деревне, правительство не сразу справилось с отмурцами. Вслед за поражением революционного движения в городе, было потоплено в крови и движение сельских низов.

Чем объясняется неудача крестьянских восстаний в Англии конца XVIII и начала XIX вв. Ответить на этот вопрос — значит ответить в известной мере и на другой, более общий вопрос, почему демократическая революция, назревавшая в тогдашней Англии, не стала фактом.

В отличие от французского феодализма кануна великой революции, английское феодальное землевладение в чистом виде уже давно прекратило свое существование. Еще с XIV в. начинается проникновение капитализма в английскую деревню. Феодалы льют горькие слезы по поводу скупки земель новыми лэндлордами из буржуазии. Процесс выветривания феодального землевладения и нарастания нового лэндлордизма, связанного с капитализмом, шел, начиная с XVI в. всевозрастающим темпом. Реформация XVI в., революции 1642—1660 и 1688 гг. лишь подготовили почву к решительному аграрному перевороту XVIII—XIX вв. Следовательно, беднейшему английскому крестьянству приходилось в XVIII—XIX вв. бороться уже не против феодалов старого типа, как во времена Виклифа, Уота Тайлора, Кета, а против обуржуазившегося лэндлорда, против капиталистического фермера и отчасти против остатков церковного феодализма. Во французской революции крестьянство и буржуазия совместно боролись против феодализма и абсолютизма, хотя крупная

буржуазия и боялась углубления крестьянской революции. В Англии буржуазия в основном была уже господствующим классом. Там «аристократия золота сливалась с аристократией земли» (Маркс). Естественно, что в Англии борьба за землю одновременно превращалась в борьбу против капитализма. Именно отражением этой борьбы являются аграрные идеи Томаса Пэна, Томаса Спенса, Вильяма Коббета, О'Брайена, О'Коннора и других тогдашних идеологов самостоятельных производителей города и деревни, погибавших под ударами аграрного и промышленного переворота. Однако, в условиях раннего «мирного» прихода к власти английской буржуазии путем компромисса с феодализмом за счет крестьянства, крестьянские движения этой эпохи исторически были обречены на поражение. Поражение было тем более неизбежно, что налицо были такие крупные отрицательные факторы, как территориальная разбросанность крестьянских восстаний, их слабая организованность, отсутствие политически зрелых вождей. Особенно неблагоприятное значение имело то обстоятельство, что революционное движение в деревне протекало без достаточно тесной смычки с революционным движением в городе и не имело руководства со стороны какого-либо другого класса. Этим классом не могла быть крупная буржуазия, заинтересованная в разгроме крестьянства не менее, чем земельная аристократия. Этим классом не мог быть пролетариат, еще не ставший к тому времени классом для себя.

Обрываясь поражением 1831—1832 гг., движение против лэндлордизма оживает вновь — и могучей струей вливается в чартизм. «Большой северный союз» О'Коннора охватывает не только рудокопов, ткачей, кустарей-полукрестьян, но и значительные массы сельскохозяйственных рабочих. С своей стороны, так называемый «торийский чартизм» (Стифенс и др.) своей социальной базой имел гибнущую английскую деревню.

Глава седьмая

ВОССТАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ («СВИНГ») В 1830—1832 гг.

Если движение против машин в 1810—1813 гг. прошло под знаком мифического «генерала Лудда», то восстание сельскохозяйственных рабочих в 1830 г. протекло под не менее таинственным и анонимным руководством «Свинга». Слово «Свинг» означает качели и виселицу. Для сельскохозяйственного пролетариата того времени действительно был один только путь: или вымирать от голода, или качаться на виселице в качестве «бунтовщика», браконьера, поджигателя. Но это же страшное слово напоминало лэндлордам и богатым фермерам о возможности и для них оказаться качающимися на перекладине в случае победы сельского пролетария. Восстание «Свинга» было более всеобщим и более серьезным, чем все аграрные волнения 1795—1816 гг. Оно превосходило своим размахом и восстания «болотников» в 1636—1654 гг. Движение охватило несколько графств на юге Англии. Лондон был в панике. По выражению историков Гаммондов, «народная дипломатия посылала своим классовым врагам ноты, звучащие довольно красочным языком пламенеющих, багрово-огненных небес и разбитых фабричных станков и с.-х. машин». Паника среди лэндлордов доходила до того, что герцог Букингэмский говорил об Англии как о стране, уже находящейся в руках мятежников. Член парламента Баринг заявил в палате общин, что «если бы беспорядки продлились на три-четыре дня дольше, то восстание было бы вне досягаемости какой бы то ни было власти, могущей его контролировать», т. е. подавить его.

Причины восстания коренятся в исключительно тяжелом положении сельских рабочих, этой наиболее обездоленной части английского пролетариата того времени.

Их заработная плата была ничтожно мала. Фермеры соглашались увеличить заработную плату лишь при условии уничтожения сбора десятины в пользу церкви и снижения арендной платы лэндлордами. Лэндлорды же категорически отказывались от этого. Напрасно требовали батраки от лэндлордов, викариев, епископов и судей выполнения фермерских требований. Упорство лэндлордов толкает в ряды восставших и часть фермеров. После подавления движения десятки фермеров пойдут на каторгу, наравне с батраками и поденщиками.

Первые аграрные волнения произошли в том самом Кенте, в котором некогда йомен считал себя «стоящим выше, чем испанский дон, немецкий граф и французский маркиз». На западе этого графства, в Орпингтоне и Севен-Оксе, в течении всего лета полыхали тревожные огни. То красный петух крестьянской революции подавал сигналы. В одном случае батраки сожгли дом землевладельца, ставшего особенно ненавистным за снесение коттеджа, построенного на общинной земле, и выселение всех его обитателей на улицу. Первый открытый бунт начался 29 августа 1830 г. в Гардере. Здесь 400 сельскохозяйственных рабочих разломали несколько молотилок. Мировой судья этого местечка осуждал введение с.-х. машин; когда же рабочие стали ломать молотилки, он обрушился на них с угрозами и репрессиями. В отместку за такую лицемерно-двойственную политику, рабочие сожгли принадлежащие судье скирды.

Начавшиеся беспорядки имели много различных причин. Введение с.-х. машин выбрасывало на улицу ручных молотильщиков цепями, косарей и т. п. Огораживание земель разоряло крестьянство, оно же способствовало росту безработицы и понижало уровень заработной платы работающих. Кроме того, огораживания лишали сельских рабочих коттеджей права охоты на пустошах, права собирания шишек и валежника в лесах. Демократ Коббет причину падения заработной платы и роста нищеты сельских рабочих видел в механизации, в аграрном и промышленном перевороте, а также в эмиграции экспроприированных английскими лэндлордами ирландских крестьян, тысячами хлынувших в промышленные и сельскохозяйственные районы Англии. Буржуазия, разделяя взгляды ученого попа Мальтуса, причину всех бед видела, конечно, не в самом способе производства, а в абсолютном перенаселении и якобы чрезвычайной плодовитости рабочих. Она выдвигала проект перенаселения избыточного населения Англии в колонии — в Австралию и в Канаду.

Разрушение молотилок, начавшееся в августе 1830 г., продолжалось и в течение сентября. В первых числах октября

вспыхнул бунт в Лимендже. Констабль Эдуард Натчболл и поп Прайс успели арестовать вожakov. Скирды попа Прайса в отместку за это были сожжены. Никакие объявления о крупных наградах за информацию о «Свинге» не были в состоянии деморализовать движение. В течении всего второго месяца беспорядков скирды, копны, стога продолжали гореть.

Угрожающие письма неуловимого и таинственного «Свинга» наводили ужас на лэндлордов, попов и зажиточных фермеров почти всей Англии. Главный шериф Кента отправился на один из митингов сельских рабочих с целью договориться с ними. Его выслушали вежливо и внимательно, но перед закрытием митинга один из его активных участников заявил шерифу: «Мы разрушим хлебные скирды и молотилки в этом году. В следующий год мы возьмемся за священников, а в третьем году мы объявим войну государственным деятелям».

24 декабря семь арестованных рабочих судились за разрушение молотилок. Будучи признаны виновными, они отделались однако сравнительно мягким приговором — 3-дневным заключением плюс напутственное правоучение упомянутого выше Натчболла. Кентские власти боялись озлобить рабочих суровыми приговорами, боялись мести со стороны «Свинга».

В октябре аграрные беспорядки продолжались в округах Мейдстон и Ситтингборн. Туда были высланы войска. Батраки Мейдстона требовали полкроны (2 шил. 6 пенсов) почасной заработной платы, они требовали предоставления им постоянной работы. В Стокбэри сельские рабочие демонстрировали с трехцветным знаменем французской революции — дело происходило в 1830 г. — и с черным флагом. Хотя аресты производились без сопротивления, но все же на всякий случай была вызвана артиллерия. В то же самое время, из-за низкой заработной платы, вспыхнули беспорядки и в Сессексе. К середине октября рабочие оказались хозяевами положения почти по всей территории между Лау-Мэдстоном, Хитсом и Брайтоном.

Движение носило довольно организованный и планомерный характер. В Сессексе дело началось 3 ноября с пожара в Батле. Реакционеры и помещики приписывали поджоги влиянию печатной и устной агитации Вильяма Коббета, пользовавшегося среди сельских рабочих огромной популярностью. Поджоги оказали давление на землевладельцев. 5 ноября сколо Рея, в Бриде, состоялось совместное заседание делегатов от рабочих и крупных фермеров. Последние согласились уплачивать рабочему с 4 членами семьи по 2 шил. 3 пенса в день со дня соглашения до 1 марта и по 2 шил. 6 пенсов с 1 марта, по 1 октября, а равно удалить из прихода одного особенно ненавистного собственника.

Таким образом, одно из требований «Свинга» было удовлетворено полностью. Разрушение машин прекратилось немедленно. Бэрвап, Тайс, Херст, Хисфильд, Варблетон, Найнфильд, Мейфильд и ряд других приходов приняли программу соглашения в Бриде. Ободренные этой победой рабочие и мелкие фермеры начали добиваться отмены церковной десятины и снижения арендной платы. Успех «коллективного договора» в Бриде оказал свое влияние на соседние приходы, где рабочие начали выселять пришлых землевладельцев, при явном сочувствии и нейтралитете части фермеров. В Мейфильде 3000 рабочих устроили демонстрацию и распространяли прокламации «Свинга». Прокламации требовали «для женатых 2 шил. 3 пенса в день, а если женатый рабочий имеет более 2-х детей, то 1 шил. 6 пенсов добавочно на каждого ребенка». Для совершеннолетних дочерей и сыночек рабочего те же листовки требовали, «чтобы они могли сами зарабатывать себе пропитание трудом и получать по 1 шил. 9 пенсов в день на каждого холостого человека». Листовки заявляли, что «Свинг» будет бороться также за снижение арендной платы. «Мы будем все за одного, мы будем держаться друг за друга», — заявляли рабочие. Лэндлорды, крупные фермеры и церковники впали в смятение и бешенство. Более дальновидные землевладельцы предпочитали предотвратить беспорядки путем переговоров с рабочими, надеясь избежать таким образом получения «подметных» и «предупредительных» писем от «Свинга». Лорд Гэйдж в Рингмере (Сессекс), главный землевладелец округа, пригласил к себе руководителей «Свинга» для переговоров. В виду арестов, произведенных ранее мировыми судьями, никто из вожakov не отозвался на это приглашение. Сквозь кольцо собравшихся вокруг замка рабочих лорду бросили письмо, в котором он нашел жалобы и требования батраков. Приходский совет поспешил гарантировать выполнение лордом требований «Свинга», и батраки с громкими криками радости мирно разошлись по домам.

Заключение местных соглашений было крупнейшей тактической ошибкой руководителей «Свинга». Борьба немедленно прекращалась и переносилась в другой район. Слабым пунктом движения было отсутствие ясного понимания необходимости вести борьбу не в районном, а в общенациональном масштабе. Начав с требования минимума заработной платы, надо было идти дальше — вплоть до полного уничтожения лэндлордизма. Отсутствие такой программы у руководителей облегчало правительству подавление движения.

Заинтересованные в уничтожении церковной десятины, в снижении арендной платы и в уничтожении хлебных законов, мелкие арендаторы отказывались от участия в подавлении

восстания «Свинга». В Мэдстоне, в Кронбруке, в Тоунбридже и в ряде других мест фермеры отказывались идти в констэбли. Мировой судья в Баттле сообщает министру внутренних дел о своем намерении снизить арендную плату в надежде, что фермеры согласятся тогда поступить на службу в милицию. Даже береговая охрана по борьбе с контрабандой считалась ненадежной. Несмотря на все это, правительство продолжало добиваться беспощадного подавления движения. Несколько мировых судей получили жестокую нахлобучку и строгий выговор за мягкотелость, нерешительность и уступчивость, якобы проявленные ими по отношению к рабочим. В Хорсхаме рабочие, под руководством сплоченной и крепкой группы радикалов и при почти всеобщей поддержке городских жителей, прибегали к «решительным мерам». Местный судья изображал Хорсхам как «раскаленное гнездо восстания». Попытки реакционеров спровоцировать участников движения на погромные беспорядки не удались. Весь округ был охвачен аграрными волнениями. Среди получивших угрожающие письма был между прочим сэр Томас Шелли из Бильд-Плэса. Письмо, полученное им интересно тем, что оно содержало революционную песнь его знаменитого сородича, поэта Б. Шелли, которая начиналась следующими словами:

«Британцы. Зачем вы волочите плуг
Для лордов, что в тесный замкнули вас круг?»

Революционная поэзия Байрона, Шелли, Эллиота, Томаса Гуда проникала, как видим, в недра народных масс.

До середины ноября восстание ограничивалось Кентом, Сессексом и Серрей. Затем оно начинает распространяться не только на запад от Сессекса, но и на Беркшир, Гамшир и Вильтшир. 22 ноября 1830 г. герцог Букингэмский писал из Абингдона (в Гамшире), что «эта часть страны всецело в руках мятежников». «1500 бунтовщиков — сообщил он — сегодня держали митинг, наложили тяжелую денежную контрибуцию и собираются атаковать фермы, в которых имеются молотилки». Герцог забыл упомянуть, что мятежники собирались атаковать фермы за отказ их владельца платить выдвинутый «Свингом» минимум заработной платы.

В Гамшире аграрное движение сопровождалось аграрным террором и значительным разрушением собственности помещиков.

Самым выдающимся и замечательным в Гамширском восстании было разрушение ненавистных «работных домов» в Сельсборне и Хидли. В Сельсборне толпа двинулась к дому викария и заставила его подписать согласие на снижение

размеров десятины. Рабочих поддерживали фермеры, соглашавшиеся увеличить заработную плату при условии снижения десятины. «Работный дом» в Сельсборне был разрушен. После этого рабочие двинулись к «работному дому» в Хидли, обслуживавшему приходы Хидли, Брамшота и Кингсли. В Хидли фермеры спокойно наблюдали за разрушением «работного дома». Работные дома были им так же ненавистны, как и рабочему, ибо они должны были платить налог в пользу бедных, а также на содержание этих домов. Руководителем Гамширских повстанцев был бывший содержатель харчевни — колесник Роберт Хольдэвей. В Фордингбридже руководимые Купером рабочие разбили машины в льняной промышленности и в мануфактуре по производству молотилок. Этот Купер пользовался огромной популярностью, он стал легендарным героем движения, многие современники думали, что он то и есть «Свинг». Сам Купер принял титул «капитана Хунта» (т. е. — стрелка, охотника). По своему социальному положению он был сельскохозяйственный рабочий, а в прошлом — солдат. Недалеко от Андовора действовала другая толпа рабочих под руководством рабочего Джильмора, также из бывших солдат. Вообще, бывшие солдаты играют нередко руководящую роль в рабочем движении этой эпохи. В Вильтшире было разрушено несколько частных зданий, но молотилки не были разрушены. В Вильтоне толпа, под руководством 18-летнего подростка Джона Дженигса, сосланного впоследствии в ссылку, в Новый Южный Уэльс (Австралия), разрушила шерстяную фабрику. Юноша, по его словам, хотел разбить машины, для того «чтобы дать больше работы бедным людям».

Аграрное движение, как видим, иной раз тесно переплеталось с движением в городе. В Квидхамтоне толпа рабочих во главе с 17-летним подростком Джоном Фордом напала на суконную фабрику. Небезынтересен бунт с.-х. рабочих в Пайнхаузе, представителем которого в парламенте был Беннет, «защитник бедных». Рабочие Тьюсбери потребовали 2 шиллинга в день. Не получив удовлетворения, они разбили молотилки и двинулись в имение Беннета. Последний встретил рабочих верхом на лошади, поздоровался с ними и некоторое время ехал вместе с двигавшейся к его поместью толпой. Рабочие вежливо, но твердо изложили «защитнику бедных» свои требования. Беннет пытался деморализовать их, доказывая, что они не должны доверять друг другу, так как любой из них немедленно получит за «информацию» 500 фунтов. Маневры Беннета не удались: «защитнику бедных» ответили разгромом многочисленных молотилок. В самого Беннета, вступившего в грубую перебранку, полетели камни. Подоспевшая кавале-

рия открыла стрельбу. Один рабочий был убит, шестеро ранены. Кроме того, было произведено много арестов.

Случалось, что командиры воинских частей, чтобы создать повод для вооруженного подавления движения, сами проводили через своих агентов вымогательство денег, грабеж и даже поджоги. Вожди и руководители аграрного движения вели решительную борьбу против подобной провокации. Их «подметные письма» говорят о классовых задачах — защите прав и интересов батрака. Между тем власти продолжали политику подкупов. В здание суда в Хунгерфорде прибыла делегация свингов во главе с плотником Вильямом Окли. Судья принял их требования, выдал им по 5 фунтов каждому, а также выдал деньги волновавшейся толпе в самом Хунгерфорде.

Этот метод подкупа действовал на массу деморализующе, к нему стали прибегать и другие судьи. Взбешенные упорством мятежных батраков — свингов — газеты вигов и тории изображали бунтующих рабочих гуннами, а мифического «капитана Свинга» — Аттилой.

Зимой 1830 г. в Кенте зажиточные фермеры и многие лэнд-лорды вынуждены были несколько увеличить заработную плату своим батракам. Снижение арендной платы и десятины прошло по всей южной Англии. Но одновременно с этим усиливались и репрессии.

Несмотря на то, что все тюрьмы были переполнены участниками аграрных беспорядков, движение не было подавлено, оно перебрасывалось на запад, к Дорсету и Глочестерширу и на север в Бэкингамшир. В Бэкингамшире и в Гайвакомби аграрные бунты сливались с фабричными беспорядками, безработные громили молотилки и машины. В Бенсингтоне (Оксфордшир), после разгрома молотилок, была устроена демонстрация против огораживаний. Демонстранты заставили крупного землевладельца Ньютона отказаться от попыток вновь обеспечить себе проведение парламентского «акта об огораживании». В Стотфильде (графство Бедфордшир) произошел бунт, усмиривший сотней переброшенных туда констеблей, которые арестовали вожakov. Аграрные волнения пронеслись по Норфольку, Суффольку и Эссексу. В Кэмпбриджшире происходили митинги рабочих с требованием повышения заработной платы и, иногда, не без успеха. В Девоншире агитация за повышение заработной платы поддерживалась фермерами. Даже графство Герифорд, известное как «самое покорное и мирное», не осталось в стороне от аграрного движения. В Нортгемптоншире стояло зарево пожаров, восстания происходили вокруг Гитерборо, Суидли и Веллингборо. Поджоги стогов сена распространялись и севернее, до Карлейля.

В Мидлэнде ожидали всеобщего восстания. Письма «Свинг» были распространены также в Йоркшире и в Линкольншире. Они предлагали рабочим «пробудиться ради своего собственного дела и собственных интересов».

«Таймс» завопил о «благоразумии богачей», но правительство держалось иного мнения. Оно и не думало об уступках. Подстрекаемые министерством мировые судьи разгоняют рабочие митинги и бросают их участников в тюрьму. Рабочие продолжали однако собираться. Их многолюдные ночные собрания с пылающими факелами, при кострах, в лесах и на болотах производили потрясающее впечатление на нервы помещиков и растерявшихся местных властей. Подавив движение в городах, правительство приступило к систематической военной кампании против «Свинга».

Аграрное движение было разгромлено. Началась расправа. Были введены суды специальных комиссий, судившие по законам военного времени. Казалось, вся Англия превратилась в сплошной судебный участок, казалось, на скамье подсудимых сидел весь сельскохозяйственный пролетариат. С помощью ложных свидетельств и провокации сотни невинных людей были осуждены. Одна только специальная комиссия в Винчестере судила в общей сложности 1000 человек батраков и фермеров, 700 из них были из Гамшира и Вильтшира. Всего в Винчестере было осуждено 267 человек, 95 осужденных умерли в тюрьме, 6 были повешены, 5 сосланы на вечную каторгу, 31 приговорены на семь лет поселения, 62 на разные сроки каторжных работ, 3 были оштрафованы и 65 оправданы. И это несмотря на то, что из помещиков никто не был даже серьезно ранен «бунтовщиками»! Винчестерский варварский приговор вызвал в городе глубочайшее возмущение. Местная общественность подала королю петицию о помиловании. Эта петиция спасла жизнь четырем свингам. Вожди движения, Купер и Кук, были казнены. На суде рабочие держались мужественно, стойко. Измен и просьб о пощаде не было. Все обвиняемые подчеркивали законность своей борьбы за «право на труд», за минимум заработной платы и максимум продовольственных цен. На трех кораблях было сослано в Австралию и Тасманию всего 457 участников восстания Свинг: из графства Беркшира — 44, Гамшира — 100, Суффолка — 7, Бэкингамшира — 29, Хента — 5, Сессекса — 17, Дорсета — 13, Кента — 92, Вильса — 151, Эссекса — 23, Норфолка — 11, Оксфорда — 11, Глочестера — 24. Это — данные лишь о трех кораблях, сохранивших список своих пассажиров. Действительное число сосланных свингов было больше. Не забудем и о десятках убитых и сотнях раненых

при подавлении восстания, об умерших в тюрьмах до суда и о казненных по суду.

Два видных радикала, Ричард Карлайль и Вильям Коббет, выступили на защиту «Свинга» и обратились к подсудимым с письмами, напечатанными в газетах в конце 1830 г. Судебные процессы обоих были блестящим политическим выступлением против земельной аристократии. Ричард Карлайль писал батракам и фермерам, посаженным на скамью подсудимых: «И все же нет доказательств перед обществом, что вы поджигатели и политические мятежники. Так как всякий сознательный человек должен сожалеть о разрушении собственности и страдать от происходящих теперь поджогов фермерских продуктов, из этого делают вывод, что вы являетесь подстрекателями этих дел. Мы должны защитить вас и сказать, что вы имеете более справедливую и моральную причину для мятежа, чем любой король или любая партия, чьей те, которые даже войну ведут ради самой войны. На войне все разрушения собственности считаются законными, на том основании, что таков закон наций. Вы находитесь в положении воюющих. Почвой для вашей борьбы является нужда в самом необходимом для жизни. Вы видите груды пищи и вы голодаете. Вы видите производство разнообразной роскоши и бесполезную трату богатств, в то время как каждый из вас, способный к работе, не может добыть себе ни одного из жизненных удобств. Ни ваше молчание, ни ваше терпение не обеспечило вам должного внимания со стороны правительства. Чем более вы производили продуктов, тем более вас подавляли и вами пренебрегали, тем более вас попирали. Только теперь вы начали проявлять физическую силу так же хорошо, как и моральную, ибо ваши жестокие тираны угрожают вам и требуют от вас покорности. Ваши требования были настолько умеренны и справедливы, что всякие угрозы новых правителей задушить вас настолько же незаконны, насколько справедливо ваше сопротивление, сопротивление до гроба, на смерть. Жизнь за жизнь. Настаивайте на ваших умеренных и справедливых требованиях».

Этот замечательный документ был широко распространен среди сельскохозяйственных рабочих и зачитывался на митингах «Свинга». 10—11 января 1831 г. Ричард Карлайль судился за призыв к мятежу. Его судебная речь, длившаяся пять с половиной часов, была сплошным осуждением социально-политического строя Англии. Казалось, судили не его, казалось, он, как трибун народа, судил лэндлордов и правительство. Неотразимая логика его речи была настолько сильна, что присяжные дрогнули и вернулись из совещательной комнаты с заявлением, что они отказываются вынести какой

либо вердикт. Председатель суда послал их обратно «подумать», добавив, что он никуда их не выпустит, пока они не вынесут того или иного вердикта. И только под таким прямым давлением присяжные вынесли Карлайлю обвинительный приговор, но не за призыв к мятежу, а за напечатание послания. Карлайль был приговорен к штрафу и тюрьме. Его речь на суде закончилась шумными аплодисментами присутствующей публики. Он огласил речь уже осужденного рабочего, напечатанную в газетах 7 января 1830 г. Этот рабочий, рисуя свое экономическое положение, жалуется что его заставляют как холостого работать в два раза дешевле, чем семейного, и в то же время требуют, чтобы он работал больше других. Рабочий вскрывает классовые корни английского правосудия. «Закон сделан не для меня» — говорил он: «В каждом случае я чувствую жестокость закона, который отрицает за мной право на защиту. Спрашивается, удивительно ли, что закон потерял мое уважение»? Эта речь рядового участника «Свинга», сельского пролетария, показывает нам, каким языком разговаривали побежденные батраки со своими победителями-лэндлордами.

С более умеренной статьей выступил 11 декабря 1830 г. Вильям Коббет. Он судился за нее 7—8 июля 1831 г. «Не входя здесь в мотивы рабочего народа — писал он в своем журнале «Политикаль-Реджистр», — несомненно, что их действия производили добро. Им всегда говорили и говорят теперь те же лица, что и упомянутые ранее, что их акты насилия, и, в особенности, поджоги, не могут принести им пользы, но только увеличат их нужду через уничтожение продуктов, которые им необходимы для еды. Увы, они знают лучше, что одна молотилка отнимает заработную плату 10 человек. И они также знают, что они ничем не обладают из этой пищи, что картошка и соль не подожжены. Таким образом, этот аргумент не стоит и соломинки. Кроме того, они видят и чувствуют, что припасы прибывают непрерывно. Они не имеют хлеба, который они добывают из собранного зерна. В то время, как они видят все это, — тщетно пытаетесь убедить их, что то, что они сделали, — они сделали несправедливо».

Язык этого послания Коббета не блещет революционностью, которой отличалось выступление Карлайля. Коббет был оправдан. В своей речи на суде он доказывал, что стоит на почве конституции.

Движение «Свинга» было раздавлено. Энгельс посвятил ему несколько слов в своей вышедшей в 1845 г. книге о «Положении рабочего класса в Англии». Он приводит здесь следующий перечень причин, вызвавших аграрные волнения 1830 г.: 1) понижение заработной платы; 2) введение машин; 3) ре-

форма попечительства о бедных; 4) усиление береговой полиции, затруднившее контрабанду и разорившее жителей приморских районов. Подчеркивая решающую роль, сыгранную в этом движении сельскохозяйственными рабочими крупных имений, а также влияние июльской революции во Франции,— Энгельс делал следующий прогноз на счет дальнейшего поведения двух основных движущих сил «Свинга», батраков и фермеров: «Если фермеры сделаются либералами, т. е. сознательными буржуа, то поденщики неизбежно сделаются чартистами».

Прошло тринадцать лет, и Англия вновь оказалась ареной серьезных аграрных беспорядков. Правда, размах движения был уже не тот, что в 1830 г. В 1843 г. в Уэльсе пронесся бунт сельской бедноты, известный под названием «бунта Ревекки». Мужчины, переодетые женщинами и покрывавшие свои лица сажей, устраивали вооруженные нападения на деревни, игравшие роль застав, уничтожали помещения сборщиков дорожных пошлин, рассылали лэндлордам угрожающие письма и даже пытались взять штурмом ненавистный рабочий дом в Кермартене. Только после значительного усиления войск движение «Ревекк» было постепенно подавлено. Другим проявлением острого недовольства низов деревенского населения были пожары, почти ежедневно вспыхивавшие в графствах Bedfordshire, Cambridgeshire, Hertfordshire, Norfolk, Suffolk, Essex, Hertfordshire, Cheshire, Lancashire, Derby, Lincolnshire и некоторых других. Английская деревня вновь была окутана дымом горящих усадеб и хлебов. «Как нравится моим читателям, — восклицает Фридрих Энгельс, — такое положение в тихих и идиллических округах Англии? Можно назвать это социальной войной или нет?»

Особенно тревожным для власти имущих было то обстоятельство, что волнения в деревне совпали с новым революционным подъемом в городе. Ведь, дело происходило в разгар чартизма. А последний явно пытался перекинуть мост из города в деревню: достаточно указать на организованную О'Коннором «Земельную ассоциацию чартистов», которая, при всем утопизме своих целей и средств, могла в процессе дальнейшей борьбы стать центром движения деревенских низов против лэндлордизма. Этого не случилось потому, что чартизм был побежден.

Глава восьмая

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1816 — 1836 гг.

Годы 1815—1830 в истории Англии были годами бури и натиска. После разгрома революционно-демократического движения, возглавлявшегося корреспондентскими обществами, после кровавого подавления луддитских мятежей, казалось, наступила эпоха «успокоения». Но как ни свирепствовала реакция, она не могла все же помешать нарастанию предпосылок нового революционного подъема. Окончание наполеоновских войн не уничтожило кризиса, связанного с ломкой старой экономической структуры, но еще более обострило его. Десятки тысяч демобилизованных солдат и матросов еще увеличили собою огромную армию безработных, составленную из пролетаризированных ручных ткачей, разорившихся ремесленников и экспроприированных крестьян. Годы 1815—1816 были годами широкого распространения машинного производства. Эти же годы принесли и новый подъем экономического и политического движения низов. С новой силой возродились революционно-демократические идеи 90-х годов предыдущего века. Волна грандиозных митингов прокатилась по всем городам, везде выставляется требование избирательной реформы. Высшей точкой этого движения была демонстрация в Манчестере на Питерлоо 16 августа 1819 года, закончившаяся расстрелом рабочих и вызвавшая так называемый «заговор на Като-стрит» — покушение на министра Кэстльри, 1 мая 1820 года. Пять участников заговора — Тистльвуд, Ингс, Брент, Тидд и Давидсон были повешены в Ньюгетской тюрьме. Тистльвуд хотел отомстить за бойню в Петерлоо. На суде он следующим образом пытался обосновать тактику революционного террора: «Наши деяния клеймят названием безнравственных. С каких это пор, однако, устранение тиранов перестало быть благородным подвигом? Брута и Кассия восхва-

ляют за то, что они убили Цезаря. В самом деле, когда несколько человек мнят себя стоящими выше законов своей страны, тогда нет другого средства предать их правосудию, как рука честного человека. Если законы оказываются недостаточно сильными, чтобы помешать узурпаторам убивать народ, то долг всякого гражданина избавить от них страну». Говоря о расстреле рабочей демонстрации в Манчестере, Тистльвуд выразил уверенность в том, что «если бы в сердцах англичан тлела еще искорка чести, искорка мужественной независимости, то они поднялись бы как один человек». «Мятеж, — заявил он, — стал общественным долгом». Заключительная часть его речи гласила: «Альбион лежит еще в оковах рабства, я покидаю его без сожалений. Скоро я буду опущен в могилу, мое тело будет зарыто в земле той самой страны, где раздался мой первый вздох. Единственно, о чем я скорблю, это — что она все еще является ареной деятельности для рабов, трусов и тиранов. Я не сомневаюсь, что позднейшие поколения правильнее оценят руководившие мною мотивы».

Революционный терроризм как тактика не имел под собой почвы в Англии. Концентрация и рост пролетариата ставили на очередь дня его объединение, развертывание массовой экономической и политической борьбы. В недрах английского рабочего класса росли силы, подготовившие образование самостоятельной политической организации пролетариата — чартизма. Но казнь Тистльвуда и его товарищей не прошла бесследно для рабочего класса. Спенсианизм сошел со сцены вместе с его казненными сторонниками. Ему не суждено было стать массовым политическим движением. Ошибкой Тистльвуда и его соратников было то, что они хотели ускорить наступление всенародного восстания актами самопожертвования, актами индивидуального террора и надеялись убийством реакционного министра вызвать в Англии революцию. Спенсианцы встали на путь заговорщицкой тактики, типичной в эти и последующие годы для многих стран, в особенности для стран со слабо развитым капитализмом, таких, как Италия, Испания, Россия.

В условиях незрелости пролетариата политическое движение 1816 — 1832 гг. попало под руководство мелкобуржуазных радикалов и демократов типа Генри Гента (1773—1835 гг.), Вильяма Коббета (1762—1835 гг.) и Ричарда Карлайля (1790—1843 гг.). В эти же годы развертывается организационная и пропагандистская деятельность утописта Роберта Оуэна, проповедь которого находит себе сторонников главным образом среди части квалифицированных ремесленников.

Заслуга Гента и Коббета — в том, что они поняли, что без участия рабочих политическую свободу завоевать в Англии

невозможно. Будучи идеологами разоряющегося ремесленничества и пролетаризирующегося крестьянства, они поняли, однако, что решающая сила не в этих обреченных социальных слоях, а в рабочем классе. Но, придя к рабочему классу, они пришли к нему со своими демократическими иллюзиями, со своими мелкобуржуазными предрассудками легальности, с верой в парламентскую демократию. Тем самым Гент, Коббет и Карлайль играли роль тормозов, задерживавших развитие классового сознания английского пролетариата, хотя они по своему и были глубоко преданы интересам трудящихся. Недаром ланкаширские рабочие — этот революционный авангард чартистов — открыли 16 августа 1842 г. в Манчестере памятник Генри Генту, умершему в 1835 г.

Генри Гент был признанным вождем масс. Он был организатором и трибуном грандиозных рабочих митингов 1816—1830 гг., посвященных избирательной реформе. Он проявил большое мужество в день расстрела митинга 16 августа 1819 г., на котором он выступал с большой речью, сопровождавшейся возгласами: «да здравствует Гент и Свобода!» «Всеобщее избирательное право!» «Годовой парламент!» «Долой хлебные законы!» За участие в этой демонстрации (она собрала свыше 80 тысяч человек) Гент был приговорен к 2 годам тюрьмы, которые и отбыл. Выйдя из тюрьмы, Гент не изменил своих убеждений и попрежнему боролся за реформу парламента, требуя политических прав и для рабочих. Впоследствии, 3 февраля 1831 г., в палате гневно прозвучала его бичующая речь по поводу проекта билля об избирательной реформе. Он напомнил членам палаты убийство рабочих в Петерлоо, назвав его кровавой бойней. Депутаты прерывали речь Гента смехом. Между тем он всячески старался убедить своих слушателей в том, что не признает другой тактики, кроме тактики мирного воздействия на парламент: «Я — далеко идущий радикал, но пусть высокочтимые и ученые джентльмены докажут, что я когда-либо предлагал атаковать привилегии короны, хотя я довольно часто протестовал против экстравагантности королевской семьи и дурного управления этого дома, который привел учреждения страны к позору». Гент был умеренным республиканцем. Он был одним из тех, кто поддержал в 1817 г. знаменитый поход голодающих углекопов Бильстона и ткачей Манчестера в резиденцию принца-регента в Чарльстон-Хауз в Лондоне, получивший название марша или похода «бланкетников», т. е. «одеяльщиков» (ввиду дальности похода, демонстранты несли с собой одеяла). Власти были перепуганы. «Хабеас Корпус Акт» был отменен, а вожди похода — брошены в тюрьму. «Бланкетники» шли на Лондон с требованием рабочего зако-

подательства и парламентской реформы как «великой панацеи» от нищеты и бесправия.

Гент поддерживал женское общество борьбы за реформу. Это общество выпустило в Бэкборне обращение к женам и дочерям рабочих, призывая их организовать «общества сестер», которые должны внушать подрастающему поколению «глубокую ненависть к тиранническим правителям». Гент пользовался такой популярностью, что некоторые наиболее горячие из его сторонников метили его даже в президенты будущей Английской республики.

Другим кумиром рабочих, ремесленников и мелкой буржуазии того времени был Вильям Коббет. Он неоднократно выступал в защиту рабочих, в особенности в защиту сельскохозяйственных рабочих и батраков. Как и Гент, он был яростным поборником избирательной реформы и предоставления широких политических прав рабочим. Незадолго до смерти Коббета ему был брошен одной буржуазной газетой упрек в том, что для него «мерилом общественного благополучия служит обилие пива и сала на столе рабочего». Коббет согласился с подобным определением его социальных взглядов и писал в своем журнале «Ежедневный Политический Реджистр» (21 февраля 1835 г.): «Прибавьте сюда хлеб, хорошую одежду, рубахи для женщин, сапоги, чулки, шапки, стекла для окон в жилых помещениях, постели и постельное белье, отхожее место в каждом доме, прибавьте все это, и тогда орган прав. Да, все это для меня есть показатель благополучия страны. И от глубины души ненавижу я либералов, программы которых говорят только о духовных благах, тогда как под их властью бедняки умирают от голода и нищеты».

Вильям Коббет и Ричард Карлайль были страстными борцами за свободу печати и свободу совести.

Тот и другой выступили на защиту луддитов. И оба поплатились за это тюрьмой. Поняв роль рабочего класса в деле борьбы за политическую реформу, Коббет совершенно порвал в 1805 г. с торизмом, в фарватере которого находилась основанная им в 1801 г. газета «Еженедельный Политический Реджистр». Но в защите луддитов в 1809 — 1812 гг. у Коббета еще звучат отдельные торийские нотки. Он идеализирует старые, патриархальные отношения, борется за сохранение мелкого производства. Элементы торизма переплетаются у него с народническими взглядами. Участь гибнущих под влиянием аграрного и промышленного переворота крестьян и ремесленников глубоко захватывает его, и он превращается в мелкобуржуазного демократа, равно ненавидящего и ториев и вигов, и консерваторов и либералов. Борясь с высоким штемпельным налогом на газеты, выступая против коррупции пе-

чати, Коббет выступает и против высоких налогов и за парламентскую реформу. Газета Коббета доходит до рабочих, ремесленников, кустарей. Коббет становится популярным, в особенности после луддитских процессов, когда он и Ричард Карлайль идут в тюрьму за защиту подсудимых.

В 1816 г. Коббет совершает небывалый в истории английской печати акт. Он превращает свою газету в журнал и этим избегает высокого штемпельного сбора, удешевляет свое издание до 2 пенсов, и оно превращается в массовый печатный орган с тиражем в 60 000 экземпляров. 15 октября 1816 г. вышел первый номер реорганизованного «Политического Реджистра». В третьем номере (от 2 ноября 1816 г.) Коббет публикует обширное обращение к рабочим. В этом обращении он возрождает экономические идеи Теллвола и Гарди, — теоретика и вождя Корреспондентских обществ, — о том, что труд есть источник всех богатств. «Друзья и сограждане! — восклицает Коббет. — Какие бы другие воззрения и фантазии ни внушали людям высокомерие дворянства, богачей или ученых, однако, действительная сила и все ресурсы страны имеют и могут иметь своим источником только народный труд». Говоря о богатствах, накопленных в Англии, он заявляет: «Но все они возникли из труда. Без поденщика и сельского батрака не было бы ни одной из этих вещей, без помощи их рук вся страна была бы пустыней, едва достойной внимания иноземного завоевателя».

Идеология «трудового народа», своеобразного английского народничества, находит в Коббете последовательного носителя и горячего защитника. Выступая против роста военных расходов, синекур, пенсий дворянам, против огромных налогов и снижения размера приходских пособий бедным, Коббет зовет однако рабочих «подавить в себе на время свое возмущение» и считает необходимым предварительно расследовать «причину бедственного положения страны», открыть, чем оно обусловлено. Народнические взгляды Коббета не могли, понятно, помочь ему открыть действительную причину страданий масс.

Описывая историю борьбы за политическую реформу в Англии со времени французской революции, Коббет решительно выступает за реформу парламента. Выступая против олигархического правительства и продажного парламента, он говорит рабочим: «Дабы эта власть была у них отнята, нужно, чтобы палата общин выбиралась народными массами, ибо тогда она станет зависимой от желаний нации. Единственным лекарством против зла является, следовательно, реформа палаты общин или создание народной палаты. Я заклинаю вас действовать мирными и законными средствами, но в то же время усердно и решительно, пока цель не будет достигнута».

Итак, борьба за политическую демократию в рамках парламентаризма и конституционализма — такова политика и тактика Коббета. В этом он — предшественник чартистской партии «моральной силы». Коббет, как и Гент, исходил из одного и того же положения: не разрушение, не революция, а легальная борьба за восстановление нарушенных прав. Так выражался Гент, например, на грандиозном митинге 21 июля 1819 г., почти накануне манчестерской бойни. Массы держались подчас революционнее своих вождей. На Питерлоо они по образцу якобинцев несли на высоком шесте «колпак свободы» из красного бархата с лавровой ветвью и надписью «Свобода». Демонстранты мечтали о якобинской расправе с «тиранами». Они несли два черных флага: на одном была изображена окровавленная пика, на другом стояла надпись: «Равномерное представительство или смерть». Но вожди не думали о революции, они ограничивались по большей части декламациями о мирных и законных методах борьбы.

Ни Гент, ни Коббет не думали призывать рабочие массы Англии ответить решительной борьбой на расстрел в Манчестере. Все свелось к митингам с платоническим протестом против резни на Питерлоо. Демократическая газета «Прентайс» писала по этому поводу: «Одиннадцать человек убито, 600 ранены, 60 000 унесли с собою домой воспоминание об этом ужасном дне; бедность и нищета в каждом коттедже; тяжкие бедствия, не без основания приписываемые непомерным налогам и закону, воспрепятствующему ввоз хлеба. И неужели все понесенные обиды не будут отомщены? Неужели не будет дан ответ кинжалом на жестокое и бесстыдное нападение мечом? Нет, население Ланкашира верит в справедливое применение закона. Его рабочий люд, грубый по внешности и в речах, но обладающий острым умом и большую долю того благородства, которым отличается англосаксонская раса, никогда не согласится на низкое убийство. Он верит в свои принципы и более надеется на нравственную силу, чем на физическую. Жители Ланкашира не станут добиваться реформы путем ужасов кровавой революции».

11 июля 1822 г. в ратуше города Мэдстона (в графстве Кент) под руководством вигов состоялся 10-тысячный митинг, посвященный «нуждам земледельческого населения». Перед голосованием резолюции о петиции попросил слова Коббет, неожиданно появившийся на митинге. Он предложил внести в петицию пункт об уменьшении национального долга и обвинял вигов в сохранении «гнилых местечек» (т. е. старой избирательной системы). Свою речь Коббет закончил словами: «Наступило время заговорить с вами иным языком и вы его

услышите из моих уст! Пожертвуйте, не теряя времени. своими бургами (гнилыми местечками — Г. Б.) или готовы-тесь пожертвовать своими поместьями и состоянием». По-правка Коббета, вопреки сопротивлению вигов, была принята подавляющим большинством.

Коббета называли «вождем якобинской партии». Эта кличка не соответствовала действительности. мелкобуржуаз-ный радикал, представлявший собой по существу левый фланг либералов, — вот кем на деле был Коббет. И тем не ме-нее он сыграл огромную роль в поднятии политического со-знания рабочих. Маркс и Энгельс были очень высокого мнени-я о политических памфлетах Коббета. Но одновременно они отмечали и противоречия, присущие Коббету. Говоря об историке Томасе Карлейле и отмечая в его писаниях наличие «неисторического апофеоза средневековья», Энгельс доба-вляет, что «неисторический апофеоз средневековья» встре-чается и у Коббета и даже у «одной части чартистов» (Маркс и Энгельс, т. VIII, стр. 281). С своей стороны, Маркс говорит, что Коббет «искал народную свободу скорее в прошлом, чем в настоящем» (т. IX, стр. 354).

Зато стиль политических памфлетов Коббета, его манеру письма Маркс и Энгельс ценили очень высоко.

В письме к Энгельсу от 26 апреля 1856 г. Маркс сообщает, что он посылает ему статью о герцоге Йоркском, предназна-ченную для газеты чартиста Джонса, и добавляет: «Я подра-жаю в ней, худо ли, хорошо ли, манере старого Коббета» (т. XXII, стр. 139).

Для понимания политической деятельности и социальных воззрений Коббета крайне важна следующая характеристика, данная ему Марксом в «Нью-Йоркской Трибуне» от 22 июля 1853 г. (статья «Борьба вокруг билля о десятичасовом рабо-чем дне»).

«Вильям Коббет — писал здесь Маркс — был талантливей-шим представителем или вернее «созидателем» старого ан-глийского радикализма. Он первый разоблачил тайну наслед-ственной борьбы вигов и ториев, сорвал маску либерализма с паразитической олигархии вигов, боролся с крупным земле-владением во всех его формах, осмелел лицемерную алчность государственной церкви и атаковал финансовую плутократи-ю. . .

Он выставил все политические требования, которые были впоследствии объединены в народной хартии.

Но в его формулировке это была скорее политическая хар-тия мелкой промышленной буржуазии, чем промышленного пролетариата. Плебей по своим инстинктам и симпатиям, он умом редко поднимался над горизонтом мелко-буржуазной

реформы. И только в 1834 г., после издания нового закона о бедных, Вильям Коббет начал догадываться, что существование крупной промышленной буржуазии так же вредно для масс, как и существование крупных землевладельцев, банкиров, держателей государственных займов и государственной церкви. Если Вильям Коббет предвосхищал таким образом, с одной стороны, современный чартизм, то, с другой стороны, и в еще гораздо большей мере, он был закоренелым Джоном Буллем. Он был одновременно и самым консервативным и самым радикальным человеком в Великобритании — чистейшим воплощением старой Англии и наиболее смелым родоначальником молодой Англии. Он считал, что упадок Англии начинается с эпохи реформации, а последующая протрация английского народа — со времени так называемой славной революции 1688 г. Революция была для него поэтому не переходом к новому, а возвратом к старому, не созданием новой жизни, а восстановлением «доброе старого времени».

Глубокие перемены, сопровождающие разложение старого английского общества с XVIII века, поразили его воображение и наполнили горечью его сердце. Но, если он видел следствия, он не понимал причины, не понимал тех новых социальных сил, которые делают свое дело.

Отсюда тот удивительный факт, что Вильям Коббет, бывший инстинктивным защитником народных масс против посягательства буржуазии, считался другими и сам считал себя борцом за интересы промышленной буржуазии против наследственной аристократии. Как писатель, он остается не превзойденным» (т. IX, стр. 178—179).

Наиболее полно свою социально-экономическую программу Коббет изложил 3 января 1823 г. на шеститысячном митинге в графстве Норфолк. На этом митинге, на котором вига хотели привлечь фермерство на свою сторону. Коббет внес свой проект петиции. Проект выдвигал требование коренной реформы парламента. Реформированный парламент должен был пустить в продажу часть государственных имуществ (церковных и коронных) для ликвидации национального долга. Далее, петиция Коббета требовала уменьшения численного состава армии, полного уничтожения всех пенсий, наград и жалований, неоправданных действительными заслугами перед страной, равномерного распределения бремени национального долга. Коббет предлагал просить Палату издать закон о приостановке на один год всех взысканий ренты, всех процессов о неуплате десятинного сбора, а также по всякого рода закладным и другим контрактам, касающимся домов или земель, наконец, отменить все налоги на муку, хмель, кожу, мыло и свечи. Петиция заверяла палату, что петиционеры,

«благоевейно чтут конституцию своих предков, что они не стремятся к перемене формы правления и всем сердцем уповают, что эта конституция перейдет к их детям, но что они твердо убеждены в том, что, если только настоящие бедствия не будут немедленно остановлены и бесповоротно искоренены, то наступит потрясение, при котором все это древнее и почтенное здание рассыпется в прах».

Здесь — весь Коббет, наивно убеждающий парламент согласиться на реформу и запугивающий его призраком революции, которой он, Коббет, боялся и сам. Петиция Коббета была принята митингом и передана парламенту. Надо ли добавлять, что она была отклонена.

В 1816 г. Коббет призывает луддитов отказаться от фабричного террора. Выпущенное им при этом воззвание — открытое письмо к ноттингемским луддитам — представляет большой интерес. «В такое время, — писал Коббет, — когда дело свободы делает значительные успехи, радующие сердца ее друзей и наполняющие страхом сердца ее врагов; когда становится очевидным, что эти успехи должны привести к счастью нашей страны, к устранению ее бедственного положения и деградации; когда становится наконец очевидным, что помешать достижению этой славной цели можем только мы сами, если вместо чуткого внимания голосу разума, мы поддадимся слепым страстям, — в такое время, говорю я, можно только с болью в душе думать о деяниях, совершаемых в Ноттингеме». Виноваты не машины, доказывает Коббет, виновато плохое политическое устройство, отсутствие избирательных прав у народа.

В 1830—1831 гг. Коббет выступает в пользу с.-х. рабочих, поднявших восстание, известное под названием «Свинга». Еще раньше, в 1826 г., престарелый демократ приступает к изданию новой газеты «Друг бедняка», ставя своей целью «защиту тех, которые действительно выполняют всю работу нации». Вышло всего три номера этой газеты. В 1832 г., после избирательной реформы, Коббет проходит в парламент от округа Ольдгем. Три года спустя его не стало. Разоренный судебными преследованиями, Коббет умер в бедноте. Вскоре умерла и его газета. Вместе с Коббетом сходил со сцены тот класс, который он защищал больше всего и прежде всего, — экспроприруемое крестьянство.

Наряду с Гентом и Коббетом, необходимо остановиться на Ричарде Карлайле, левом демократе и свободомыслящем. Сын сапожника, он был в начале рабочим-подмастерьем, жестянником. В 1813 г., под влиянием ужасающей нищеты рабочих масс и чтения «Права человека» Томаса Пэна, Ричард Карлайль становится убежденным борцом за парламент-

скую реформу, демократом и республиканцем. С 1817 г. он становится книгопродавцем, издает и распространяет в количестве 25 тысяч экземпляров революционную драму Соути «Уот Тайлор», написанную последним в 1794 г. В 1818 г. Карлайль издает собрание сочинений Т. Пэна и попадает под суд за атеизм и богохульство. Вместе с Гентом он был участником демонстрации на Питерлоо 16 августа 1819 г.

Ричард Карлайль беспрерывно подвергается тюремному заключению. Его жена, сестра, приказчик его книжной лавки также знакомятся с тюрьмой. Карлайль выступает против палочного режима в армии, разоблачает избиения солдат офицерами и за «оскорбление армии» вновь идет в тюрьму. Неукротимый революционер, он не сдается. С 1818 г. и вплоть до 1825 г. он почти не выходит из тюрьмы. Из тюрьмы он пишет свои статьи для газеты «Республиканец». В 1830—1831 г., одновременно с Коббетом, он выступает в защиту «свингов» и за это снова оказывается в тюрьме.

Этот поборник свободы совести и слова оставил большой след созданием в 1830 г. дискуссионного клуба «Ротонда» в Блэкфайре, в восточном центре Лондона. По имени этого клуба образовалась своеобразная политическая организация «Ротондистов», борющихся за избирательную реформу в 1830—1832 гг. Из этой среды выйдут и многие видные чартисты.

В 1830 г. Ричард Карлайль отказался уплатить церковный налог и выставил в окнах своего дома три деревянных фигуры — епископа, чорта и судебного пристава. Вокруг дома Карлайля стал собираться целый митинг. За такое «богохульство» Карлайля сажают на три года в тюрьму. В общей сложности он просидел в тюрьме 9 лет и 4 месяца. Он умер в 1843 г. К чартизму он не примкнул, хотя его клуб «Ротонда» и сыграл значительную роль в деле формирования будущих кадров чартистских вождей.

* * *

Годы 1816—1832 пестрят в Англии судебными процессами борцов за политическую реформу. С 18 апреля по 17 июня 1817 г. происходил суд над группой, связанной со спенсанизмом и возглавляемой Артуром Тистльвудом. Тистльвуд и его товарищи обвинялись в том, что 1 ноября 1816 г. пытались в Мидльсексе «развратить солдат», приобрести у них большое количество оружия, пороха, амуниции, сабель и пистолетов и подготовить восстание. Джемс Ватсон старший (хирург), Джемс Ватсон младший, Томас Престон, Джон Ху-

пер и сам Тистльвуд за недостатком улик были оправданы. Впоследствии мы найдем некоторых из них в чартистском движении. Тистльвуд все же попал на виселицу, вместе с четырьмя товарищами, по делу о «заговоре на Като-Стрит» (1 мая 1820 г.). На эшафоте они держались очень мужественно.

16—18 октября 1817 г. разбиралось дело о знаменитом «Ноттингемском капитане» луддитов, Джеремии Брандретсе (он же Джон Кук) по обвинению в «открытой войне и восстании против короля». Джон Вейдман, Вильям Торнер, Джозеф Торнер (Торнер — манчестерец), Исаак Лэднам старший, Исаак Лэднам младший, Самуэль Лэднам, Вильям Лэднам, Самуэль Хунт, Эдвард Торнер и Роберт Торнер устроили под руководством Брандретса в Ноттингеме и в Дербишире, а также в окрестных деревнях тайные собрания для организации похода на Ноттингэм. Собрания происходили в деревнях Пентридж, Соутвингсфильд, Альфретон, Суанбук, Крик и Хипер. Заговорщики двинулись к фабрике Лангли. В Ноттингэме их встретили милиция и кавалерия. Они были рассеяны и разбежались, побросав оружие и пики. Брандретсу обвинение приписывает слова: «Мы идем теперь с целью революции». Суд приговорил к смерти Брандретса, В. Торнера и Исаака Лэднама младшего. 7 ноября 1818 года они были повешены. 11 других подсудимых были приговорены к пожизненной каторге, трое — к 14-летней каторге. Одному подсудимому каторга была заменена двумя годами тюремного заключения, трое были приговорены к 6 месяцам тюрьмы.

5—7 марта 1817 г. в Эдинбурге (Шотландия) судились по обвинению в мятеже ткач, бывший солдат, а потом сержант милиции — Александр Мак-Ларен и торговец Томас Бэйд. Обвинение основывалось на следующих фактах. В ноябре и в декабре 1816 г., а также в январе 1817 г. в окрестностях Килмарнока, в Дип-парке, происходили митинги, преимущественно рабочих. На митинге 7 декабря 1816 г. Александр Мак-Ларен произнес большую политическую речь:

«Наши страдания — говорил он — нестерпимы, мы демонстрируем, чтобы показать, что они не являются временными и случайными при переходе от войны к миру. Они очевидны для всех, хотя не все имеют мужество открыто признать это. Факт тот, что нами управляют люди алчные, жадные до своего собственного обогащения и развлечения. Они не заботятся об огромной части народа, поскольку они думают только о своих проклятых намерениях. Если вы убеждены в этом, мои соотечественники, я хотел бы поставить перед вами вопрос — неужели вы настолько выродились, чтобы сносить нечто подобное. Мы, чьи предки положили предел всезахва-

тывающей власти римлян, мы, чьи предки на незабываемых полях Баннборга сказали могущественному Эдуарду и его наимогущественной армии, когда-либо шагавшей по Британской почве: «До сих пор ты можешь идти, но ни шагу дальше», мы, говорю я, чьи предки разбили усилия и попытки чужеземной, иностранной тирании поработить нашу возлюбленную страну, — неужели мы безропотно допустим теперь подлую и низкую олигархию кормить своих развращенных гадов на нашем горбе, как они бы этого хотели? Нет, мои соотечественники! Положим нашу петицию к подножию трона, на котором восседает наш августейший государь, чья милосердная душа побудит его выслушать вопли своего народа, что он и обязан делать по законам своей страны. Но если он будет столь безумным, что останется глух к его петиции, он потеряет право на его верноподданство».

Эту свою революционную речь Александр Мак-Ларен передал Хью-Крауфорду в форме манускрипта. Том Бэйд издал ее. Мак-Ларен заявлял, что палата общин подкуплена, что она не является больше палатой общин. Он протестовал против увеличения военных расходов. Мак-Ларен спрашивал: «Почему Палата объявила войну не только против французской нации, но и против друзей свободы у себя дома?» Оба подсудимых были признаны виновными и приговорены к тюремному заключению на 6 месяцев и к залогоу на три года за поведение.

16—17 марта 1820 г. слушалось дело о демонстрации в Питерлоо. По этому делу судились десять человек — Джозеф Джонсон, Джон Таккер-Сакстон, Джеймс Мурхауз, Джозеф Хилл, Самуэль Бамфорд, Роберт Джонес, Б. Свифт и Роберт Уальд. Генри Гент был приговорен к 2 годам и 6 месяцам тюрьмы и к уплате 1000 фунт. ст. в обеспечение залога на 5 лет за поведение. Бамфорд и Джонсон получили по одному году тюрьмы и должны были внести по 200 ф. ст. залога.

1 апреля того же года судились 8 человек за призыв народа вооружаться и идти на митинг 15 ноября 1819 г. около Борили (Ланкастер). Несмотря на категорическое отрицание всеми обвиняемыми своего участия в созыве митинга, Джордж Дюхорст, Джон Найт, Натан Бродхорст, Джон Адамсон, Вильям Флетчер и Джон Борн были приговорены от 12 месяцев до 2 лет тюрьмы каждый. Двое были оправданы — Дж. Моррис и Джон Нольс.

В Варвике 3—4 августа 1821 г. происходил суд над Джорджем Эдмонс, Чарльзом Маддокс, Джоном Картрайтом, Томасом Джонатаном, Вуллер и Вильямом Гритхедом-Льюнс — по обвинению в участии в митинге 12 июля 1818 г. в пользу допущения представителей от Бирмингама в Палату общин.

Эдмондс получил 9 месяцев тюрьмы, Маддокс — 18 месяцев, Вулер — 15 месяцев, Картрайт — 100 ф. ст. штрафа.

* * *

Со второй половины 20-х годов начинается новая волна митингов в городах и деревнях, митингов, посвященных кризису и борьбе за реформу.

В 1829 г. на политической сцене появляется «Всеобщий союз рабочих прядильщиков» во главе с Дж. Догерти. В 1830 г. возникает «Национальный Союз рабочих классов», иначе — «Национальная Ассоциация Труда». В 1831 г. он имел уже 100 тыс. членов и 150 отделений. Секретарем этой ассоциации был В. Ловетт, лондонский ремесленник, бывший оуэнист и будущий вождь партии «моральной силы» в чартизме. Другими руководящими деятелями «Национального Союза» были Генри Гетерингтон (1792—1840), Кляйвс, Патсон, Винсент, В. Бенбоу и О'Брайен, — все будущие видные чартисты. Многие из них находились под влиянием Оуэна. Каждые 30—40 членов Союза имели своего руководителя. Органом Союза был «Пур Ман'с Гардиан» («Защитник бедняка»), выходивший под редакцией Гетерингтона. Кроме того, Союз издавал «Политические письма» и журнал «Республиканец»; в Манчестере выходил «Войс оф дэй пиплз» («Голос Народа»). Ассоциация стала политической организацией рабочих и ремесленников с собственной платформой. В «Пур Ман'с Гардиан» от 1 октября 1831 г. Гетерингтон писал об экономическом и политическом кризисе в Англии, обострившемся под влиянием революции 1830 г. во Франции: «Действительно, слишком долгой пуждою и гнетом рабочий народ доведен до самого отчаянного положения и, говоря политически, он смертельно болен. Его болезнь очень опасна. Эта болезнь *подлой бедности, рабского унижения* есть результат скверной системы собственности и, следовательно, совершенно противоположна той, которую когда бы то ни было изучали и лечили доктора-лорды и доктора-богачи, сами собственники-монополисты. Она может быть излечена только *радикальным* врачом, который живет среди ее жертв и ставит себе в обязанность изучение этой болезни, как и заботу об этих больных. *Всеобщее избирательное право, тайная баллотировка, уничтожение каких бы то ни было имущественных ограничений, ценза или правоспособности* — вот необходимые нам лекарства. Во всяком случае, наша обязанность протестовать против такой партийной и призрачной *меры*, как «реформа», и честно дать вам знать, что народ никоим образом не относится к ней благоприятно, что он не видит в ней удовлетворения ни одного из своих законных требований, что он *никогда* и ничем не будет удовлетворен, как только установлением законода-

тельного учреждения, основанного на принципе равных прав и равных обязанностей. Народ требует своих прав, всех своих прав, и ничего больше, как своих прав».

В момент правительственных попыток остановить назревавший революционный кризис путем куцей избирательной реформы, предложенной вигами, передовые рабочие разоблачали маневры своего классового врага и боролись под руководством «Национальной Ассоциации Труда» за неурезанные лозунги всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права, лозунги, которые станут платформой позднейшего чартизма. С 1831 г. представители рабочих начинают и сами выступать на митингах, посвященных проекту нового билля о реформе. Так например, Джон Фрост — будущий чартист — выступал 30 мая 1831 г. на большом рабочем митинге под открытым небом в Ваун Фэйер-за-Мартсиром в пользу годового парламента, всеобщего и тайного избирательного права. 14 сентября 1831 г., выступая в Ньюпорте, он заявил: «Интересы управляющих и управляемых противоположны друг другу, они находятся в состоянии такой борьбы — с одной стороны, чтобы удержать власть, с другой, — чтобы сохранить свободу, — что я не вижу, чтобы в стране мог наступить мир в течение ряда лет!».

В 1836 г. образовалась «Лондонская Рабочая Ассоциация», а Джон Фрост становится разъездным агитатором, пропагандистом и организатором чартистов в Уэльсе. «Национальная Ассоциация Труда» (иначе — «Национальный Союз Рабочих Классов») сыграла огромную роль в деле подготовки чартистской партии.

В 1831 г. в Бирмингеме буржуазный радикал Атвуд основывает «Политическую Ассоциацию» для борьбы за реформу избирательной системы. Ассоциация развернула агитационную кампанию по стране, зазывая рабочих в свои ряды.

31 октября в Лондоне, в Линкольне-ин-Фельдс, состоялся митинг писателей и домовладельцев, созданный с целью организации политического союза. Председательствовал радикал Френсис Бердетт. От рабочих выступил В. Ловетт. Обращаясь к агентам бирмингамских радикалов, Ловетт сказал: «Прежде всего, он желал бы спросить у средних классов (так тогда называли в Англии буржуазию — *Г. Б.*), добиваются ли они чего-нибудь, кроме порабощения рабочего класса и превращения его в слепое орудие своих целей. Бесполезно проповедывать терпение голодающему народу: если бы средние классы были вполне искренни, они прежде всего позаботились бы о том, чтобы одеть и накормить рабочих». Ловетт был встречен враждебно, его речь заглушалась протестующими криками буржуа.

Митинг постановил образовать «Союз не рабочих и не средних классов, а всех сторонников реформы, всей массы многомиллионного народа». «Национальный политический союз, — гласила резолюция, — есть прежде всего союз всего народа и представляет первый случай в истории страны, когда вся нация соединилась воедино во имя защиты общего дела. Союз учреждается для достижения полного, свободного и действительного представительства средних и рабочих классов в палате общин парламента». Союз учреждался «для охранения интересов и улучшения материальных условий промышленных и рабочих классов». Буржуазные радикалы учли опасность образования самостоятельной политической организации пролетариата и повели борьбу за руководство рабочими. Фрэнсис Плэс (1771—1854) прямо заявил, что «Национальный политический союз» спас страну «от страшной катастрофы, когда народ не знал, что делать».

Программой «Национального союза рабочих классов» было всеобщее избирательное право, закрытая баллотировка, годовой парламент, отмена всех наследственных привилегий. Ловетт, Гетерингтон и Бронтер О'Брайен уже осознавали наличие антагонизма между средними классами и рабочими. От оуэнизма их отделяло признание политической борьбы. В «Пур Ман'с Гардиан» от 14 декабря 1831 г. Гетерингтон писал: «Противники господина Оуэна думают, что его взгляды на общество слишком утопичны, чтобы быть осуществленными. Как-раз наоборот: они совершенно практичны и полезны, если только народ располагает необходимой властью для этого. Только тогда, когда народ будет пользоваться равными правами, следовательно, и равными законами, лишь тогда, но не ранее, будет дана возможность продемонстрировать преимущества взглядов господина Оуэна. Но пытаться при современном политическом порядке и до того, как рабочий класс политически освободится, хотя бы частично осуществить филантропические планы господина Оуэна — это значит просто впрягать повозку впереди лошади, и это должно окончиться плачевной неудачей».

Попытка радикалов вроде Атвуда и Фрэнсиса Плэса перетянуть рабочих в «Национальный политический союз» наткнулась на решительное сопротивление «Национального союза рабочих классов». Буржуазные радикалы пытались вырвать реформу путем словесного запугивания вигов ужасами революции. В статье от 1 ноября 1831 г. «Защитник бедняка» отозвался на эту тактику следующим обращением к палате лордов: «Угрозы революции произносятся средним сословием и мелкими хозяйчиками, чтобы добиться вашего согласия на билль. Не бойтесь этого. Те, которые угрожают

насильственной революцией, не только не в состоянии ее совершить, но, несмотря на свое хвастовство, сами боятся ее. Ибо эти люди знают, что такая революция может быть совершена только бедными и презренными миллионами, которые, если они однажды будут приведены в движение, могут использовать дело столько же в своих собственных интересах, сколько в интересах подстрекателей, так что последние не только попадут в менее благоприятное положение, чем сейчас, но и их священное право собственности будет находиться под угрозой. Будьте уверены, что насильственная революция — для них величайший ужас, и если нищие миллионы однажды будут вынуждены прибегнуть к подобному оружию, то эти люди будут бороться с ними так же решительно, как и вы сами. В подобном случае помощь вам обеспечена солидарностью собственников».

Это разоблачение тактики буржуазных радикалов, делающее честь сознательности некоторых лидеров «Национального союза рабочих классов», не сопровождалось однако признанием необходимости насильственных методов борьбы, революции. Квалифицированные ремесленники, ставшие во главе Союза, отрицательно относились к революции. Идея блока с радикалами была им гораздо ближе. Устав Союза, принятый 25 мая 1831 г., состоял из вводной части якобинской конституции 1793 г., но включал и большинство пунктов устава «Бирмингемского политического союза». Это свидетельствует о значительном влиянии буржуазного радикализма на рабочие массы. Когда возник вопрос о выборах президиума и один рабочий предложил выбирать только рабочих, зарабатывающих себе средства собственным трудом, Уорден и Гетерингтон высказались против этого предложения. Они заявили, что не надо проводить классовые различия, ибо важна дескать не профессия человека, а его преданность принципам, его деятельность. Вот где следует искать корни соглашательства будущих вождей правого крыла чартистов — ловеттистов.

Увлечение кооперативными предприятиями, игнорирование профсоюзной работы, увлечение парламентской реформой встревожили революционную оппозицию внутри Союза. Некий рабочий в статье, помещенной в «Пур Ман'с Гардиан», подверг резкой критике политику и тактику Гетерингтона. Возражая против увлечения проектом билля о реформе, внесенного лордом Греем, анонимный автор писал (29 апреля 1831 г.): «Говорить в какой бы то ни было форме о том, что для народа полезно быть представленным лицами из нерабочих классов, есть чистейшая бессмыслица. Только тогда, когда нижняя палата будет наполнена рабочими, народ будет представлен. . . Следовательно, если представители и пред-

ставляемые принадлежат к различным классам, или имеют противоположные интересы, то представительство есть жалкая комедия, и кто скрывает это от народа, тот либо идиот, либо обманщик. . . Рабочий народ должен денно и нощно стараться о том, чтобы получить законодательное собрание, где он будет решающим фактором и при посредстве которого он сумеет бороться с жадностью капитала и прибыли. Предложенная резолюция, что в президиум должны быть выбираемы только рабочие, обнимала целые томы; она свидетельствовала о том, что народ хочет взять защиту своих интересов в собственные руки. Эта демонстрация была сведена на-нет вами (Гетерингтоном — Г. В.). Лучше всего было бы, если б вы и Уорден вышли из президиума, как это должен бы сделать и всякий другой, кто не работает на предпринимателя, или кто не простой рабочий. . . Посещайте их собрания, придавайте им бодрости в их работе, но в то же время научите их быть самостоятельными».

Анонимный автор был прав в одном: отсутствие четких принципов классовой организации приводило к капитуляции трудящихся перед буржуазным радикализмом, к политике компромиссов и классового сотрудничества. Даже старый спенсианец Аллен Давенпорт (1775 — 1846) был увлечен этой волной парламентских иллюзий, вызванной внесением в парламент билля о реформе. На страницах «Пур Ман'с Гардиан» он объявил билль лорда Росселя «началом *легальной революции*». Но именно на почве легализма и стояли Гетерингтон, Уорден, Ловетт.

Говоря о сильных сторонах «Национального союза рабочих классов», отметим, что ему не было чуждо сознание международной солидарности трудящихся. Так, в 1831 г. Союз отпраздновал годовщину революции во Франции и польское восстание. Борьба революционных и оппортунистических элементов внутри Национального союза показывает, что рабочая масса далеко не вся разделяла тактику «легальной революции».

* * *

Восстание в Бристоле 29 — 30 октября 1831 г. — лучшее тому доказательство. Но для понимания причин этого восстания необходимо хотя бы вкратце познакомиться с ходом обсуждения в палате общин проекта билля о реформе. Обсуждение началось 3 февраля 1831 г. Герцог Ньюкастльский и маркиз Лондондерри жаловались палате лордов, что они подверглись атаке бунтующей толпы. Обсуждение билля было перенесено на 1 марта. Между тем «Бирмингемский политический союз» организовал 7 мая в Бирмингеме митинг под-

держки билля. На митинге присутствовало 15 000 человек. Второе чтение билля в палате общин началось 23 марта. 303 голоса были поданы за билль и 302 против. 22 апреля парламент отсрочил свои заседания, а 23-го он был распущен. Билль, задержанный парламентским комитетом, потерпел поражение. С роспуском парламента вспыхнула острая избирательная борьба между сторонниками и противниками билля. 14 июня собрался новый парламент. 8 июля билль прошел во втором чтении — 367 голосами против 231. После этого билль прошел через парламентский комитет. 21 сентября он был окончательно принят палатой общин — 345 голосами против 236. Дело было теперь за палатой лордов. Страна была охвачена острым политическим возбуждением. 3 октября 1831 г., в день прохождения билля во втором чтении в палате лордов, бирмингамские радикалы собрали митинг с участием 150 000 человек. Лорды оставались однако глухи и слепы. 8 октября, 199 голосами против 158, они отвергли и без того куций билль о реформе. Политический кризис явно перерастал в кризис революционный. «Билль или баррикады!» — стало звучать на некоторых митингах. Даже «Таймс», в номере от 10 октября 1831 г., был вынужден писать о «справедливом негодовании» народа. Ввиду огромного политического возбуждения в стране, 20 октября парламент отсрочил свою сессию до 22 ноября. В тот же день состоялись митинги в Манчестере (50 тысяч человек), Бирмингаме и Эдинбурге (по 20 тысяч). Бирмингамские радикалы поспешили выпустить воззвание, в котором уверяли рабочих, что «без пролития крови, без анархии, без нарушения закона» Англия совершит «одну их самых замечательных реформ, известных в истории человечества».

Бирмингамцам вторил Сэведж, сторонник политических прав для рабочих. Он обращался к массам с советом «исчерпать все конституционные меры, находящиеся в их власти, прежде чем прибегнуть к физической силе для восстановления своих прав». Но массы были настроены далеко не так мирно, как того хотелось бы и либералам и радикалам. 12 октября 1831 г. в Лондоне состоялась 60-тысячная демонстрация с участием делегатов от всех приходо́в столицы. Демонстранты направились к Сент-Джемсу (резиденции короля) с намерением представить ему адрес. Аудиенции они не добились, их направили к либералу Юму, который и представил адрес королю. Но подачей адресов дело не ограничилось. Дома двух крайних реакционеров, герцога Веллингтона и маркиза Бристольского, подверглись нападению толпы, в них были разбиты окна. В разных частях столицы шли стычки с полицией. Герцог Кэмберленд был стащен с лошади при воз-

вращения из палаты лордов, полиция едва спасла его. Маркиз Лондондерри подвергся вторично нападению толпы и был ранен брошенным в него камнем. В Дерби вспыхнули серьезные беспорядки и всю ночь звонили церковные колокола; шла уличная борьба между сторонниками и противниками реформы. Несколько мятежников были убиты и ранены прибывшими для усмирения войсками. В Ноттингэме беспорядки и насилия над противниками реформы были еще сильнее, чем в Дерби. Замок реакционного герцога Ньюкэстльского был сожжен до основания. Сожжен был также замок Кольвик. В Бостоне сожгли фабрику. Атаке мятежников подверглась и тюрьма. Серьезные волнения имели место и в Лоу-Боро. Здесь был атакован замок Бельмонта. 12 октября в Бирмингэме состоялся митинг 150 000 человек под председательством Томаса Атвуда. В ноябре и декабре 1831 г. произошло не менее 11 поджогов замков и домов реакционных лордов и вообще противников реформы. На этом фоне вспыхнули мятежи в Ноттингэме и в Бристоле. 29 октября жители Бристоля устроили враждебную демонстрацию против члена парламента и городского судьи, противника реформы, сэра Чарльза Уэтереля. Демонстрация превратилась в открытый мятеж. Повстанцы атаковали полицейские участки. В течение двух дней, 29 и 30 октября, город фактически был в руках восставших. Они сожгли казначейство, таможню, освободили арестованных и сожгли все тюрьмы. Сожжен был и дворец епископа. Главную массу восставших составляли углекопы из Китсвудских шахт. Присланные войска подавили восстание.

Вслед за восстанием в Бристоле вспыхнули мятежи рабочих в Батсе, Ворчестере, Ковентри, Варвике и в ряде других городов. Инсургенты сожгли чучело реакционного епископа Винчестерского и Экзетерского. Все эти местные восстания были подавлены. Началась расправа. 2 января 1832 г. специальные суды в Бристоле и Ноттингэме рассмотрели дела 113 мятежников. Четверо из них — Дэвис, Кейес, Грегори и Клерк — были повешены в Бристоле, трое других — Бекк, Хирсон и Армстронг — в Ноттингэме. Всего было приговорено к казни 26 человек. Один инсургент был приговорен к 14-летней каторге, шестеро — к 7 годам каторги, 11 человек были присуждены к 2 годам тюрьмы, 17 — к году тюрьмы, 7 — к 6 месяцам, трое — к 4 месяцам, трое — к 3 месяцам и двое к одному месяцу тюрьмы. 22 обвиняемых были оправданы. С 25 октября по 1 ноября 1832 г. разбиралось дело майора Бристоля, Чарльза Пинни, обвинявшегося в непринятии необходимых мер во время восстания 29 — 30 октября 1831 г. Майор был оправдан.

Между тем 5 декабря 1831 г. вновь собрался парламент.

Билль о реформе был снова внесен в палату общин и принят во втором чтении (16 декабря) — 324 голосами против 162. Революционное возбуждение народных масс привело к такому увеличению сторонников реформы в парламенте. Приняв билль, парламент отсрочил свои заседания до 17 января 1832 г. 23 марта билль поступил в палату лордов. 9 апреля началось чтение билля. Прения шли всю ночь напролет. Первый министр, либерал Грей, говорил несколько часов в защиту билля. И только 14 апреля в 7 час. утра палата лордов 184 голосами против 175 высказалась за второе чтение. Угроза нового провала билля о реформе вызвала по всей стране новую волну митингов и демонстраций. 24 апреля 1832 г. в Эдинбурге состоялся митинг 50 000 человек, требовавший от лордов принятия билля. 7 мая в Бирмингеме союз Атвуда организовал митинг 300 000 человек с двумястами оркестров и 1000 знаменами. «Нет билля, нет налогов», — заявляли демонстранты. Атвуд метал громы и молнии в защиту проекта Грея, но пэры Англии упорно не хотели проводить билль. Тогда лорд Грей предложил королю назначить в палату лордов столько пэров, сторонников реформы, сколько необходимо, чтобы создать большинство в пользу реформы. Король, по совету реакционеров, отказался однако назначить новых пэров. Правительство Грея подало в отставку. Но то была последняя оппозиция лордов. Герцог Веллингтон, исходя из возбужденного состояния страны, отказался от составления министерства, и правительство либерала Грея вернулось к власти. Страх перед революцией заставил отступить даже «железного герцога» — Веллингтона. Сопrotивление лордов было сломлено. 7 июня 1832 г. билль о реформе был утвержден королем, и стал законом. Радикалы ликовали. Атвуд созвал в тот же день митинг в Бирмингеме с участием 50 000 человек, на котором открыто выражал свою радость по поводу того, что Англия избежала «самой ужасной революции».

При всей своей умеренности избирательная реформа 1832 г. сыграла крупную роль. Она показала рабочим всю нерешительность буржуазных радикалов, она разоблачила совершенный ими обман рабочих. Реформа 1832 г. не давала никаких политических прав трудящимся. В апреле 1832 г., накануне принятия билля, в «Пур Ман'с Гардиан» — анонимный автор (он подписался — «один из угнетенных») статьи, посвященной борьбе вокруг билля, пророчески писал: «Билль самое нелиберальное, деспотическое, мерзкое и адское мероприятие, которое когда-либо было предложено. Поэтому я закликаю вас, приготовьте себе гробы, если вы имеете средства для этого. Если билль будет проведен, то вас тысячами заморят голо-

дом, и ваши трупы, как дохлая падаль, будут выброшены в мусорную яму на улицу». Реформированный парламент оказался — по выражению О'Брайена — «парламентом барышников». Реформа 1832 г., повысившая удельный вес промышленной буржуазии в правительстве, сопровождалась усилением эксплуатации пролетариата.

Велико было разочарование рабочих, когда они узнали о содержании билля. Под влиянием этого разочарования «Национальный союз рабочих классов» выпустил декларацию, написанную Вильямом Ловеттом и Дж. Ватсоном. Лозунгом декларации было изречение: «Труд есть источник богатства. То общество наилучшим образом управляется, где граждане не слишком богаты и не слишком бедны». Эту идею мелкобуржуазного уравниательства Ловетт, Ватсон, Гетерингтон сделали основой своей социально-экономической программы. Исходя из принципов естественного права, декларация требовала восстановления всех естественных прав человека. Первый пункт декларации объявлял священной и неприкосновенной всякую «честно нажитую собственность».

По поводу политических прав для рабочих декларация заявляла: «Мы объявляем эти принципы существенно необходимыми для нашей защиты по охране нас как рабочих и единственной надежной гарантией обеспечения нам дохода от нашего труда и мы никогда не удовлетворимся проведением какого-нибудь закона или законов, которые не признают прав, перечисленных нами в этой декларации». В специальной резолюции Национальный союз следующим образом определял свою тактику: «Так как наша цель справедлива, то мы хотим, чтобы наши действия проводились мирными средствами». И это писалось в период крайнего революционного возбуждения, о котором сам Ловетт вспоминал потом, что если бы вожди призвали тогда массы к оружию, этот призыв был бы тотчас же подхвачен. Противники революционных методов борьбы, преобладавшие среди руководителей Национального союза, привели своей тактикой к распаду Союза. Впоследствии Ловетт объяснял причину распада организации увлечением его членов стачечной борьбой. Он и Гетерингтон боролись против стачки как метода не только экономической, но и политической борьбы. В частности они решительно выступали против тогдашнего теоретика всеобщей стачки, предвестника революционного синдикализма — Вильяма Бенбоу.

* * *

Вильям Бенбоу родился около 1780 г., (год смерти не установлен) в семье сапожника, ставшего впоследствии книгопродавцем. О молодости его сведений почти не сохранилось.

В 1817 — 1825 гг. он был владельцем типографии и издателем. Печатал дешевые издания английских классиков, в частности Байрона. Несоднократно подвергался преследованиям за издание и распространение оппозиционной литературы. Ему принадлежит памфлет против цензуры, в котором он клеймит правительство тиранией и деспотией. Республиканец по убеждениям, Бенбоу издавал в 1832 г. в Лондоне журнал «Трибюн оф дзи Пипль» («Народная Трибуна»). В 1831 — 1832 гг. он был членом «Национального союза рабочих классов» и выступал на митингах «Ротонды». В январе 1832 г. Бенбоу опубликовал трактат под заглавием — «Великий национальный праздник и конгресс производительных классов». В посвящении рабочим он писал: «Жертвы обирательства и товарищи по несчастью! Я предлагаю вам план свободы; примите его и вы избавите мир от всякого неравенства, нищеты и преступления. Мученик за ваше дело, я становлюсь теперь пророком вашего освобождения из неволи. Здесь вам указывается и вам посвящается план счастья. Вместе с ним я предлагаю вам свою жизнь и свое тело, свою душу и свою кровь». Последние слова не были риторической фразой. Бенбоу преследовали, он сидел в тюрьме. В бурные годы 1837 — 1842, в центре рабочего движения Ланкашира, он будет проповедывать рабочим идею всеобщей стачки. Сама по себе идея всеобщей стачки уже носилась в умах рабочих. Уже в 1817 г. выдвигался подобный лозунг. 1 апреля 1820 г. рабочие Глазго (Шотландия) выпустили прокламацию с призывом ко всеобщей стачке в Англии, Шотландии и Ирландии. Эта прокламация гласила: «В настоящем положении дел и в продолжении столь значительной борьбы, мы убедительно просим всех остановить свою работу после этого дня, 1 апреля, и целиком послужить восстановлению своих прав и считать обязанностью каждого человека не начинать сызнова (работу — Г. В.) до тех пор, пока он не будет обладать правами, которые отличают свободного человека от раба; только на этих условиях давайте свое согласие на законы, которые им управляют. По приказу организации по образованию временного комитета. Глазго 1 апреля 1820 г.». На этот призыв к политической стачке откликнулись ткачи Глазго и Пэйсли. 3 апреля забастовали углекопы, прядильщики, машиностроители, литейщики, но все же стачка не была всеобщей.

Вильям Бенбоу теоретически обосновал превращение экономической забастовки во всеобщую политическую стачку, и в этом его величайшая заслуга. Оппортунистическое руководство комитета «Национального союза» в лице Ловетта и Гетрингтона пыталось отговорить Бенбоу от опубликования его плана всеобщей стачки. Но он не поддавался влиянию правых

вождей и в начале 1832 г. опубликовал свой план, обогатив этим самым английское рабочее движение новым, могучим оружием классовой борьбы. Впоследствии левое крыло чартистов будет поддерживать план всеобщей стачки и попытается реализовать его.

Бенбоу стоял за «союз мысли и действия». Его социально-экономические взгляды сильно напоминают взгляды Бронтера О'Брайена, будущего чартиста и активного сотрудника уже упоминавшейся газеты «Защитник бедняка». Бенбоу писал:

«Труд народных масс — единственный источник богатства, но черпает из этого источника только привилегированное меньшинство. Народ — источник всей мощи государства, но пользуются ею угнетатели народа... Рабочие должны освободить себя сами. Начиная с Уота Тайлора и кончая Тистльвудом, поборники правды, запечатлевшие ее своей кровью, выходили из народа. Но как может народ достигнуть сознания этого и солидарности своих действий? Путем провозглашения месяца отдыха, путем прекращения работ. Нам говорят, что мы страдаем от перепроизводства. Хорошо. Перестанем производить... Сосчитаем себя, узнаем, как сильна рабочая армия и как малочисленно привилегированное меньшинство. Уже один акт прекращения работ массами даст им сознание своей мощи, покажет все значение солидарного выступления. Чтобы принести пользу рабочим, месяц отдохновения должен стать для рабочих месяцем конгрессов, народным месяцем для составления социального баланса, национальным конвентом, чтобы разбить и обратить в бегство тиранию».

Итак, Бенбоу проектировал всеобщую стачку и созыв национального конвента, как бы предвосхищая этим позднейшие конвенты чартистов. Но призывая к созданию местных комитетов по организации всеобщей стачки и созыву национального конвента, Бенбоу недооценивал силу сопротивления буржуазии. Он зовет рабочих запасаться продовольствием на неделю, хотя стачку предлагает — на месяц. Он глубоко убежден, что «если рабочий класс всей страны будет в течение одной только недели един и проникнут сознанием своей цели, то успех обеспечен». Развертывая программу деятельности будущих народных комитетов и Национального Конвента, Бенбоу писал: «Все фонды имущества, которые предназначались первоначально для поддержки народа и были присвоены затем различным корпорациям и церковным союзам, должны снова получить свое прежнее назначение. Земля и скот принадлежали первоначально всем. Назначенные народом комитеты должны позаботиться о том, чтобы нынешние владельцы вернули бастующим массам часть произведений земли и часть

скота. А за комитетами должен стоять нравственно крепкий и готовый к действиям народ. Прежде всего массы не должны быть чрезмерно щепетильными. Право на стороне народа и на его же стороне сила. Цель национального конгресса — преобразовать общество сверху до низу путем лучшего распределения богатства, путем равномерного обращения хозяйственных благ, дабы привести весь социальный организм в гармоническое движение».

В другом месте тот же Бенбоу писал: «Холидэй (священный день — Г. Б.) означает *день праздника* и наш холидэй должен быть днем праздника, безусловно священным... В этот день праздника мы издадим законы для всего человечества, поставим каждое человеческое существо на надлежащее место. Равные права, равные привилегии, равные наслаждения, равный труд, равное уважение, равная доля в продукции: такова цель нашего священного месяца». Крайний эгалитаризм и революционные методы борьбы отталкивали от Бенбоу руководителей «Национального союза». Они не допустили напечатания в «Защитнике бедняка» его брошюры против тех «кто не работает». «Кто не работает, — писал здесь Бенбоу, — тот испорчен, его надо заставить работать, для того чтобы излечить от испорченности». Целью «священного месяца» Бенбоу объявлял обеспечение максимального счастья для всех.

5 октября 1833 г. в Глазго состоялся огромный рабочий митинг, принявший резолюцию в пользу всеобщей стачки. 1 февраля 1834 г. «Либератор Глазго», орган местных профессиональных союзов, писал: «Это будет не восстание, а пассивное сопротивление. Рабочие будут наслаждаться своим досугом; нет и не может быть такого закона, который заставил бы их работать против своей воли. Они могут прогуливаться по улицам или по полям, со скрещенными на груди руками; они не будут носить ни сабель, ни ружей; они не будут собираться толпами, не дадут властям рассеять их на основе акта о мятеже. Они будут только отсутствовать, они найдут достаточным не выходить на работу в течение одной недели или одного месяца. И что случится в результате этого? Билли будут обезглавлены. «Вестминстерская газета» будет регистрировать банкротства, капитал будет разрушен, доходы упадут, система управления придет в расстройство и каждое звено в цепи, которое связывало общество вместе, моментально разобьется от одного пассивного заговора бедных против богатых».

Сам Бенбоу был сторонником не такой пассивно-оборонительной стачки, а активной, наступательной, он допускал, что против тирании богачей все средства хороши. Недаром восхвалял он Уота Тайлора и Тистльвуда, революционеров. Благодаря неутомимой агитации Бенбоу, разъезжавшего по стране

в собственной повозке в целях пропаганды, идея всеобщей стачки получила широкую популярность в рабочем движении того времени.

* * *

Реформа 1832 г. своей половинчатостью не удовлетворила даже часть радикалов. Что касается рабочих, то разочаровавшись в реформе, не давшей им политических прав, они бросились укреплять свои экономические организации. Профессиональное движение получает в эти годы новое развитие. Плэс, этот агент либералов среди рабочих, писал, что тогдашние вожди профессиональных союзов «были за немногими исключениями убеждены в том, что недалеко то время, когда все рабочие будут готовы подняться всею массой и взять управление своим собственным домом (т. е. управление всей страной — Г. Б.) в свои руки».

В 1832 г. разразилась эпидемия холеры. Попы начали устраивать церковные процессии. Рабочие ответили на это антиклерикальными и антиправительственными демонстрациями, требуя хлеба как более действительного средства против холеры, чем все церковные песнопения. Одна из таких демонстраций состоялась под руководством Ловетта, Ватсона и Бенбоа 21 марта 1832 г. в самом Лондоне. 7 сентября 1833 г. усилиями вождя тредьюнионизма Джона Догерти было положено начало национальному объединению профессиональных союзов, был основан «Великий национальный тредьюнион». Новая организация, объединившая вскоре полмиллиона рабочих, поставила своей целью 1 марта следующего года провести всеобщую стачку, т. е. практически реализовать план Бенбоа. В 1833 г. волна забастовок прокатилась по Манчестеру, Бирмингаму, Лидсу и Дерби. В забастовках участвовали и с.-х. рабочие. Между тем, правительство преподносит рабочим каторжный закон о работных домах (1834). Либералы, дорвавшись до власти, спешили раздавить рабочие организации. В этом отношении весьма показательна попытка витов отнять у рабочих завоеванное ими в 1824 — 1825 гг. право союзов. Не рискуя прямо разгромить «Великий национальный тредьюнион», правительство лорда Мельбурна решило создать прецедент для разгрома ненавистной организации. С этой целью оно решило напасть на менее организованную и политически более отсталую часть рабочих и создало судебное дело о семи дорчестерских батраках из прихода Тодпуддли.

Дело это заключалось в следующем. В 1831 — 1832 гг. сельскохозяйственные рабочие Тодпуддли добились согласия хозяев на увеличение заработной платы; когда же рабочие вернулись на работу, лэндлорды и фермеры отказались платить более 9 шиллингов за неделю, хотя соседние фермеры давали

своим батракам по 10 шиллингов в неделю. В 1833 г. работодатели Тодпуддли снизили заработную плату до 8 шиллингов в неделю. Призванный в качестве свидетеля приходский поп поддерживал хозяев и отказался подтвердить прежнее обещание фермеров. В октябре 1833 г. в деревне образовался союз с.-х. рабочих; члены его приняли клятву верности. 21 февраля 1834 г. магистрат вывесил объявление, запрещающее вступление в союз под угрозой семи лет ссылки на каторгу в колонии. 24 февраля члены союза были арестованы вместе с провокатором Эдвардом Легг, втершимся в их ряды. 15 марта началась судебная расправа. Арестованных членов союза судили по старому закону Георга III (1796 — 1797 гг.) Судья, барон Джон Вильямс, сказал обвиняемым: «Если подобным обществам будет позволено существовать, это разорит мастеров, вызовет застой в торговле, разрушит собственность». Он добавил, что, если присяжные заседатели не найдут арестованных виновными, то «он убежден, что они потеряют доброе мнение о себе главного судьи».

Боясь потерять о себе «доброе мнение главного судьи», присяжные признали подсудимых виновными. Судья заявил, что их наказывают «не за то, что они что-нибудь сделали или собирались совершить, но как пример другим», и что он «считает своим долгом вынести приговор каждому в отдельности по семи лет ссылки в колонии на каторгу». Осужденные были закованы в кандалы. Лидер союза Джордж Ловлесс был взят в тюрьму больным и больным же отправлен в ссылку.

Этот приговор, направленный на разгром тредьюнионов, фактически аннулировавший право союзов и стачек, вызвал бурю протестов. В палате общин Джозеф Юм, Вильям Коббет, Даниель О'Коннелль и другие левые либералы и демократы подняли вопрос о дорчестерских узниках. Вне парламента требование рабочих о помиловании поддержали Роберт Оуэн и Фрэнсис Плэс. «Таймс» выразил свое удовольствие приговором, ибо, по мнению этого органа, «рабочий класс этой страны подобно чуме, охвачен преступным и ужасным духом объединения». В ответ на наглый выпад «Таймс» рабочие стали бойкотировать все пивные и кофейни, покупавшие «Таймс». Через месяц «Таймс» забил отбой, признав, что преступление не было доказано, и что приговор не соответствует виновности. Записка, представленная лорду Мельбурну в защиту дорчестерских узников, была покрыта 240 000 подписями. Под петицией о помиловании подписалось 50 000 человек. Митинг в защиту батраков собрал в Лондоне до 400 000 участников. По всей стране шел сбор подписей в пользу дорчестерских осужденных. Правительство решило одним ударом пресечь разраставшееся движение. 19 апреля было выпущено спе-

циальное предостережение. Указывая на то, что «подобные митинги и подобные процессии в высшей степени незаконны и предосудительны», что они «распространяют и возбуждают страх в умах благонамеренных людей и мирных обывателей, магистрат предупреждал «все классы подданных его величества об опасности, которой они подвергают себя, участвуя в таких митингах и процессиях». В Лондон были стянуты войска всех родов — пехота, кавалерия, артиллерия, не считая личной гвардии короля, конной гвардии и полков из состава столичного гарнизона. Мобилизованные части были спрятаны по казармам. Репортер газеты «Пионер» писал, что все было сделано так, что «ни одного солдата не было видно».

27 апреля петиция о помиловании дорчестерских батраков была доставлена лорду Мельбурну в карете, в сопровождении процессии из 60 000 человек. Министр отказался принять делегацию и допустил к себе одного только Роберта Оуэна. Петицию Мельбурн не принял под формальным предлогом, что она не была представлена «в надлежащей манере». 28 апреля петиция была представлена вторично, на этот раз по форме, согласно «надлежащей манере». Ловлесс и его товарищи находились в это время в ссылке в Хобарт-Таун, на земле Ван-Димена (нынешняя Тасмания). В 1836 г. Ловлесса освободили от каторжных работ. Губернатор Ван-Димена долго скрывал и всячески оттягивал освобождение Ловлесса. И только 13 июня 1837 г. этот борец за свободу союзов и стачек вернулся в Англию. Его сотоварищ по процессу, Джемс Хоммет, был возвращен лишь в 1875 г. Он был продан как раб (за фунт стерлингов) вглубь страны фермеру. Брат Джорджа Ловлесса — Джемс Ловлесс, братья Джон и Томас Стэнфильды и Джемс Брэйи уехали после освобождения в Канаду.

Репрессии правительства против дорчестерских батраков всколыхнули рабочих не только Лондона, но и других городов. Вспыхнул ряд стачек солидарности и протеста. В Вестминстере разразилась стачка газовых рабочих в пользу увеличения заработной платы. Отметим также успешную кампанию против почтового сбора на газеты (он был снижен), в которой участвовал и Ловетт и его организация (1835 — 1836). В 1834 г. «Великий национальный союз тредьюнионов» фактически распался под ударами репрессий со стороны либерального кабинета лорда Мельбурна. Либералы разоблачили себя в глазах масс и очень основательно. Распался и «Национальный союз рабочих классов». Из недр его вышла «Лондонская рабочая ассоциация» Ловетта, основанная 16 июля 1836 г.

Рабочий класс Англии поднимался на более высокую ступень своего развития. Наступала эпоха чартизма, один из славнейших периодов в истории английского рабочего движения.

ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Howell*. The State Trials XX — XXXV volumes.
2. Report of the State Trials. New Series by *Macdonald*. Ld. Vol. I — II.
3. *Hansard's*. Parliamentary Debates vol. XX — XVII.
4. Trial of W. Winterbotham Ld. 1793.
5. *I. Robertson*. An account of the Trial of Thomas Muir. Edinburgh 1793.
6. *Ramsey*. The Trial of W. Skirving in 1794. Glargow 1830.
7. *Joseph Gurney*. The Trial of Thomas Walker Ld. 1794.
8. *Joseph Gurney*. The Trial of Thomas Hardy vol. I — IV. Ld. 1794.
9. *Joseph Gurney*. The Trial of John Horne Tooke vol. I — II. Ld. 1795.
10. Collection of Adresses to the National Convention of France. Ld. 1793.
11. London Corresponding Society. Adress and Resolutions. Ld. 1794.
12. *Joseph Gerabd*. A Convention the only Means of Saving us from Ruin. Ld. 1793.
13. Adress of London Corresponding Society Ld. 1792.
14. *Thomas Paine*. Age of Reason. Ld. 1792.
15. *Thomas Paine*. Right of Man. Part I — Ld. 1791. Part II — Ld. 1792.
16. *Thomas Paine*. The Working Man's Political Companion. Ld. 1795—1796.
17. *Thomas Paine*. The adress and Declaration respecting tge French Revolution etc. Ld. 1792.
18. *Edmund Burke*. Letters of England. Ld. 1795.
19. *John Cartwright*. The Commonwealth in Danger Ld. 1795.
20. *John Cartwright*. The Legislative Rights of the Commonality vindication. Ld.
21. Trial of Thomas Spence in 1801. Spence and his political works. 1917. Leamington
22. *Thomas Spence*. Description of Spensonia Ld.
23. The Trial of Henry Hunt Iork. 1820.
24. A Historical Account of the Luddites of 1811 — 1813 with their Trials at Iork Castles 1817. Hindersfields 1860.
25. State Trials of Richard Carlyle and William Cobbet. New Series. Vol. II. Ld.
26. Trials of the Person, Concerned in the last Riots (1831—1832) at Bristol. Bristol 1832.
27. *Swing*. A True Account of the Life and Death Swing. Ld. 1830.
28. Article on Machine Breakers. (Answer to the «Swing»). Ld. 1830.
29. *G. S. Wakfield*. Swing Unmasked. Ld. 1831
30. *William Lovett*. The Life and Struggle. Vol. I — II. Ld 1876.
31. *William Benbow*. Grand National Holiday and Congress of Productive Classes. Ld. 1831.

32. *E. Smith*. The English Jacobinism. Ld.
33. Walter Phelps Hall. British Radicalism 1792—179. Nl. USA. 1912.
34. *W. T. Laprede*. England and the French Revolution. Leipzig — London. 1919.
35. *Veitch Georg Stead*. The Genesis of Parliamentary Reform. Ld. 1913.
36. *Conrad Gill*. Naval mutinies of 1797. Manchester 1913.
37. *Hasbueh*. The History of the English Agricultural Labour (translation from German). Ld.
38. *Robert Berley*. The English Jacobins from 1789 to 1812. Ld. 1924.
39. *Frank Pell*. The Rising of Luddites.
40. *S. R. Fay*. Life and Labour in Nineteents Century. 1924.
41. *J. L. Hammond* and Barbara Hammond. The Village Labourer 1760—1832. Ld. 1920.
42. *J. L. Hammond* and B. Hammond. The Town Labourer. 1760—1832. Lond. 1920.
43. *J. L. Hammond* and *B. Hammond*. The Skilled Labourer 1760—1882. Ld. 1919.
44. *Жан Жак Нюрсе*. История Великой французской революции, т. III, вып. I и II. 1933.
45. *П. Манту*. Промышленная революция в Англии, Гиз, 1925.
46. *Генри Джемсон*. Платформа, тт. I и II 1901.
47. *Макс Беер*. Всеобщая история социализма тт. I и II
48. *С. и Б. Вебб*. История тредюнионизма. ВЦСПС, вып. I—V. 1924—1925.
49. *Г. Дос. Коул*. История рабочего движения в Англии, изд. 2, 1925.
50. *Ф. Ротштейн*. Очерки по истории рабочего движения в Англии, изд. 2, 1925.
51. *В. А. Васютинский*. Разрушители машин в Англии, 1929.
52. *Герман Бьжков* — «Английский рабочий класс во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.». «Борьба классов» 1933, № 2.
53. *Карл Маркс, Фр. Энгельс*, о рабочем движении в Англии в XVIII в. и в первой половине XIX ст. Соб. соч.; т. II, III, V, VIII, IX, X, XX, XXIV.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая.</i> Голодные бунты 1795 — 1818 гг.	6
<i>Глава вторая.</i> Солдатские волнения в 1795 — 1816	11
<i>Глава третья.</i> Восстание британского военного флота в 1797 году	15
<i>Глава четвертая.</i> Демократическая партия XVIII столетия («Корреспондентские общества» 1792 — 1797 гг.)	38
<i>Глава пятая.</i> Стачки и разрушения машин с 1765 по 1830 г.	68
<i>Глава шестая.</i> Движение фермеров в Отмуре (1801 — 1832 гг.)	107
<i>Глава седьмая.</i> Восстание сельскохозяйственных рабочих («Свинг») в 1830 — 1832 гг.	112
<i>Глава восьмая.</i> Демократическое движение 1816 — 1836 гг.	123

Ответственный редактор *А. Молок*   Технический редактор *А. Разинская*.
 Книга сдана в набор 5/XI 1934 г.   Подписана к печати 13/XII 1934 г.
 Индекс С — 43.   Союзгиз № 1080.   Тираж 10250.
 Ленгортлит № 28707.   Заказ № 2225.   Бумага 82 × 110 см.
 9,64 авт. л.   4²/₃ печ. л.   Бум. л. 2²/₃.   (161920 тип. зн. в 1 бум. л.)
 Книга отпечатана на бумаге Красногородской ф-ки

2-я тип. «Печатный Двор» треста Полиграфкига, Ленинград, Гатчинская, 26.

Г. Быков — «Очерки по истории социальных движений в Англии (1764—1836)»

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
3	11 снизу	капиталов	капитанов
4	1 сверху	1686 г.	1688 г.
38	7 »	ваш	наш
50	6 снизу	Сквиринг	Сквиринг
53	17 »		
56	1 сверху		
123	8 снизу	Кэстльри,	Кэстльри.
123	7 »	1820 года. Пять	1820 года пять
150	1 сверху	Важнейшие источники	Важнейшие источники и литература
150	13 сверху	Gerabd	Gerald
151	15 снизу	Жан Жак Нюрсе	Жан Жак Жорес
151	11 »	Всеобщая история социализма	История социализма в Англии,
151	1—2 снизу	XX, XXIV	XX — XXIV